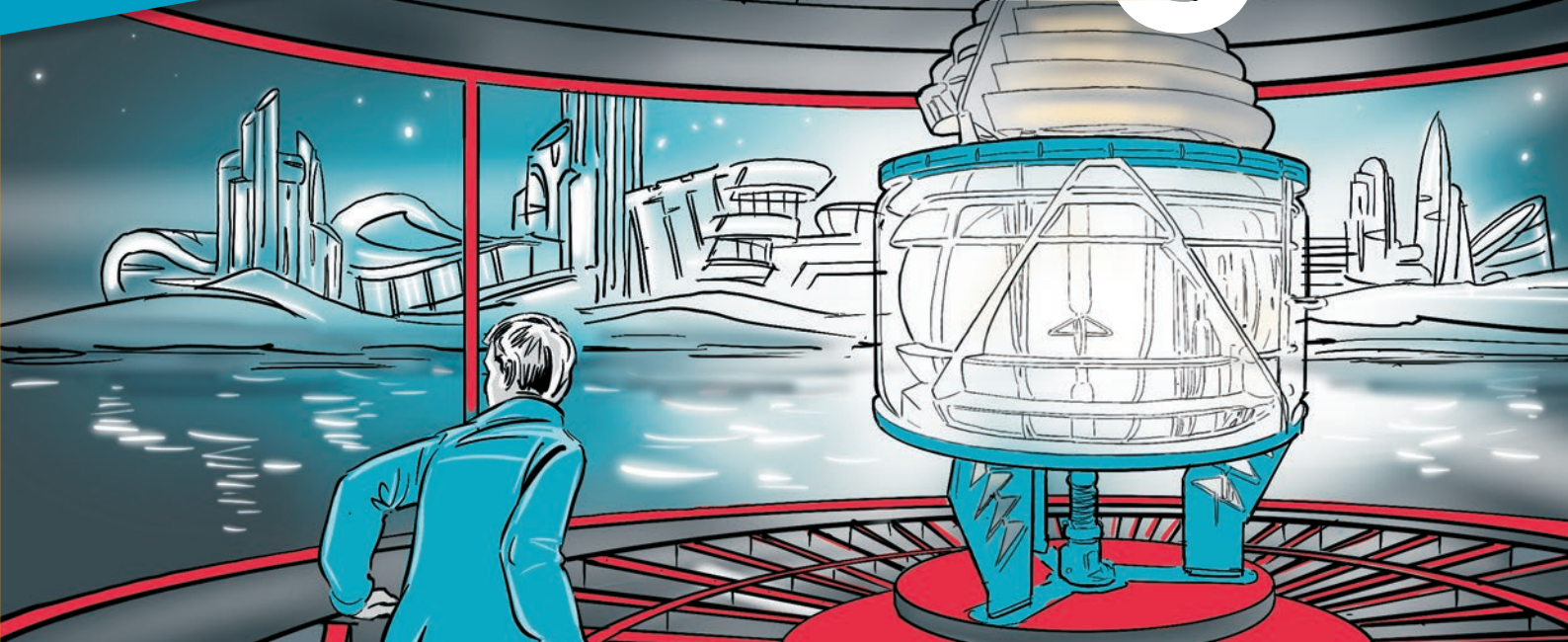

ПОЗИТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ positive changes

2023

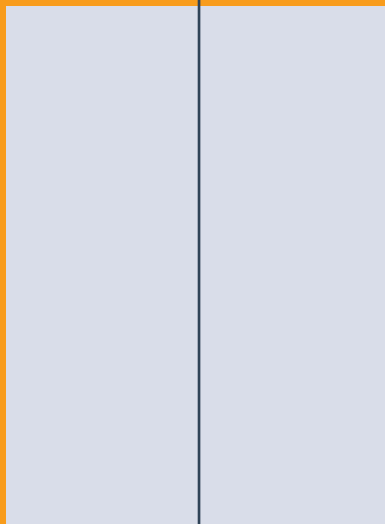
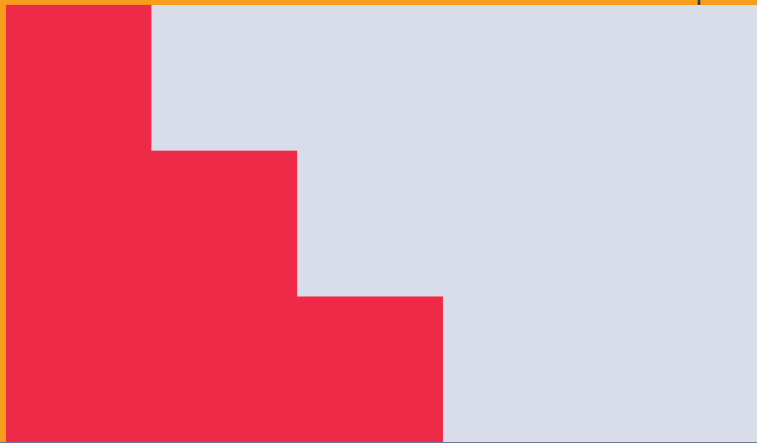
ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК
ЭКОНОМИКА
БУДУЩЕГО

SPECIAL ISSUE
THE ECONOMY
OF THE FUTURE

SPECIAL ISSUE
OF THE POPULAR SCIENCE JOURNAL
ON IMPACT INVESTMENTS
AND SOCIAL IMPACT ASSESSMENT
POSITIVE CHANGES

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ЖУРНАЛА
ОБ ИМПАКТ-ИНВЕСТИЦИЯХ И ОЦЕНКЕ
СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
«ПОЗИТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ»

От редакции

From the Editor

«Экономика будущего» — тематический выпуск научно-популярного журнала «Позитивные изменения», который посвящен экспертному взгляду на то, как может и должна развиваться система социально-экономических отношений в обществе. Аналитики, исследователи, футурологи и практики представили свое видение будущего экономики, а также пути, который нужно пройти, чтобы позитивные изменения в этой сфере наступили как можно скорее.

“The Economy of the Future” is a special issue of the Positive Changes Journal, dedicated to providing an expert overview of how the social and economic relationships in the society can and should evolve. Analysts, researchers, visionaries and practitioners share their vision of the future of the economy and the path it must take to make positive changes happen as soon as possible.

В тематический выпуск традиционно вошли экспертные статьи, интервью, исследования, тематический дайджест публикаций, а также авторское эссе в рубрике «Простыми словами» и обзор книги в новом разделе «Близко к тексту».

В выпуске поднимаются вопросы будущего экономического образования, возможностей перехода от линейной к циклической экономике, судьбы гражданских финансов, будущего инвестиций и многие другие. Почетным гостем выпуска

стал Джеффри Сакс — «возможно самый важный экономист в мире» по версии газеты «Нью Йорк Таймс», дважды входивший в 100 самых влиятельных мировых лидеров.

Выход тематического выпуска приурочен к Международному дню социального бизнеса, который празднуется во всем мире 28 июня. Мы поздравляем всех читателей с этим праздником и желаем, чтобы позитивных изменений становилось больше!

The special issue traditionally features expert articles, interviews, studies, a digest of recent publications, as well as new columns — “In Simple Words” with an original essay, and “True to the Book”, with a book review.

This issue raises questions about the future of economic education, the

possibility of moving from a linear to a circular economy, the evolution of civil finance, the future of investing, and much more. Our guest of honor today is Jeffrey Sachs, “probably the most important economist in the world” according to The New York Times, twice named one of the top 100 most influential people in the world.

The issue is timed to coincide with the International Social Business Day, which is celebrated around the world on June 28. Congratulations to all our readers on this holiday, and many positive changes to you!

Contents

IN THE FIRST PERSON	The Economy of the Future. Stage One Alexey Ryzhkov 4
SPECIAL GUEST	“We Have the Technological and Economic Means to End Poverty.” Interview with Professor Jeffrey Sachs Natalia Gladkikh 14
EXPERT OPINIONS	Economy of the Future Through the Eyes of Futurologists. Positive Changes Journal Expert Discussion Tatiana Pechegina 19
	“Economic Education Must Be for the Good of the People and the Planet”. Interview with Sonal Raghuvanshi, Economists for Future Natalia Gladkikh 32
EXPERT PUBLICATIONS	(In)equality in the Past and in the Future. A View by the Authors of “the Most Influential Books on Economic History in the New Millennium” Ivan Smekalin 39
	Linear to Circular: an Alternative Model of Economic Development Ekaterina Egorova 49
	The Long Road to a Social Dividend Ken Webster 56
	People and the Budget: What Does the Future Hold for Civil Finance? Irina Laktyushina 66
	The Answer to Global Challenges: Why Investing in Impact Projects is the Future Yana Komarova, Egor Muravev 71
TRUE TO THE BOOK	The Present and Future of the World Economy. Forecast by Mikhail Khazin Elena Avramenko 78
RESEARCH STUDIES	The Economy of the Future as an Object of Research. 10 Popular Books from Recent Years Elizaveta Zakharova 90
IN SIMPLE WORDS	“Make Crafts, Not Business.” The Future of the Post-Industrial Economy Ekaterina Zatuliveter 97

Содержание

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	Экономика будущего. Первый этап Алексей Рыжков 4
ГОСТЬ ВЫПУСКА	«Мы располагаем технологическими и экономическими возможностями для того, чтобы покончить с бедностью». Интервью с профессором Джеффри Саксом Наталья Гладких 14
ЭКСПЕРТНЫЕ МНЕНИЯ	Экономика будущего глазами футурологов. Дискуссия экспертов журнала «Позитивные изменения» Татьяна Печегина 19
	«Экономическое образование должно быть направлено на благо людей и планеты». Интервью с Сонал Рагхуванши, движение Economists for Future Наталья Гладких 32
ЭКСПЕРТНЫЕ СТАТЬИ	(Не)равенство в прошлом и будущем. Взгляд авторов «самых влиятельных книг по экономической истории нового тысячелетия» Иван Смекалин 39
	От линейной к циклической: альтернативная модель развития экономики Екатерина Егорова 49
	Долгая дорога к социальным дивидендам Кен Вебстер 56
	Люди и бюджет: что ждет в будущем гражданские финансы? Ирина Лактюшина 66
	Ответ на глобальные вызовы, или почему будущее за инвестициями в импакт-проекты Яна Комарова, Егор Муравьев 71
БЛИЗКО К ТЕКСТУ	Настоящее и будущее мировой экономики. Прогноз Михаила Хазина Елена Авраменко 78
ИССЛЕДОВАНИЯ	Экономика будущего как объект исследования. 10 популярных книг последних лет Елизавета Захарова 90
ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ	«Не работаем, но занимаемся ремеслом». Будущее постиндустриальной экономики Екатерина Затуливетер 97

Экономика будущего.

Первый этап

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-S1-4-13

The Economy of the Future.

Stage One

В статье представлено видение Экономики будущего социального инвестора, учредителя группы компаний Seven Suns Development, основателя Фабрики позитивных изменений Алексея Рыжкова.

The article presents a vision of the Economy of the Future by Alexey Ryzhkov, social investor, founder of Seven Suns Development Group and the Positive Changes Factory.

Алексей Рыжков

Социальный инвестор,
учредитель группы компаний
Seven Suns Development,
основатель Фабрики позитивных
изменений

Alexey Ryzhkov

Social investor, founder
of Seven Suns Development Group
and the Positive Changes
Factory

Как уже было отмечено ранее в статьях¹ А. Рыжкова, сейчас все человеческое общество проходит кризис перехода из существовавшей в течение всей известной нам сегодня исторической эпохи модели жизнеустройства, основанной на цели достижения точки высокого материального благополучия человека, как точки успеха и результата в смысле жизни вообще, как она понималась, в нематериальный сектор жизни, где центром модели жизнеустройства будет сам человек, как эквивалент живой жизни, имеющей определенную естественную природу и соответствующие ей качества. И это, безусловно, затронет и изменит все сферы человеческой жизни, в том числе экономику.

В течение уходящей исторической эпохи люди всегда, так или иначе, пытались найти в теории и реализовать на практике модель справедливой экономики. Были различные попытки сделать это, но в целом нужно выделить два принципиальных подхода, которые можно назвать:

- индивидуалистическим
- и
- коллективистским

Первый — это приоритет идеи «каждый сам ответственен за свою жизнь», которая в какие-то периоды выражалась в своих производных формулах: «выживает сильнейший», «ничего личного, просто бизнес» и даже «человек человеку волк».

Второй — это приоритет идеи совместности людей, которая была проявлена в различных моделях жизни общества, начиная с племенных объединений, заканчивая попыткой построить глобальный социалистический проект.

Экономика, конечно, вторична от мировоззрения, и это имело соответствующее отражение в двух указанных способах жить — из индивидуалистической идеи всегда вырастала модель рыночной экономики и предпринимательства в пределе применительно к каждому человеку в обществе, из коллективистской — модель хозяйствования и распределения результатов экономической деятельности, стремящаяся к централизации регулирования сверху.

Каждый из подходов имел свои преимущества и недостатки, выраженные в соответствующих кренах — индивидуалистическое мировоззрение всегда давало большую самостоятельность и взрослость членов общества, зачастую в ущерб этике, что на верхних уровнях социальной пирамиды всегда приобретало формы эгоцентризма, а соответственно вертикальной иерархии и эксплуатации более сильными группами более слабых, вплоть до власти отдельных над всем обществом, коллективистская идея всегда была более возвышенной с точки зрения морали и нравственности, гордо несла знамя приоритета альтруистических ценностей над материальными, но создавала крен в человеке

In his previous works¹, A. Ryzhkov highlights that the contemporary society is currently facing a crisis, undergoing a transition from the established way of life, in which financial prosperity is understood as the sole measure of success and the essence of life, to the intangible realm, where humans themselves are the focal point of life, as living entities with their natural habitat and respective qualities. This will certainly transform all areas of human life, including the economy.

Throughout their history, the humans have always been striving to develop the theory of a fair economy and to implement it in practice. All these numerous attempts generally fall into the following two categories:

- individualistic
- and
- collectivist

The former is best described by the concept “everyone is responsible for their own life,” which received different wordings in different epochs: “survival of the fittest,” “nothing personal, just business,” and even “homo homini lupus est.”

The latter prioritizes the concept of human collaboration, which has also been demonstrated through various models of social organization, from tribal alliances to more recent endeavors such as the ambitious global socialist project.

The economy, being a reflection of the prevailing worldview, naturally aligned itself with the broader division into two dominant lifestyles. The individualistic concept persistently advocated for the economic model of a free market and entrepreneurship, which exerted its influence on every individual within society. Conversely, the collectivist ideology led to an economic model characterized by centralized regulation, management, and distribution of economic benefits, operating from the top-down.

Naturally, both approaches had their strengths and weaknesses; both were also inherently biased. The individualistic worldview, while granting more autonomy and maturity to individuals within the society, often did so at the expense of ethical considerations. This created extreme levels of egocentrism among the privileged few atop the social pyramid, perpetuating vertical hierarchies and exploitation of the weaker social groups by the stronger ones, sometimes as much as seizing control over the entire society. On the other hand, the collectivist ideology consistently upheld high moral values and proudly emphasized the priority of altruistic beliefs

¹ Рыжков, А. (2022). *Россия — страна позитивных изменений. Позитивные изменения*, 2(2), 5–13
Рыжков, А. (2022). *Города будущего в России. Позитивные изменения. Тематический выпуск «Города Будущего»*, 4–9

¹ Ryzhkov, A. (2022). *Russia — the Country of Positive Changes. Positive Changes Journal*, 2(2), 5–13. Ryzhkov, A. (2022). *Cities of the Future in Russia. Positive Changes Journal. Special Issue on the Cities of the Future*, 4–9

и обществе в сторону несамостоятельности в мировоззрении и действиях каждого в отдельности индивида, зависимости друг от друга, размывания реально существующей разности степени развития людей в обществе с отрезанием выпирающих вверх над общим средним уровнем частей — «уровниловки» и, как результат, — стандартизацией развития, унификацией самого человека, стагнацией и саморазрушением общества.

Между двумя этими идеями и подходами к жизни всегда была конфронтация, более или менее выраженная, иногда эти модели сосуществовали без явного конфликта, но в основном так или иначе сталкивались в противостоянии. Все потому, что это две стороны одной медали — действительного человека, но разделенные на две отдельные части, из которых сформировались противоположные полюса, прежде всего в мировоззрении, со своими плюсами и минусами, которые устойчиво воспроизводились в глобальном обществе в течение всего уходящего исторического периода. В процессе развития этой эпохи, данные полюса становились все более выраженными, выкристаллизовывались, как плюс и минус, теперь мы наблюдаем их финальную схватку.

Если внимательно посмотреть, то в течение всего времени представителем первой позиции так или иначе был Западный полюс, второй — Россия, определенные части Востока и Юга. При этом, безусловно, адепты данных видов мировоззрения были и сейчас распространены повсюду, но все-таки центры оставались неизменными, даже несмотря на то, что в определенные периоды спирального исторического развития происходили пробы соответствующих частей глобального социума надеть несвойственную для себя «шкуру» и жить в ней, глубинный мировоззренческий генотип сохранялся и возвращал через приобретение определенного, в том числе безусловно полезного опыта, все на круги своя.

Как же решить этот конфликт? Как примирить стороны или нужно, чтобы один из соперников победил другого? Кто прав? Какая модель лучше? Чтобы ответить на эти вопросы правильно, необходимо понимать логику жизни в целом и логику процесса ее развития.

Для этого здесь уместно привести общую матрицу жизни, применимую к развитию человека и общества, содержащую последовательность уровней снизу вверх, которые поэтапно необходимо осваивать (см. Таблицу 1).

На каждом из этих уровней человек и общество достигают большей степени развития, приобретают лучшее качество жизни во всех аспектах. Данные уровни жизни иерархичны по отношению друг к другу — каждый вышележащий уровень является объемлющим и определяющим для всех нижележащих уровней. В течение известного нам исторического периода, человечество последовательно осваивало нижние 4 уровня жизни, проходя соответствующие события, добиваясь соответствующих свершений, проживая соответствующие кризисы, которые особенно остры на переходах между уровнями. Экономика развивалась также в соответствии с этим. Конечно, общество неоднородно и разные его части находятся на разных уровнях развития, измерение здесь

over financial gains. However, it also resulted in diminished individual autonomy and greater dependence in thought and action, suppressing the objective impetus for social progress by discouraging any individual development beyond the average level. This inevitably led to a standardized approach to personal growth, homogenization of individuals, societal stagnation, and ultimately, self-destruction of the society.

The confrontation between the two ideas and approaches has always been more or less fierce. Sometimes they coexisted without a visible conflict, but most of the time they were conflicting one way or another. The reason is they are actually two sides of the same coin — the human nature, split into two parts that form two opposing poles of the worldview, with all their strengths and weaknesses, which were reproduced again and again on the global scale throughout the departing historical period. As the society progressed, these opposing positions became more and more pronounced, crystallized as the positive and negative poles of a magnet, and today we are witnessing their ultimate battle.

If we look carefully, throughout history the West has always adhered to the first position; the second position was held by Russia and certain parts of the East and South. In most cases, the centers of power within society remained relatively unchanged, despite the presence of followers for both models in various regions. Although isolated parts of the global society attempted to adopt alternative perspectives repeatedly over the course of history, the deeply entrenched stereotypes associated with their respective worldviews endured. Consequently, these attempts often proved temporary, ultimately reversing to the established order. Nonetheless, they served as valuable lessons, providing insights and knowledge that proved beneficial in many ways.

How can we solve this conflict? Is there a way to reconcile the parties, or does one opponent have to beat the other? Who is right? What model is better? To answer these questions properly, we must first understand the logic of life in general and the logic of its development process.

To this end, it is only fair to remember the general matrix of life applicable to the development of the humans and the society, which contains a sequence of levels that must be mastered step by step, from the bottom up (see Table 1).

At each level, the individual and the society achieve a greater degree of development, improving quality of life in all aspects. These levels are hierarchical in relation to one another — each higher encompasses and defines all lower levels. During the historical period known to us, the humankind has consistently climbed up the lower four levels of life, passing the corresponding

Таблица 1. Общая матрица жизни Table 1. The general matrix of life		
Уровни жизни Levels of Life	Основные характеристики	Key properties
8	Полное счастье. Игра в изобилии всего	Total happiness. Abundance of everything
7	Целостность, гармония и процветание	Integrity, harmony and prosperity
6	Порядок и система	Order and system
5	Управление Ж(ж)изнью	Managing L(l)ife
Граница между материальным и нематериальным The boundary between tangible and intangible things		
4	Образ жизни, технологии, деньги, инструменты управления	Lifestyle, technology, money, management tools
3	Социальная и экономическая деятельность	Social and economic activities
2	Обеспечение материальными ресурсами и удовлетворение базовых материальных потребностей	Providing financial resources and meeting basic material needs
1	Физическое существование, выживание и безопасность	Physical existence, survival and security

необходимо производить по наибольшему показателю, которого достигла значительная часть общества. Сейчас глобальное общество находится в процессе освоения 4 уровня жизни и в ближайшее время должно будет осуществить переход на 5 уровень. Таков текущий этап процесса жизни и соответствующий вызов времени для всех людей и общества.

Между нижними и верхними четырьмя уровнями жизни существует фундаментальная разница — это разница между материальным и нематериальным, которая означает совершенно разный центр, вокруг которого строится вся жизнь. В нижнем сегменте матрицы (на нижних 4 уровнях жизни) все строится вокруг задачи материального благополучия человека, то есть обустройства, его быта, среды вещей вокруг него. В верхнем же сегменте (на верхних 4 уровнях жизни) все выстраивается вокруг нематериальной составляющей природы жизни, нематериальной природы самого человека. Здесь нужно отметить тот факт, что за весь период уходящей эпохи фокус внимания и приложения усилий человеческого общества не был направлен на самого человека, был обращен вовне его, а, соответственно, мы ничего не знаем о том, кто такой человек с точки зрения его нематериальной природы, то есть, собственно, о том, кто он есть в действительности.

Текущий период, который в данный момент происходит, является переходным из нижнего сегмента матрицы жизни в верхний — с 4 уровня жизни на 5 и далее, и все события, в том числе кризисные, происходящие, как в индивидуальной жизни каждого человека, так и в жизни всего общества, следует рассматривать именно через призму и в логике этого перехода.

Переход из материального в нематериальное, как и, собственно, любой значительный переход, не может произойти

events, achieving the corresponding accomplishments, surviving the corresponding crises, which are especially acute in the transitions between the levels. The economy developed accordingly. Of course, the society is heterogeneous, and its different parts may be standing at different development levels, so the measurement should be made by the highest level reached by a significant part of the society. The global society is currently mastering the 4th level of life, and will soon have to transition to the 5th level. This is the current stage of life and the corresponding challenge of the times for all people and the society.

There is a fundamental difference between the lower four and upper four levels of life. It is the difference between the tangible and intangible, which means a radical transformation of the pivot point around which all of life is built. In the lower half of the matrix (the first four levels), everything is built around financial prosperity; that is, the humans are busy setting up their lives, gathering things around them. The upper half (the top four levels), however, is built around the intangible component of life, the humans' non-physical nature. Here we must note that during the entire passing epoch, the human society's attention and efforts were focused not on the humans themselves, but beyond them. Respectively, we know nothing about the humans' intangible nature, about who they are in reality.

The period we are living in today is a transition from the lower half to the upper half of the matrix of life — from level 4 to level 5 and above. All the events, including the crises, that are happening in every person's life as much as in the life of the

сразу, он происходит через транзит проекции из текущего уровня на следующий, то есть через представление, состоящее из элементов существующего, того, что такое новое. Это определенное виртуальное построение пока несуществующего из материалов существующего. Это всегда является искажением реальности, некой ложной копией действительного нового, в основном идеалистической. При этом, это важный этап перехода, и, в целом, по отношению к существующему уровню, его, безусловно, нужно считать позитивным и созидательным. И только после разрушения и этой идеалистической псевдореальности будет происходить переход в действительно эволюционно большее. Вышеописанное можно считать моделью, как для осуществления перехода в индивидуальном формате, так и для коллективного.

На ближайший период для человечества в первую очередь будет насущна и актуальна именно эта промежуточная остановка — переход из существующего материального в идеалистическое, во вполне хорошем смысле этого слова, будущее, где будет распаковано и реализовано в общественной жизни все то лучшее, что содержится в понятии человек в понимании текущей уходящей эпохи, то есть все его высокие качества.

Если рассмотреть этот промежуточный пункт с точки зрения устройства регулярных существующих сегодня сфер жизни общества, в том числе экономики, как эквивалента способов взаимодействия людей, то можно сказать, что на передний план выйдут условно нематериальные сферы жизни по отношению к материальным. Образование, управление, культура, наука, философия, религия, сферы работы с информацией — упорядочивание, аналитика, синтетика, подача, вообще знание — нравственность, отношения между людьми будут все больше и больше доминировать, приобретать большее значение, являться определяющими по отношению к сферам материального производства, обеспечению материальными ресурсами, физической безопасности и т. п. В том числе, указанные и другие сугубо материальные сферы будут трансформироваться в материально-нематериальные, интегрируя в себя недостающие модули, приобретая нематериальные значения и смыслы. Обществом будет осознана первичность нематериальных сфер над материальными, как применительно к отдельному человеку, так и применительно ко всему социуму — то есть то, с каким значением, с каким смыслом, с какой пользой для человека и общества осуществляется та или иная деятельность, будет иметь первоочередное значение по отношению к самой деятельности и ее результатам в виде материальных продуктов и прибыли. Произойдет переход в виде смещения фокуса внимания от производства вещей, обладания ими и обеспечения человека необходимым и желаемым (в смысле вещей) на самого человека, как того, кто он есть в смысле его качеств и компетенций. Все будет подчинено формуле: «Все, что работает на развитие человека, в смысле развития его качеств и компетенций — то хорошо, все, что не работает на развитие человека или работает

entire society, shall be viewed through the prism and logic of this transition.

The transition from tangible to intangible, as in fact any significant transition, cannot happen overnight; it takes creating a projection of the current level and moving it to the next one, that is, a representation of the new level through elements of the old. This is to some extent a virtual construct, representing the nonexistent through the existing materials. It is always a distortion of reality, a kind of “fake simile” (largely idealistic) of what is coming. In this case, it is an important stage of transition, and generally, it should certainly be considered as something positive and constructive, compared to the existing level. But the transition to the level that is greater evolution-wise will only occur once this idealistic “fake simile” of the reality is torn down. The above can be considered a model for both individual and collective transition.

In the short run, this intermediate stop will be the most urgent and relevant for the humankind — the transition from the material present to an idealistic future (in the good sense of the word), where all the best qualities of the concept of the human developed in the context of the current era, that is, all its superior qualities, will be revealed and integrated into the social life.

Looking at this intermediate point from the viewpoint of today's regular societal constructs (including the economy as a mechanism of human interaction), we can say that intangible aspects of life will prevail compared to the tangible ones. Education, management, culture, science, philosophy, religion, all aspects of information handling (sorting, analysis, synthesis, presentation), as well as general knowledge, morality, human relations will become more and more dominant, increasingly important and crucial in relation to the areas of material production, provision with tangible resources, physical security, etc. Among other things, these and other purely material spheres will be transformed into the mixed tangible-intangible form, integrating the missing modules, acquiring intangible meanings and contexts. The society will realize the primacy of intangible spheres over tangible ones, whether applied to a single individual or to the entire society — that is, the value, the context, the individual and societal benefit of a certain activity will be more important than the activity itself and its results in the form of tangible products and financial profits. There will be a shift in focus from the production and possession of things, and the provision of the necessary and desirable items to the person themselves, the way they are in terms of their qualities and competencies. Everything will follow this formula: “Everything that works for human development, in the sense of developing human qualities and competencies, is good; everything that does not work for human development or works for human

на его деградацию — плохо». Придет осознание, что в обществе развитых людей не может быть бардака и неустроенности, в том числе в отношении любых материальных сфер и экономики в частности. Экономика, политика, наука, образование, безопасность и все другие сферы вторичны от человека. Если человек развит, то и любые сферы, в том числе сферы вещей, развиты.

Соответственно, вся экономика, на этом промежуточном для человеческого общества пункте идеалистического нематериального, будет переставлена на рельсы того, что можно обозначить понятием осуществления позитивного социального воздействия, где субъектами и объектами воздействия являются люди, общество, которое развивает само себя в смысле развития качеств и компетенций человека, как на

Экономика будущего на ближайший период — это гибрид коммерческого и некоммерческого способа деятельности, где каждое действие будет оцениваться с точки зрения эффекта позитивного социального воздействия.

уровне каждого в отдельности, так и на уровне всего социума в целом. Экономика будущего на ближайший период — это экономика позитивного социального взаимодействия, где все без исключения будут вносить свой вклад — каждый человек, все предприятия, учреждения, отрасли, сферы, государства и т. д., все будут осуществлять позитивное социальное воздействие, которое станет общей для всего мерой. И это в действительности можно назвать человекоориентированной экономикой и человекоориентированным обществом, где человек — это не объект, который извне обеспечивается, обустроивается и упаковывается вещами с помощью социума или государства, выступающий по сути потребителем, которому кто-то должен, а тот, кто развивается как субъект, являющийся начальной точкой всего, обладателем первичных качеств и компетенций для осуществления любой деятельности, имеющий первичную инициативу в решении действовать и выбравший добровольно созидание на благо себя и других, на развитие которого, как такового субъекта, направлена вся его деятельность и деятельность всего общества.

Здесь важно отметить, что в такой экономике не возникает разделения на нуждающихся — получателей благ, зачастую являющихся иждивенцами или, по крайней мере, мало что делающими созидательного, скрывающимися за масками ложных

degradation is bad.” The realization will come that a society of developed people has no place for mess and disorder, including in regard to any material spheres and the economy in particular. The economy, politics, science, education, security, and all other areas are secondary to the individual. A developed individual means every sphere, including the realm of material, is developed.

Accordingly, the entire economy, at this intermediate point of idealistic intangible in the development of the human society, will be fast-tracked to what can be defined as the implementation of positive social impact, where the humans and the society represent both subjects and objects of impact, developing

Economy of the near future will be a hybrid of commercial and non-profit mode of operation, where every action will be evaluated in terms of its positive social impact.

human qualities and competencies at the individual level and at the level of the entire society. The economy of the near future is an economy of positive social interchange, where everyone without exception will contribute — every person, every enterprise, institution, industry, sphere, state, etc. — everyone will create a positive social impact that becomes a common measure for all. This is in fact what we can call a human-centered economy and a human-centered society, where a person is not an object to be provided, equipped and complemented from the outside by the society or the state, acting essentially as a consumer who is owed by everyone. Instead, it is the person developing as a subject, the starting point of everything, who has the primary qualities and competencies to perform any activity, who has the primary initiative to decide to act and who has chosen voluntarily to be creative for the benefit of themselves and the others, and whose development as a subject is the ultimate goal of their actions and the actions of the entire society.

It is crucial to note here that this particular economic model does not make a distinction between those in need who receive benefits

понятий о социальной справедливости, декларируя себя в качестве «народа» и предпринимателей, бизнесменов, чиновников, которые, как часто это действительно бывает, являются незаслуженно оказавшимися в выгодном социальном или экономическом положении, так и во многом представляют собой реально развитых, активно и инициативно действующих на благо общества, берущих на себя большую ответственность, людей, которых первые кидают и смешивают сегодня в одной негативной корзине с названием «жулики и воры». В новой экономике все зависит от индивидуального вклада каждого человека в общество позитивного взаимобмена, от реального эффекта этого вклада. От такого разделения удастся уйти за счет того, что общество и вся его социально-экономическая деятельность ставится на единые рельсы, начинает меряться одними мерками, в противовес текущему разделению на коммерческий сектор, который экономически успешен — самостоятельно себя обеспечивает, а на вершине социальной пирамиды материально процветает, но считается в обществе условным «злом», и социальный сектор, считающийся условным «добром», которое «обмануто и обездолено», самостоятельно оказавшись неспособным себя материально обеспечивать, где последние, чувствуя себя обиженными и оскорбленными, затаив злобу, регулярно предпринимают попытки объединиться и восстановить якобы «социальную справедливость», а первые якобы их эксплуатируют, постоянно хитро обманывая, при этом периодически подкармливая — кидая сверху различные дополнительные довольства, постепенно поднимая потолок пакета/стандарта материального обеспечения, покупая их временное согласие или молчание, успокаивая для избежания сбоя в работе сложившегося общественного механизма и продолжения того же процесса.

Для лучшего понимания того, что подразумевается под качествами и компетенциями человека, которые, по сути, определяют самого человека и его уровень развития, можно назвать базовые качества и компетенции, которые являются естественными и универсальными для всех людей, вне зависимости от любых их внешних различий, и позволяют по мере развития которых оценивать уровень развития человека и общества. Таких мы назовем четыре:

- сила личности
- ответственность
- понимание
- нравственность

Можно сказать, что мера развития этих качеств у любого человека в отдельности или у людей в обществе в целом определяет их уровень развития. Чем больше эти качества развиты, тем выше уровень развития, чем меньше — тем ниже. Кратко и в общем скажем о каждом.

Сила личности — это, собственно, уровень силы, который каждый человек ощущает в себе, которая является необходимой, в том числе для осуществления любой деятельности. Это качество является первичным признаком, определяющим статус

without actively contributing through creative work, often hiding behind misguided notions of social justice and identifying themselves as “the people,” and the genuinely developed, proactive individuals who work for the social good and assume great responsibility for their actions. Unfortunately, the latter group is frequently disparagingly labeled as “crooks and thieves” by the former. In the new economy, everything depends on the individual contribution of each person to the society of positive interchange, on the real effect of this contribution. This division can be avoided because the society and its entire social and economic activity is put on the same track and measured by the same standards. This stands in contrast to the current division where the commercial sector, although economically sustainable, and even prosperous at the top of the social pyramid, is often perceived as “evil” by the society. On the other hand, the social sector is viewed as “good” but struggles to achieve financial sustainability due to being marginalized and disadvantaged. Such disparity often leads to feelings of deception and resentment among the latter group, prompting them to come together in an effort to restore a sense of “social justice” against perceived “oppressors” who they believe consistently exploit and cheat them. At times, those in power may employ a mix of incentives and concessions, gradually raising the social security standards to placate the dissent and maintain the status quo, preventing the collapse of existing social mechanisms.

What do we mean when we talk about the human qualities and competencies that shape the essence of an individual and indicate their level of development? They can be described as the basic skills and competencies that are natural and universal for all humans, regardless of their external differences, and which can be assessed to determine the development level of the individual and the society. We will name four of them:

- personality strength
- responsibility
- understanding
- morality

It is safe to say that the development of these qualities in any individual or the society in general correlates to the overall development level of that person or the society. The more pronounced these qualities are, the higher the overall level of development, and vice versa. Let's talk briefly about each quality.

Personal strength is the actual level of power that each person feels within themselves, which is necessary to perform any activity. This is the primary attribute that defines the status or scale of an individual, determines their identity. How much power do I feel inside? Who do I consider myself to be? The way a person answers these questions determines what they feel like. This

или масштаб личности или человека, первично определяющим идентичность человека. Какой уровень силы внутри себя я чувствую? Как кто я себя чувствую? Как человек отвечает на эти вопросы, так он себя ощущает с точки зрения этого качества. Также это можно понять по тому, как человек ставит себя во взаимоотношениях с другими людьми, как он действует.

Ответственность означает зону ответственности — зону, в которой человек способен обеспечить порядок. Каждый человек выбирает для себя тот или иной уровень или масштаб ответственности, что определяется размером зоны ответственности. У кого-то это может быть зона «только я», у кого-то — «я» и «моя семья», у кого-то в зоне ответственности могут находиться предприятия или страны. Критерием реальной ответственности является обеспеченный в соответствующей зоне порядок. Если порядок не обеспечен, ответственность не подтверждается.

Понимание значит уровень понимания — кто-то понимает мало, кто-то понимает много или понимает больше. Критерием реального понимания является его правильность, что подтверждается на практике жизни.

Нравственность, как слово, имеет корень «нрав», что значит нравится или не нравится, что в свою очередь означает вкус, вкус к жизни. У кого-то низкие вкусы — например, дурные привычки, беспорядочный образ жизни, вкус к разрушительной деятельности, отсутствие вкуса к развитию, у кого-то высокие вкусы — стремление к постоянному созиданию, чувство порядка, чувство прекрасного, любовь к людям. Это определяет уровень нравственности человека.

Переходя, на основе всего вышесказанного, непосредственно к экономике, можно сказать, что экономика будущего на ближайший период — это гибрид коммерческого и некоммерческого способа деятельности, где каждое действие будет оцениваться с точки зрения эффекта позитивного социального воздействия, не важно коммерческим способом оно произведено или некоммерческим. Поскольку нематериальные сферы деятельности или материальные сферы деятельности совместно с нематериальными имеют несопоставимо больший потенциал оказания эффекта позитивного социального воздействия по отношению к старым и уходящим материальным сферам, то встраиваемые постепенно в регулярную экономику нематериальные сферы будут все больше и больше оцениваться коммерческим способом, приобретая экономическую самостоятельность, а в перспективе именно новые отрасли, построенные на нематериальных или гибридных (нематериальные совместно с материальными) сферах станут безусловными лидерами новой экономики. Старые же, сугубо материальные отрасли (производство материальных продуктов без нематериального смысла, ценности, пользы), либо приобретут свой нематериальный модуль, став гибридными, встроившись в экономику будущего, либо отпадут, уйдя в прошлое.

Экономика будущего — это экономика взаимобмена нематериальными ценностями и материальными ценностями, приобретшими статус проявления или носителя нематериальных

can also be derived from the way that person behaves in their actions and relationships with other people.

Responsibility means an area in which an individual is able to provide order. Each person chooses a particular level or scale of responsibility, which is determined by the size of the area they are able to control. For some, this area may be limited to “just me”, others take responsibility for themselves and their family; some people can be responsible for as much as an enterprise or even a country. The real responsibility can be measured by the degree of order established within the respective area. If the order is not secured, responsibility cannot be confirmed.

Understanding means the level of understanding — some people understand little, some understand more, some understand a lot. Like responsibility, actual understanding must be verified by practice.

Morality as a word comes from the Latin ‘moralitas’, which means “manner, proper behavior” — which in turn describes one’s taste for life. Some people’s tastes are quite low — bad habits, disorderly behavior, fondness of destructive activity, lack of motivation for development. Others have good tastes — aspiration to constant creative work, the sense of order, beauty, and a love for the people. This determines a person’s level of morality.

But let’s go back to the economy. Based on the above, we can say that the economy of the near future will be a hybrid of commercial and non-profit mode of operation, where every action will be evaluated in terms of its positive social impact, regardless of whether it is produced by commercial or noncommercial means. Since intangible spheres of activity (alone or in combination with tangible production) have immeasurably greater potential for having positive social impact in relation to the old-time tangible production sectors, these new sectors will eventually acquire greater commercial value as they are gradually incorporated into the regular economy. Eventually the new sectors based on intangible or hybrid production will gain economic independence and become the undisputed leaders of the new economy. The old, purely tangible industries (manufacturing of commodities with zero intangible value or utility) will either receive a complementary intangible module, to become hybrid in nature and get integrated into the economy of the future, or will disappear, becoming a thing of the past.

The economy of the future is the economy of mutual exchange of intangible values and tangible values that have acquired the status of manifestation or carrier of intangible values. In other words, there will be tangible things carrying intangible value, or a tangible thing will be part of a module combining tangible and intangible items that have a positive social impact or meaning

ценностей. То есть через материальные вещи передается нематериальная ценность или материальная вещь является частью модуля, состоящего из материального и нематериального, имеющего позитивное социальное значение и смысл по отношению к человеку и/или обществу. То есть все продукты экономики будущего будут иметь свой нематериальный модуль, представляющий и оказывающий позитивное социальное воздействие.

Наибольшую ценность в экономике будущего приобретут продукты-носители нематериальных ценностей, которые содержат в себе так или иначе возможность увеличения уровня развития человека, в смысле его качеств и компетенций. Это могут быть продукты из сферы работы с информацией, из сферы знания, продукты из сферы культуры, любых других сфер. Соответственно, лидерами новой экономики станут отрасли и предприятия, которые будут производить такие продукты.

Логикой и моделью поведения нового человека в экономике будущего станет понимание ценностей именно продуктов позитивного социального воздействия, то есть: «Я покупаю то, что сделает меня лучше (как человека, в смысле развития качеств и компетенций), повысит мой уровень развития и уже следствием этого будет в том числе мое материальное благополучие». То есть, все общество работает на создание развитого человека, а развитый человек, имея все необходимые качества и компетенции, реализует себя в обществе и приобретает еще большее развитие сам, помогает развиваться другим и, безусловно, полноценно обеспечивает себя и свое окружение материально. При этом важно отметить, что нет никакой повестки принудительного или обязательного развития для кого-либо, все происходит свободно, только по доброй воле и желанию самого человека, поскольку у общества есть понимание, что каждый человек находится на своем уровне и этапе развития, имеет свою траекторию движения, которую чувствует и определяет только он сам.

Из этой точки возникает открытая, свободная экономика взаимной пользы, взаимного позитивного воздействия, где каждый имеет свою меру пользы себе, другим и обществу, а также приобретает соответствующую меру капитала:

- **личностного**, то есть индивидуального внутреннего — ощущение себя
- **социального**, то есть коллективного внешнего — общественное признание, статус, социальные возможности, и т. п.
- **материального**, то есть индивидуального внешнего — деньги, вещи

То есть, чем больше пользы и позитивного воздействия человек оказывает — тем больше капитала этих видов у него возникает.

Вся деятельность человека и общества будет переведена в эквивалент позитивного социального воздействия и соответствующую ему меру, в том числе социального и материального капитала.

Всем продуктам в новой экономике будут присвоен индекс позитивного воздействия, который означает меру пользы каждого

to a person and/or the society. That is, all the products in the economy of the future will have an intangible module, representing their positive social impact.

The economy of the future will assign the greatest value to those products carrying intangible value that offer an opportunity to increase the development level of the humans (i.e. their qualities and competencies). These can be products in the field of information, knowledge, culture, or any other field. Accordingly, the leaders of the new economy will be those industries and enterprises that create such products.

The logic and model of the new human behavior in the economy of the future will be based on the understanding of values as products of positive social impact, that is: "I buy something that will make me better (as a person, in the sense of the development of my qualities and competencies), increase my development level and will therefore improve my financial well-being." That is, the entire society will be working to create a more developed person, which in turn, through having all the necessary qualities and competencies, will contribute to the development of themselves and the society, thus acquiring even greater development and helping others to develop and fully supporting themselves and those around them financially. It is crucial to highlight that the development agenda is not forced or compulsory for anyone. Everything must happen freely, exclusively because of individual's goodwill and desire. The reason is that the society understands that each person has their own development level and stage, their own development path, which they feel and identify on their own.

From here emerges an open, free economy of mutual benefit, of mutual positive impact, where everyone has their own understanding of the benefit to themselves, to the others, and to the society, and also acquires a corresponding measure:

- **the personal capital** — that is, the individual inner self-perception
- **the social capital**, that is, collective external measure — social recognition, status, social opportunities, etc.
- **financial capital**, that is, individual external measure — money and things surrounding that person

In other words, the more benefit and positive impact a person produces, the more capital of each type they earn.

All human and social interaction will be translated into the equivalent of positive social impact and its corresponding measure, including social and financial capital.

All products in the new economy will be assigned a positive impact index, which measures the usefulness of each product for the new human and social development paradigm. The

продукта с точки зрения новой парадигмы развития человека и общества. Чем выше индекс позитивного воздействия у того или иного продукта, тем больше его ценность, а соответственно, и стоимость в части личностного, социального и материального видов капитала. Это будет отражаться соответствующим образом и на производителях, продавцах продуктов и на покупателях. То есть и те, и другие, производя, продавая или покупая продукты с более высоким индексом позитивного воздействия, будут получать больше личностного, социального и материального капитала.

В понятие о социальной стоимости и капитале необходимо включить, в том числе общественное признание и оценку для тех, кто производит и покупает продукты с высоким индексом позитивного воздействия, выраженные в конкретных дополнительных социальных возможностях: соответствующий статус, «социальные двери», «социальные лифты», возможность занимать более важные и ответственные социальные роли, возможность получать поддержку из социальных фондов, работающих на развитие нового общества.

Все продукты экономики будущего, в том числе условно обычные материальные продукты, должны быть промаркированы по индексу своего позитивного воздействия (ИПВ) на человека и общество по шкале от крайне деструктивного воздействия к нейтральному воздействию, безопасному воздействию, до высокого позитивного воздействия.

Всем участникам экономики, деятелям рынка как отдельным людям, работающим на предприятиях, так и предприятиям, будет определен свой текущий индекс позитивного воздействия, который будет меняться в процессе изменения деятельности человека или предприятия. Чем больше такой индекс у человека или предприятия, тем больше его личностный, социальный и материальный капитал, больше его возможности в обществе. Приоритет, в том числе государством, будет отдаваться именно таким людям и предприятиям с высоким индексом позитивного воздействия.

Покупатели продуктов с высоким индексом позитивного воздействия также будут получать баллы социального и материального капитала.

Уже на этом промежуточном этапе идеалистического нематериального, в том числе с помощью экономики позитивного взаимобмена, постепенно удастся уйти от каких-либо явных деструктивных тенденций всех видов в обществе и перейти к действительной человечности — вершине того, на что способен человек, как текущее существо. Сразу скажем, что здесь общество тоже ожидают свои проблемы и угрозы, которые уже будут решены на следующем этапе развития — при переходе из идеалистического в действительное нематериальное.

Экономика будущего данного этапа провозгласит и реализует на практике повседневной деятельности тезис о благотворности стремления каждого к своей человечности, что будет всецело одобряться и культивироваться в обществе, станет важной составляющей нового глобального общества человечности, пригласит к участию каждого в этом процессе.

higher the positive impact index a product has, the greater its cost, and therefore the value in terms of personal, social and financial capital. This will affect producers, sellers and buyers of these products accordingly. That is, the producers, sellers and buyers will all gain personal, social, and material capital by producing, selling and buying products with a higher positive impact index.

The concept of social value and capital must include, among other things, social recognition and appreciation for those who produce and buy products with a high positive impact index. This recognition can be expressed through specific additional social opportunities, such as the respective increases in social standing, “social doors,” “social elevators,” the opportunity to take on more important and responsible social positions, the opportunity to receive support from social funds working for the development of the new society.

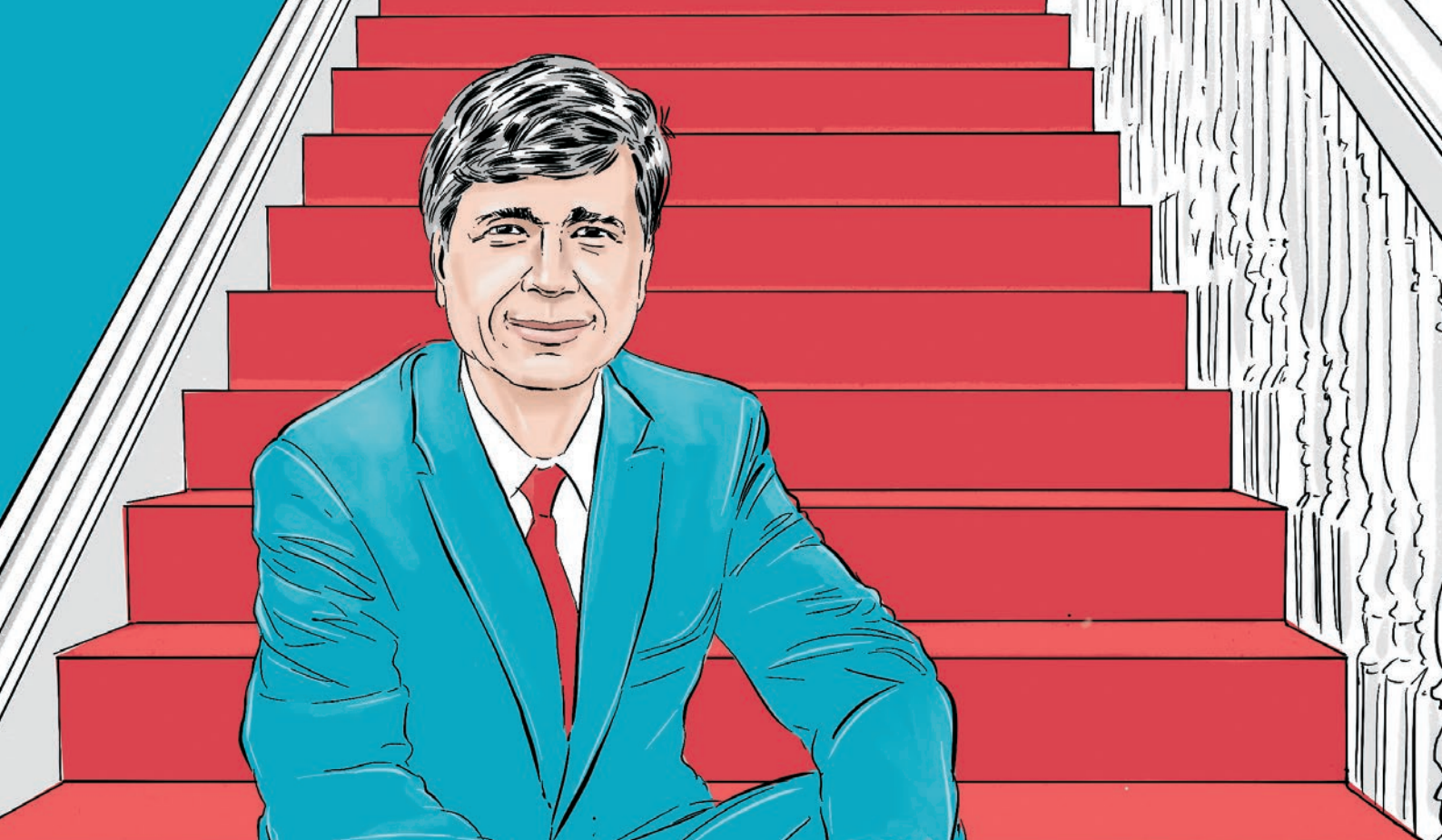
In the economy of the future, all products, including ordinary material products, will be labeled according to their positive impact index (PII) on humans and the society, on a scale from extremely destructive through neutral, safe, and ultimately high positive impact.

All economic agents, market players, companies and individuals working for these companies, will be assigned their positive impact index, which will change along with the changes in the activities of that company or individual. The higher the PII rating is for a person or a company, the greater their personal, social and financial capital and the greater their social opportunities are. Everyone, including the government, will prioritize the people and enterprises with high positive impact index.

Customers buying products with a high positive impact index will also receive social and financial capital points.

Already at this intermediate stage of transition to idealistic intangible, it will be possible to leave behind the most obvious destructive trends of all kinds (including through the positive interchange economy) and towards the true humanity — the summit of what the humans are capable of today. Needless to say, that society will still have its share of problems and threats, to be addressed at the next stage of development — the transition from the idealistic intangible to the real intangible economy.

At this stage, the economy of the future will place a strong emphasis on the notion that everyone's pursuit of human development is inherently beneficial to the society. This concept will not only be proclaimed but also actively integrated into daily practices, becoming an important component of the new global humane society. The economy will encourage active participation from all individuals, inviting them to engage in the process of personal and collective growth.

«Мы располагаем технологическими и экономическими возможностями для того, чтобы покончить с бедностью».

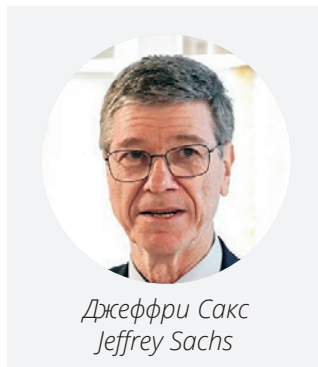
Интервью с профессором Джеффри Саксом

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-S1-14-18

“We Have the Technological and Economic Means to End Poverty.”

Interview with Professor Jeffrey Sachs

В интервью журналу «Позитивные изменения» профессор Сакс дал свой прогноз развития экономики будущего и рассказал, почему мы должны стремиться к благополучию человека и иметь глобально согласованные цели, а также о том, сможет ли человечество когда-нибудь победить нищету и поможет ли искусственный интеллект устранить неравенство.

Джеффри Сакс
Jeffrey Sachs

In the interview for Positive Changes Journal, Professor Sachs shared his vision for the economy of the future and talked about the reasons why we should strive for human wellbeing and have globally agreed goals, as well as whether humanity can ever end poverty and whether AI might help overcome inequality.

Джеффри Сакс — без преувеличения, один из самых известных экономистов в мире. Согласно Википедии, американский журнал «Тайм» дважды включал профессора Сакса в число 100 самых влиятельных мировых лидеров, газета «Нью-Йорк Таймс» назвала его «возможно самым важным экономистом в мире», а по мнению журнала The Economist он входит в тройку самых влиятельных экономистов последнего десятилетия¹. Автор бестселлеров, посвященных вопросам ликвидации бедности и стратегиям устойчивого развития в мире, на сегодняшний день является профессором и директором центра устойчивого развития в Колумбийском университете². Неизменно и на протяжении многих лет Джеффри Сакс является специальным советником Генерального секретаря ООН по вопросам борьбы с бедностью.

Многие считают, что строить предположения в наше время — занятие бессмысленное. Однако мы полагаем, это будет не первый ваш прогноз, сделанный в момент кризиса, так что спросим: как вы считаете, какой должна стать мировая экономика в ближайшем будущем?

Мы должны установить четкие цели, в особенности, по достижению устойчивого развития во всем мире. Это означает, что все регионы мира достигают экономического благополучия, социальной инклюзии и экологической устойчивости. Ряд международных соглашений — Цели устойчивого развития, Парижское соглашение (о борьбе с изменениями климата — прим. ред.), Куньмин-Монреальская рамочная программа (по сохранению биоразнообразия — прим. ред.) — уже определил траекторию мирового движения к глобальным целям, однако страны по отдельности этой траектории не следуют. Мировые силы расходятся на конфликты и геополитическую напряженность. Мы должны положить конец конфликтам, построить по-настоящему многополярный мир и переориентироваться на долгосрочные инвестиции в чистую энергию, доступное образование и здравоохранение и другие ключевые бюджетные инвестиции в устойчивое развитие.

В своей книге «Цена цивилизации» вы пишете о том, как важны перспективное планирование и умение заглядывать в отдаленное будущее. К какой модели экономического развития нам следует стремиться в долгосрочной перспективе и что мы должны делать уже сейчас для ее достижения?

Мы должны стремиться к благополучию человека. Звучит очень просто, но факты таковы, что наши политические системы борются за войну, за господство и гегемонию, богатство и многие другие ложные цели. Человечеству было бы достаточно мира, экономического благополучия, справедливости и экологической устойчивости; без империалистических задач и бесконечного риска мировой или даже ядерной войны.

It is no exaggeration to say that Jeffrey Sachs is one of the most famous economists in the world. According to Wikipedia, Professor Sachs has twice been named one of the 100 most influential world leaders by Time magazine, the New York Times has called him “probably the most important economist in the world,” and according to The Economist he is one of the three most influential economists of the last decade¹. His books on the end of poverty and world sustainable development strategies have become bestsellers. Currently he is Professor and Director of the Center for Sustainable Development at Columbia University². For many years in a row, Jeffrey Sachs is Special Adviser to UN Secretary-General on the combating poverty.

Many people say that it makes little sense to make predictions, given the times we are living in. Although you are probably used to making forecasts in turbulent periods — so we'll still ask: What do you think the global economy can and should become in the near future?

We need to set clear goals, notably to achieve sustainable development in all parts of the world. This means that all regions of the world achieve economic wellbeing, social inclusion, and environmental sustainability. The globally agreed Sustainable Development Goals, the Paris Climate Agreement, and the Kunming-Montreal Biodiversity Framework have established globally agreed goals, yet national governments are not on track to achieve these goals. Our global energies are being depleted by conflict and geopolitical tensions. We need to end the conflicts, achieve a true multi-polar world, and refocus on long-term investments in clean energy, education and health for all, and other key public investments for sustainable development.

In “The Price of Civilization” you write about the importance of paying attention to the distant future and developing long-term plans. In the long run, what economic development model should we strive for and what should we do now to achieve it?

We should strive for human wellbeing. That sounds simple, but in fact our political systems struggle for war, domination, hegemony, wealth, and many other misguided objectives. It would be enough to achieve peace, prosperity, justice, and environmental sustainability, without imperial objectives and without the unending risk of major war, even of nuclear war.

¹ Подробнее о Джеффри Саксе можно прочитать здесь:

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Сакс,_Джеффри_\(экономист\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сакс,_Джеффри_(экономист)).

² Официальный сайт профессора Сакса <https://www.jeffsachs.org/>.

¹ Read more about Jeffrey Sachs:

https://en.wikipedia.org/wiki/Jeffrey_Sachs

² Official website of Professor Sachs: <https://www.jeffsachs.org/>

Вы были одним из создателей Целей развития тысячелетия, которые позже стали известны в мире как Цели устойчивого развития (ЦУР). Как вы оцениваете влияние этого проекта — изменился ли, на ваш взгляд, мир благодаря появлению ЦУР?

Иметь глобально согласованные цели — важно. Они могут направить человечество на верный путь. Тем не менее наши политические системы не следуют этим целям активно, хотя они и согласованы на глобальном уровне. Мы все еще пытаемся преодолеть реалии военной гонки и альянсов — губительного межгосударственного соревнования. Например, я считаю, НАТО нужно было распустить одновременно с упразднением Организации Варшавского договора. Европа могла бы добиться коллективной безопасности через ОБСЕ. К сожалению, США отвергли этот разумный курс действий.

Один из самых ярких трендов последнего десятилетия — это движение в сторону социальной экономики. Похоже, что этот новый взгляд на экономику объединяет развитые и развивающиеся страны, левых и правых, либералов и консерваторов, частный и общественный сектор. Как вы считаете, насколько жизнеспособна эта система и можно ли говорить о светлом будущем социальной экономики?

Самой успешной политико-экономической системой XX века была социал-демократия, особенно в том виде, как она реализована в Скандинавии. Централизованное планирование не привело к успеху, но и англо-саксонская модель неолитерализма тоже находится в глубоком кризисе. Тем не менее, в XXI веке этика социал-демократии одновременно вызывает восхищение и находится под угрозой. Неравенство растет, особенно в США. Политическая система Америки находится в руках корпоративных лоббистов. У нас нет принятой глобальной модели. Китай стремительно достиг успеха в экономическом развитии, но тоже столкнулся с ростом неравенства и потому теперь экспериментирует с концепцией «всеобщего процветания». Я склонен поддерживать концепцию устойчивого развития, включающую в себя слияние четырех ключевых идей: 1) экономическое благополучие, основанное на внедрении навыков и технологий; 2) социальная справедливость, обеспеченная всеобщим доступом к общественным услугам, качественному образованию и распределению бюджетных средств; 3) экологическая устойчивость, в первую очередь направленная на сохранение климата, резкое снижение загрязнения окружающей среды и сохранение биоразнообразия; 4) глобальное сотрудничество в соответствии с Уставом ООН и многополярная мировая политика.

В продолжение темы: можем ли мы говорить о том, что противостояние между коммерческим и некоммерческим, государственным и негосударственным в будущем исчезнет, а в центре внимания окажется «общественное благо», достигаемое через индивидуальное благо и благополучие всей планеты?

Экономика будет смешанная, с отдельными секторами (коммерческий, некоммерческий, государственный, волонтерский, сектор сообщества и другие). Коммерческая составляющая не исчезнет и не должна исчезнуть, но она не будет подминать под себя всю экономику.

You were one of the creators of the Millennium Development Goals, which later became known around the world as Sustainable Development Goals (SDGs). What can you say about the impact of this project — in your opinion, how has the world changed thanks to the emergence of the SDGs?

It is important to have globally agreed goals. They can set humanity on a proper path. Yet our political systems do not intensively pursue the goals, even when they have been globally agreed. We are still trying to surmount the realities of military competition and alliances, and harmful interstate competition. For example, in my view, NATO should have been ended at the same time that the Warsaw Pact military alliance was ended. Europe could have achieved collective security through the OSCE. Unfortunately, the US rejected that wise course of action.

One of the most pronounced trends in the last decade has been the movement toward a social economy. It seems to be a new way of looking at economics, one that fuses together developed and developing countries, left and right, liberal and conservative, private and public. In your opinion, how viable is this trend and can we say that the future is indeed bright for the social economy?

The most successful political-economic system of the 20th century was Social Democracy, especially as carried out in Scandinavia. Central planning was not successful, and the Anglo-Saxon model of neoliberalism also fails in deep ways. Yet in the 21st century, the social democratic ethos is both admired and at threat. Inequality is widening, especially in the US. The US political system is in the hands of corporate lobbies. We have no accepted global model. China has had significant successes in rapid economic development, but also faces big challenges of inequality, and hence China is now experimenting with the concept of “Common Prosperity.” I tend to favor the idea of Sustainable Development, meaning the merger of four key ideas: 1) economic wellbeing, based on the deployment of skills and technology; 2) social justice, based on universal access to public services, quality education, and fiscal redistribution; 3) environmental sustainability, especially directed at a safe climate, sharply reduced pollution, and conservation of biodiversity; and 4) global cooperation under the UN Charter, with a multipolar global politics.

Following up on the previous question, can we say that the line between for-profit and non-profit, state and non-state, will be erased in the future — and that the focus will be on the “public good” through the “individual good” and the good for the planet?

We will have mixed economies, with distinct sectors (for-profit, not-for-profit, government, volunteer, community-based, and others). The profit motive will not and should not go away, but it should not crush the rest of the economy.

Какую роль вы отводите некоммерческим организациям (НКО) в продвижении устойчивого развития? И могут ли они эффективно работать с правительствами и другими заинтересованными сторонами для достижения положительных результатов?

НКО, если они действительно являются негосударственными, могут обеспечивать защиту прав человека, образование, занятость, волонтерскую деятельность, поддерживать культуру и человеческие отношения способами, недоступными государственным и коммерческим организациям.

Каков ваш прогноз, долго ли сохранится тренд на привлечение человека в качестве субъекта развития собственных территорий? Тренд, активизирующий власть сообщества, и представленный на сегодня в парадигме инициативного бюджетирования, программах развития сельских районов по образцу южнокорейского «Движения за новую деревню» и других.

Идея «субсидиарности» подчеркивает, что мы живем в пересекающихся сферах сотрудничества: семья, район, сообщество, город, государство, нация, континент, весь мир. Разные части нашей жизни естественным образом функционируют на разных уровнях взаимодействия. Некоторые на уровне семьи или района, а некоторые — на глобальном мировом уровне. Конечно, многое происходит на уровне сообщества. Мы живем в сообществах. Но существуют и вопросы (например, глобальное изменение климата, защита биоразнообразия, загрязнение окружающей среды, миграция, войны и мир), которые необходимо решать на более высоких уровнях сотрудничества.

А какой вы видите роль сообществ в преобразовании городов в рамках трансформаций, направленных на достижение целей устойчивого развития?

К 2050 году 70% человечества будет жить в городах. Мы стали урбанизированным видом. Это огромное изменение для человечества. Вплоть до XIX века — на протяжении всей своей истории — 90% населения Земли жило в сельских районах³. Наладить эффективное устройство городов — грандиозная задача: создать системы здравоохранения, образования, безопасности, обеспечить рабочие места, производства, удовлетворить культурные потребности. Города по всему миру принимают повестку ЦУР и перенаправляют свой курс на устойчивое развитие. Появляется запрос на новые методы государственного финансирования, чтобы городские власти имели средства для инвестиций в необходимые городу проекты. Это сложная задача и уникальная возможность улучшить качество жизни большей части человечества в обозримом будущем.

³ Подробнее о городах будущего можно прочитать в тематическом выпуске «Позитивные изменения. Города будущего» <https://www.impactjournal.ru/jour/issue/view/16/showToc>.

What do you see as the role of NGOs in promoting sustainable development, and how can they work effectively with governments and other stakeholders to achieve a positive impact?

NGOs, when they are truly non-governmental, can provide advocacy, engagement, education, volunteerism, culture, and human relations, in ways that the public and for-profit sectors cannot.

How far into the future, do you think, will the trend of mobilizing the individual as a subject of change in his/her territory continue — which is represented in the paradigm of initiative budgeting, rural development programs modelled after South Korea's New Village Movement, and others that involve the mobilization of community power? Do such programs have a future?

The idea of “subsidiarity” emphasizes that we all live in overlapping spheres of cooperation: family, neighborhood, community, metropolis, state, nation, region, and global. Different parts of our lives naturally function at different levels of engagement, some at the family or neighborhood level, and some truly at the global level. There is room for community-based action, to be sure. We live in communities. But there are many issues (e.g., global climate change, biodiversity protection, pollution, migration, war and peace) that must be addressed at levels of cooperation larger than the community.

Speaking about “Transformations to achieve the Sustainable Development Goals,” how do you see the role of communities in transforming cities towards sustainability?

Cities will be home to 70% or more of humanity by 2050. We have become an urbanized species. This is a huge change for humanity, which was at least 90% rural for all of human history before 1800³. Cities that work effectively — for health, education, jobs, production, culture, safety, and community — is a great task. Cities around the world are taking up the SDG Agenda, and reorienting their policies towards sustainable development. They are also calling for new methods of public finance, so that city governments have the financial means to carry out city-level investments as necessary. This is a big challenge and a big opportunity to improve the quality of life of most of humanity in the decades ahead.

³ Read more about the cities of the future in the special issue “Positive Changes. The Cities of the Future” <https://www.impactjournal.ru/jour/issue/view/16/showToc>.

Как вы относитесь к феномену социального предпринимательства? Стоит ли брать его с собой в будущее и каков его потенциал для позитивных изменений?

Если мы будем действовать с умом, то развитие технологий позволит нам вкладывать больше личных усилий в волонтерскую деятельность, семью и комьюнити, а также заниматься решением местных проблем. Если отвечать коротко, то социальное предпринимательство должно взять на себя более важную роль в обществе, отчасти и потому, что базовые потребности (еда, вода, жилье и т. д.) уже удовлетворены за счет технологических решений и разумной государственной политики.

Как вы считаете, сможет ли развитие технологий (в том числе искусственный интеллект, развитие которого часто называют новой технологической революцией) стать фактором развития экономики и устранения неравенства в мире?

Цифровая революция, включая искусственный интеллект, робототехнику, передовые биотехнологии, суперкомпьютеры, 5G (и более поздние поколения цифровой связи) и другие технологии, может привести к быстрому улучшению благосостояния. Но при неправильном использовании она же может привести к реализации наших самых страшных кошмаров: эти технологии могут быть использованы для создания новых видов вооружения, ведения биологической войны, уничтожения конфиденциальности, распространения фейковых новостей и многого другого. Технологии сейчас намного умнее и развиваются намного быстрее, чем политические системы, которые должны найти способы регулировать их использование. Такое положение дел существует с момента наступления ядерной эпохи. Нам еще только предстоит научиться управлять передовыми технологиями. Искусственный интеллект должен быть в руках общества, а не военной промышленности. Но увы, мы все дальше уходим от реальных потребностей, от решения конкретных проблем.

Дождется ли мир конца бедности? И если да, то когда, при каких условиях и кто будет стоять во главе этих изменений?

Мы располагаем технологическими и экономическими возможностями для того, чтобы покончить с бедностью. И располагаем мы ими в течение последних двадцати лет. Однако возможностями этими мы не пользуемся. Богатые оказались слишком жадными и недалекими, а политики предпочли войну устойчивому развитию. Первой же целью устойчивого развития (ЦУР 1) мы ставили ликвидацию нищеты. Если бы мы сосредоточились на этой цели, а не на геополитической конкуренции и войне, то обнаружили бы, что конец бедности вполне достигим.

What do you feel about the phenomenon of social entrepreneurship — are we taking this phenomenon into the future, and how great is its potential to drive positive change?

If we are smart, the advances in technology should enable us to devote more of our personal efforts to volunteerism, care of family and communities, and solutions of local challenges. In short, social entrepreneurship should play a larger role in society, in part because basic challenges (food, water, housing, etc.) have been solved through technological improvements and sound public policies.

In your opinion, will technological development (including artificial intelligence, which is commonly associated with a new technological revolution) become a factor in developing the economy and eliminating inequality in the world?

The digital revolution, including AI, robotics, advanced biotechnology, supercomputing, 5G (and later generations of digital connectivity), and other technologies, can lead to rapid improvements in wellbeing. They could also lead to nightmares if misused. These technologies could be weaponized, leading to new weapons, biowarfare, the end of privacy, pervasive fake news, and much more. The technologies are a lot smarter, and advancing much faster, than the political systems that must find new ways to manage them. This has been starkly true since the advent of the nuclear age. We are yet to govern advanced technologies safely. AI should be in the hands of the public, not the arms industry. Alas, we are moving farther away from our needs, not to real problem solving.

Can the world ever see The End of Poverty, and if so, when, under what conditions, and with what parties?

We have the technological and economic means to end poverty. That has been true during the past 20 years. Yet we have failed to make good on this opportunity. The rich have been too greedy and shortsighted, and the politicians have opted for war rather than sustainable development. We have set the goal (SDG 1) to end extreme poverty. If we focused on that goal, rather than on geopolitical competition and war, we would find that ending poverty is fully within reach.

Наталья Гладких
Главный редактор
журнала
«Позитивные изменения»

Natalia Gladkikh
Editor-in-Chief,
Positive Changes
Journal

Экономика будущего глазами футурологов.

Дискуссия экспертов журнала «Позитивные изменения»

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-51-19-31

Economy of the Future Through the Eyes of Futurologists. Positive Changes Journal Expert Discussion

Ведущие экономисты и футурологи встретились на сессии, организованной журналом «Позитивные изменения» и посвященной главной теме спецвыпуска — экономике будущего. Будет ли рост благосостояния и к чему он приведет? Каковы тренды развития экономики? Что необходимо предусмотреть, выстраивая сценарий развития экономики? Станет ли экономика будущего человекоцентричной? Обоснованы ли страхи перед искусственным интеллектом? Как будет осваиваться космос? Что нужно делать, чтобы приблизить будущее, которое нам нравится? Об этом и многом другом говорили участники дискуссии. Беседу вел директор Фабрики позитивных изменений Владимир Вайнер. Редакция журнала публикует расшифровку разговора.

Leading economists and futurologists met at the session organized by the Positive Changes Journal and devoted to the main topic of the special issue — the economy of the future. Will there be an increase in prosperity and where will it lead? What are the trends in economic development? What should be envisaged while building an economic development scenario? Will the economy of the future become human-centered? Are the fears of artificial intelligence justified? How will space be explored? What do we need to do to bring the kind of future we like closer? The panelists discuss this and much more. The conversation was facilitated by Vladimir Vainer, director of the Positive Changes Factory. The editorial staff publishes a transcript of the conversation.

Василий Буров
Футуролог, советник
МИЭМ НИУ ВШЭ,
соучредитель АНО
«Информационная
культура»

Vasily Burov
Futurologist, advisor
at the Moscow Institute
of Electronics and
Mathematics, HSE
University, co-founder
of the Information
Culture NGO

Кирилл Игнатьев
Футуролог, председатель
совета директоров
группы компаний
«Русские инвестиции»,
руководитель проекта
«Технический прогресс и
экономика будущего»

Kirill Ignatyev
Futurologist, Chairman
of the Board of Directors
of the Russian Investments
Group, head of the
Technical Progress and
Future Economy project

Артём Шадрин
Директор Института
социально-экономического
проектирования
НИУ ВШЭ

Artem Shadrin
Director of the Institute
of Social and Economic
Design, HSE University

Владимир Вайнер
Директор «Фабрики
позитивных изменений»

Vladimir Vainer
Positive Changes Factory,
Director

Владимир Вайнер: Что в настоящем можно рассматривать как знаки экономики будущего? Какой из знаков точно приведет к ней, к чему из трендов стремиться, как их приближать?

Интересно говорить о том будущем, которое неочевидно, но которое можно сделать очевидным. В моем понимании, прогнозы можно делать на два поколения. Это некий практический, мотивационный вектор, чтобы, как говорится, дети наших детей с гордостью сказали: «Наши отцы все это придумали в далеком прошлом».

Кирилл Игнатьев: Согласен, и добавлю, что в контексте экономики настоящего и будущего хорошо бы мерить сегодняшний и завтрашний день технологическими укладами. Нынешний технологический уклад начался в конце прошлого века с появлением мобильной связи и интернета, сейчас переходный период, после которого последнее поколение этого технологического уклада неизбежно уйдет — и придет новое. Когда власть перейдет к поколению в два раза более молодому, наступит важнейший следующий этап. Это очень многое определяет — мы теперь измеряем экономическую историю не веками.

Артём Шадрин: Две вещи мне кажутся наиболее значимыми: во-первых, при любом некатастрофическом прогнозе у нас будет продолжаться экономический рост, технологическое развитие, рост благосостояния. Поэтому одним из трендов станет сокращение времени, которое уделяют люди на оплачиваемую работу в традиционной модели, и увеличение доли досуга, либо деятельности, мотивированной неэкономическими соображениями, — благотворительность, добровольчество и пр.

При росте общего благосостояния появится возможность выбирать работу, которая может приносить меньший денежный доход, но больше удовлетворения. То есть, на первый план все больше и больше выходит не более высокая средняя зарплата, а такие факторы, как комфортный коллектив — коллеги, руководство, атмосфера, а также — понимание значимости осуществляемой деятельности, ее творческий, нерутинный характер.

Второй важный момент — то, что выигрывает, в том числе экономический, будет получать тот, кто быстрее меняется, кто более гибкий. Так, число предприятий, для которых непрерывные изменения становятся стабильностью и переводятся из форс-мажора в практику регулярного менеджмента, будет все время расти.

Vladimir Vainer: What phenomena today can be seen as signs of the economy of the future? Which of the signs will definitely lead to it, which of the trends are we to strive for, and how do we bring them closer?

It is interesting to talk about a future that is not obvious, but that can be made obvious. The way I see it, predictions can be made over a timespan of two generations. This is a kind of practical, motivational vector, so that, as they say, our children's children are proud to say: "Our fathers invented all this back in the day."

Kirill Ignatyev: I agree, and I would add that in the context of the economy of the present and the future, it is a good idea to measure today and tomorrow by technological paradigms. The current technological paradigm started at the end of the last century with the emergence of mobile communication and the Internet; now there is a period of transition, after which the last generation of this technological paradigm will inevitably leave and a new one will arrive. When power passes to a generation twice as young, the most important next step will follow. It defines a lot — we do not measure economic history in centuries anymore.

Artem Shadrin: Two things seem most significant to me: first, economic growth, technological development, growth in prosperity will continue with any forecast short of a catastrophe. Therefore, one of the trends will be a reduction in the amount of time people devote to paid work in the traditional model, and an increase in the share of leisure time, or activities motivated by non-economic considerations — charity, volunteerism, etc.

As the overall wealth increases, it will become possible to choose a job that may bring more satisfaction and less money. In other words, a higher average salary will be losing its significance in favor of other factors, such as a comfortable team — colleagues, management, atmosphere, and understanding of the importance of the activity carried out, its creative, non-routine nature.

The second important thing is that you will have to change faster, to be more flexible if you want to be the winner, including an economic victory. Thus, the number of enterprises for which continuous changes become the norm and which are transformed from force majeure to the

Дальнейшее распространение таких механизмов как agile, корпоративное предпринимательство, корпоративные университеты будет продолжаться.

С другой стороны, в условиях быстрых изменений, дополнительные конкурентные преимущества получают малый и средний бизнес, стартапы, у которых мотивация и скорость принятия решений могут быть выше, нежели у многих крупных компаний. Соответственно, дополнительно повышается приоритет специализированных механизмов финансирования стартапов, таких как венчурное финансирование, бизнес-ангелство, чтобы помочь тем, кто находится в начале жизненного цикла, выйти на масштаб, позволяющий успешно работать.

Если резюмировать — будет обеспечен ответ на вызов, связанный с необходимостью учета нематериальной, мотивационной составляющей в работе. И гарантирована трансформация инструментов управления крупных компаний, которая приведет к ускорению темпов корпоративных инноваций.

Василий Буров: Мне кажется, что история про общественные отношения, про вовлечение людей в общественное, очень важна. Сейчас мы и те, кто немного младше, по сути, — последние, кто реально представляет, что такое не быть постоянно на связи. И это история про социальные отношения, про возможную взаимопомощь и пр. Когда исчезает необходимость посредников, увязывающих людей в разное время и в разном месте, это сильно меняет социальное поведение и горизонтальные социальные отношения. Новые отношения пока не родились, но есть их некий субститут. Я говорю именно о части коммуникации человек-человек в сети, которая еще никогда не была такой плотной, как сейчас.

Артем Шадрин: И этому способствуют технологии, тот же самый ВКС — видео-конференцсвязь.

Кирилл Игнатьев: Продолжая первое выступление, хочу предложить несколько тезисов из сегодняшнего, так сказать, «завтра». Сначала следует сделать две оговорки.

Пока не сменится текущий технологический уклад, экономика, которая еще вчера развивалась по глобальной модели, станет смешанной (глобально — блоковой), будет подстраиваться под принятие санкций, создание тактических союзов и конфликты. Исходя из этого, можно предвидеть и появление параллельных технологических сервисов в каждом блоке, и рост новых форм коррупции, связанных уже не с лидирующей ролью государства, а с введением межблоковых ограничений и их обходом. Коррупция, можно сказать, перемещается на международный уровень.

И второе, когда мы рассматриваем экономику будущего, 10% мы всегда закладываем на сценарии экономики «черных лебедей», то есть, на случай, грубо говоря, апокалипсиса, глобальной катастрофы (типа мировой войны или извержения супервулкана). Необходимо учитывать даже маловероятные варианты.

Что же касается базового сценария — экономики поступательного развития — первое, что произойдет — это резкое сокращение работы по найму в штатах компаний в горизонте двух

practice of regular management will increase all the time. Further spread of mechanisms such as agile, corporate entrepreneurship, and corporate universities will continue.

On the other hand, in the conditions of rapid changes, small and medium-sized businesses, startups, which are more motivated and faster decision-makers than many large enterprises, will gain additional competitive advantages. This additionally raises the priority of dedicated startup financing mechanisms, such as venture capital financing and business angel investment, helping those players who are early in the enterprise lifecycle to reach a scale that allows them to operate successfully.

To summarize, an answer will be provided to the challenge associated with the need to consider the intangible, motivational component in the work. And the transformation of management tools of large companies will be guaranteed, which will lead to an acceleration of corporate innovation.

Vasily Burov: I think the story about social relationships, about involving people in the public, is very important. Right now, our general, and the one a little younger, are basically the last people to have an idea of what it is like not to be in touch all the time. It is a story about social relationships, about mutual help, etc. When the need for intermediaries linking people at different times and places disappears, it greatly changes social behavior and horizontal social relationships. New relationships have not yet been born, but there is a kind of substitute for them. I am talking specifically about the human-to-human communication in a network which has never been as dense as it is now.

Artem Shadrin: And this is facilitated by technologies, take videoconferencing for example.

Kirill Ignatyev: Continuing with the first presentation, I would like to offer a few theses from today's "tomorrow," so to speak. First of all, two reservations must be made.

Until the current technological paradigm changes, the economy, which just recently was developing according to the global model, will become mixed (a world of blocs), as it adjusts to the adoption of sanctions, the creation of tactical alliances and conflicts. On this basis, we can foresee parallel technological services emerging in each bloc, and the growth of new forms of corruption associated not with the leading role of the state, but with the introduction and circumvention of inter-bloc restrictions. One might say that corruption is entering the global level.

And secondly, when we consider the economy of the future, we always put aside 10% for the scenarios of the "black swan" economy, that is, in case, roughly speaking, of an apocalypse, a global catastrophe (such as a world war or a supervolcano eruption). Even the unlikely options must be considered.

поколений. Покупаться будут компетенции и навыки, а не рабочее время. И второе, исходя из сегодняшней ситуации обострения глобальных конфликтов, очевидно, что экономика устанет от стрессового состояния, и мы увидим значительный рост тренда на антропономику, то есть человекоцентричную экономику, которая будет ориентирована на гуманные ценности, на ЗОЖ, на ценности человеческой жизни, медицину, экологию и т. д. Я предвижу роль именно этого сектора как точки самого главного и бурного роста.

Еще один из важных моментов — предиктивный характер экономики, который определяют сегодня технологии. Этот тренд фактически уничтожит кризисы перепроизводства, поскольку основное будет происходить по заказу. Соответственно, изменятся и механизмы монетизации.

Производство очков с выходом в интернет, позволяющих транслировать картинку нашего зрения, изменит социальные сети. Сейчас мы размещаем в соцсетях фото и видео, а с распространением такого гаджета будем просто стримить и моментально покупать. Буквально — монетизация по принципу: «увидел, моргнул, дал голосовую команду, купил». А это, кстати, означает уход огромного пласта сферы рекламы, торговли и пр. Или, к примеру, уход от наличных — минус традиционные формы коррупции, минус черный рынок, минус неконтролируемые потоки. Но в то же самое время появится рынок дополнительных субъектов, цифровых двойников. Виртуальный рынок, который уже не особо привязан к такому субъекту, как человек.

А в отдаленной перспективе я бы отметил постепенную замену большой энергетики на другие источники — термоядерная энергетика, получение энергии из болот, из океана, из космоса. И это уже означает кардинальное изменение существующих экономических моделей, связанных с традиционными источниками.

Василий Буров: Мы сейчас дискутируем скорее не про то, появится что-то или нет, а про то, какие последствия это вызовет. Тут уже возможно обсуждать большое количество сценариев, порожденных неизбежным. Единственный сценарий, который уводит совершенно в другую сторону, — если случится всеобщая ядерная война, его мы оставляем за скобками.

Мне важной кажется тема искусственного интеллекта. Как бы на ней ни хайповали, она, что называется, вызрела, и изменения грядут фундаментальные, а происходят они именно из-за того «всеобщего коннекта», о котором говорилось ранее. Это дает непрерывную фактическую прозрачность нашей жизни. И совершенно очевидно, что сейчас это технология, которую недооценили — ведь, по сути, мы научились заменять живое, хоть и делаем это пока в качестве эксперимента и крайне ограниченно. Но на протяжении двух поколений это станет нормой, мы — человечество — научимся извлекать из этого выгоду.

Искусственный интеллект очень хорошо отрабатывает несложную интеллектуальную деятельность. До недавнего времени считалось, что в условно креативных индустриях

As for the baseline scenario, i.e. a progressive economy, the first thing that will happen is a dramatic reduction in wage employment in companies over the horizon of two generations. Companies will be buying competencies and skills, rather than working time. And secondly, based on the current situation with aggravating global conflicts, it is obvious that the economy will get tired of stress, and we will see a major trend towards anthroponomics, that is, a human-centered economy, which will be oriented towards humane values, healthy lifestyle, values of human life, medicine, environment, etc. I foresee the role of this exact sector as the point of most important and rapid growth.

Another important point is the predictive nature of the economy, which today is defined by technologies. This trend will actually eliminate the crises of overproduction, since most of the manufacturing will be order-based. The monetization mechanisms will also change accordingly.

The production of Internet-enabled glasses that allow us to broadcast a picture of our vision will change social media. Today we simply post photos and videos on social networks; with the proliferation of such a gadget, we will just stream and buy instantly. Literally, monetization will be based on the principle: "I saw, I blinked, I gave a voice command, I bought." And this, by the way, means a huge layer of advertising, trade, etc. will disappear. Or, for example, moving away from cash means that traditional forms of corruption, the black market and uncontrolled cash flows will be a thing of the past. But at the same time a new market of additional entities, called digital twins, will emerge. A virtual marketplace that is no longer particularly tied to an entity such as a person.

In the long run, I would note the gradual replacement of big energy industry with other sources — thermonuclear, getting energy from the marshes, from the ocean, from space. This means a radical change in existing economic models associated with traditional energy sources.

Vasily Burov: We are not discussing whether something will appear or not, but rather what consequences it will have. It is already possible to discuss a large number of scenarios generated by the inevitable. The only scenario that takes us in a completely different direction is the scenario of a global nuclear war, which we leave out of the equation.

The topic of artificial intelligence seems important to me. No matter the hype around it, it has matured, so to say, and fundamental changes are coming, and they occur precisely because of the "universal connection" mentioned earlier. It gives continuous factual transparency to our lives. It is quite obvious that today this is clearly an underestimated technology, because, in fact, we have learned how to replace living things, although so far we do it for the sake of an experiment and in a very limited way. But within two generations it

искусственный интеллект все равно работает хуже человека, сейчас по крайней мере в области райтерства или создания иллюстраций уже не так. А надо понимать, что основная часть рынка (в деньгах и занятости) — это совсем не Шагал, Прокофьев и Чехов, а производители массы одноразовых произведений — которые больше не нужны. Так что искусственный интеллект не сможет заменить человека лишь до момента, пока все институционально устроено так, как мы привыкли. Это же произойдет везде, даже в таких сферах как госуправление. Хотя, например, заменить высокоуровневых чиновников довольно сложно, иначе формирование политики превратится в вырожденные утопические случаи с чистой рациональностью правил (что, как история показывает, до добра не доводит). Скорее всего, кардинально трансформируются устройство и роль государства, но это все равно будет конструкция, в которой люди нужны.

На что тут надо обратить внимание. Искусственный интеллект в первую очередь отнимает у человека «низовую», рутинную интеллектуальную деятельность. И мы это с удовольствием отдаем, потому что унизительно человеку заниматься чтением бесконечного количества писем о том, что «в подъезде погасла лампочка».

Но мы уже привыкли, что именно на рутинной работе наращиваются компетенции, значит, необходимо пересматривать образование, жизненный путь человека, чтобы действительно перейти от покупки рабочего времени к покупке компетенций. Сегодня ещё существует поколение, которое выросло с уверенностью, что надо продавать именно своё рабочее время, что нельзя и неправильно продавать компетенции как таковые, что не они отвечают за самих себя, а какая-то система, в которую они встроены. Причем так не только в России. Но процесс уже запущен.

Владимир Вайнер: Возникает все больше вопросов про обучение людей, и при этом увеличение роли искусственного интеллекта, и по факту уже сейчас существующего у каждого из нас цифрового двойника. Искусственный интеллект, наверное, может играть роль некоего тьютора, который нас сопровождает в этом росте компетенций. И тогда вектор направлен в сторону того, куда человеку развиваться в мире, где многое уже делегировано искусственному интеллекту. Все больше свободного времени, все меньше штатной работы, все больше антропоцентричности — но куда мы с этим всем пойдём?

И второй вопрос: если меняется зависимость от сырья и в принципе подход к нему, к энергетике, а параллельно меняется подход к эмитентам, количеству денег, их адаптации к растущему числу сервисов, должен меняться и подход к традиционной экономике, где актуальны вопросы прибыли и ее отчуждения, дохода и целей предпринимательской деятельности. Тогда бессмысленно прописывать в гражданском кодексе, что цель предпринимательской деятельности — извлечение прибыли. Получается, что в смысловой части экономического хозяйствования грядут радикальные изменения.

will become the norm, we, humanity, will learn to benefit from it.

Artificial Intelligence is very good at performing simple intellectual activities. Until recently, it was thought that AI was invariably worse than the humans in conventional creative industries; now at least in the field of writing or creating illustrations, this is no longer the case. You have to understand that the bulk of the market (in terms of money and employment) is not at all Chagall, Prokofiev, and Chekhov, but the producers of a mass of disposable works which are no longer needed. So artificial intelligence will not be able to replace humans only as long as things are institutionalized the way we are used to. The same will happen everywhere, even in areas such as public administration. Although, for example, replacing high-level officials is quite difficult, otherwise policy-making will turn into degenerated utopian cases with purely rational rules (which, as history shows, means trouble). Most likely, the structure and role of the state will be radically transformed, but it will still be a structure where people are needed.

Attention here should be paid to the following points. What artificial intelligence primarily takes away from us humans is “grassroots,” routine intellectual activity. And we gladly give it away, because it is humiliating to read endless reports on “who is changing the light bulb”.

But we have become accustomed to the fact that it is routine work that builds up competence, which means that it is necessary to revise the education, the life path of the person, to really move from buying working time to buying competence. Today we have a generation that has grown up with the belief that it is their working time that must be sold, that it is neither possible nor right to sell competencies as such, that they should not be responsible for themselves but rather some system they are integrated in. This situation is observed not only in Russia. But the process is already underway.

Vladimir Vainer: There are more and more questions about human learning and the increasing role of artificial intelligence, and in fact about all of us already having our digital twins. Artificial Intelligence can probably play the role of a tutor that accompanies us in this growth of competencies. And then the vector will be directed towards where a person should develop in a world where many tasks have already been delegated to artificial intelligence. More and more free time, less and less regular work, more anthropocentricity — but where do we get with all this?

And the second question is: if the dependence on raw materials and the general approach to raw materials and the energy is changing, alongside with the approach to issuers, the amount of money, its adaptation to the growing number of services, the approach to the traditional economy, where issues of profit and its disposal, income and goals of entrepreneurial activity are relevant, must also change. Then it makes no sense to

Куда развиваться человеку при всей этой ситуации, если мы уходим от нашего главного — заветов Адама Смита про верховенство прибыли?

Артем Шадрин: В обозримом горизонте двух поколений ухода от модели Адама Смита еще не случится. Само по себе сокращение рабочего времени, благодаря повышению производительности труда и мультифакторной производительности, не будет менять существующую экономическую модель.

Случился же переход от сельского общества к индустриальному, когда из 90% занятости в сельском хозяйстве в развитых странах осталось 5%. В новой экономике человеку совершенно точно останется высокий уровень аналитики, креативности и т. д.

Есть, конечно, риски, например, «ухода в матрицу», грубо говоря, когда у всех минимальный потребительский доход, все замыкаются сами на себя и с утра до вечера играют в компьютерные игры.

Альтернативный сценарий — «светлое коммунистическое будущее» Полудня XXII века, где все занимаются творческим, интересным, созидательным трудом.

Но тогда это про совершенно другие требования к поддержке развития человека. Антропоцентричность — это не только кастомизация услуг, но и акцент на системе образования и воспитания, в высоком смысле этих слов. Известно, что, например, в Финляндии учитель — одна из самых высокооплачиваемых профессий, в школах реализован индивидуальный подход к каждому ребенку вне зависимости от успеваемости и т. д. Нужно начать с этого и дальше продолжать быстро двигаться в части приоритизации задач развития образования и воспитания.

Третье, развитие искусственного интеллекта, совмещенное с расширением возможности кастомизации социальных сетей и в целом с управлением поступающей информации, с учетом особенностей конкретного человека, создает риски серьезных злоупотреблений, манипулирования поведением, «идеальной антиутопии», вполне совместимой со сценарием «ухода в матрицу».

Вопрос заключается в том, чтобы обеспечить выбор и удержание правильного аттрактора. Не случайно в Европе принят достаточно жесткий закон о хранении персональных данных, помогающий предотвратить их использование для искусственного манипулирования. В целом, приоритет обеспечения открытого доступа к информации (в балансе с обеспечением безопасности) — один из ключевых.

И последнее — про усталость от санкций и переход к новому, более гуманному обществу в мировом масштабе. Есть риски, связанные с тем, что по мере роста экономического потенциала, какие-то социальные группы могут решить: «Мы достигли некоего уровня доходов, благосостояния, давайте займемся неэкономическими приоритетами и начнем, скажем, силовое противостояние для решения наших узкогрупповых задач». У меня есть опасения, что любому человеку свойственен определенный уровень

state in the civil code that the purpose of entrepreneurial activity is generating profit. It turns out that radical changes are coming in the semantic part of economic management.

Where can a person develop in all this situation, if we are moving away from our main thing — Adam Smith's notion about supremacy of profit?

Artem Shadrin: In the foreseeable horizon of two generations, the departure from the Adam Smith's model will not happen yet. Reducing working hours by itself, through increased productivity and multifactor productivity, will not change the current economic model.

The transition from a rural society to an industrial society happened when the employment in agriculture in developed countries dropped from 90% to just 5%. In the new economy, high-level analytics, creativity, etc. will certainly be left to humans.

There are, of course, risks, such as “falling into the matrix,” roughly speaking, when everyone has a minimum consumer income, everyone is on their own and everyone plays computer games from morning till night.

The alternative scenario is a “bright communist future” described in Noon: 22nd Century, where everyone is engaged in creative, interesting, constructive work.

But then it is about completely different requirements for supporting human development. Anthropocentricity is not only about the customization of services, but also the emphasis on the education and upbringing system, in the high sense of those words. It is known that, for example, in Finland the teacher is one of the highest paid professions, schools implement an individual approach to each child regardless of performance, etc. We need to start with this, and continue to move quickly in terms of prioritizing the development of education and upbringing.

Third, the development of artificial intelligence, combined with the expansion of the ability to customize social networks and in general with the incoming information feed being shaped to the characteristics of the individual, creates risks of serious abuse, behavior manipulation, the “perfect anti-utopia,” which is quite compatible with the “falling into the matrix” scenario.

The question is to ensure that the right attractor is selected and retained. It is no coincidence that Europe has adopted a fairly strict law on personal data storage, which helps to prevent its use for artificial manipulation. In general, the priority of open access to information (in balance with security) is a key one.

And the last point, about the fatigue from the sanctions and the transition to a new, more humane society on a global scale. There are risks associated with the fact that as economic potential grows, some social groups may decide: “We've reached some level of income, welfare, let's get on with non-economic priorities and start, say,

агрессии. Как гарантировать, чтобы она канализировалась не через социально опасные формы, — задача неочевидная.

Владимир Вайнер: Да, если мы исходим из тезиса, что агрессия является неотъемлемой частью человеческого существа и социума, то ее нужно постоянно учитывать. И при любом раскладе экономического будущего этот риск будет возникать. Нет экономики — агрессия за ресурсы, изобилие — агрессия по другим параметрам... Хотя, казалось бы, если мы хотим полностью контролировать агрессию, то нам нужно просто правильно выбрать аттракторы, правильно кастомизировать мозговую активность человека, благодаря наличию очков...

Артем Шадрин: Это такой же плохой вариант — контроль за агрессией через «концлагерь». С другой стороны, доступность для все большего числа людей многих современных, потенциально разрушительных технологий, становится реальностью. Два альтернативных сценария — либо неприемлемые социальные технологии контроля, либо неприемлемые риски, скажем терроризма, одинаково, мягко говоря, нехороши.

Вроде бы найден перспективный выход — это разработка теории воспитания, индивидуальная работа с каждым ребенком. И это очень нетривиальная задача. В то же время, именно сейчас современная экономика как раз создает для этого необходимые ресурсы времени.

Снижение необходимого объема занятости в материальном производстве, а теперь и в предоставлении рутинных услуг, расширяет «бюджет времени» для общения с собственными детьми. А также — для вовлечения в сферу работы с детьми все большего и большего числа высокомотивированных людей, раньше выбирающих другие пути построения карьеры и достижения общественного признания.

Это не только и, скорее всего, не столько школа, сколько всевозможные форматы практической деятельности детей и практико-ориентированного обучения: творчество, исследования и технологическое конструирование, волонтерство, экспедиции... При этом с мощным гуманистическим моральным зарядом.

Владимир Вайнер: О чем бы мы ни говорили, все равно возвращаемся к этой активации человека.

Кирилл Игнатьев: Мы начали разговор об искусственном интеллекте и о том, как в этом контексте, с комплексным развитием технологий будет развиваться мир. Я хочу соединить обе темы. На мой взгляд, наша планета, наш мир будет развиваться как мир людей. Об этом забывают фантасты, визионеры, люди, со страхом смотрящие на новые технологии. Но мы были и остаемся миром людей со всеми присущими человеку психологией и особенностями. Страхи перед искусственным интеллектом равноценны страху перед первым автомобилем. Когда появился паровой автомобиль, ввели закон, чтобы перед ним со скоростью 5 км/ч шел человек и размахивал красным флагом. Люди боятся новых технологий, это было, есть и будет. Кто-то берет на себя риск быть первопроходцем, иногда погибает, иногда становится победителем. И есть

a forceful confrontation to solve our narrow-group objectives." I have a concern that a certain level of aggression is inherent in any person. Ensuring that it is not channeled into socially dangerous behavior is not an obvious task.

Vladimir Vainer: Yes, if we proceed from the thesis that aggression is an intrinsic part of the human being and the society, then it must be constantly considered. And whatever the economic future holds, this risk will arise. When we have no economy, we fight for resources; when the resources are abundant, we fight over other things... Although it would seem that if we want to fully control aggression, we just need to choose the right attractors, to properly customize human brain activity, thanks to the smart glasses...

Artem Shadrin: This is as bad an option as controlling aggression through a "concentration camp." On the other hand, the availability of many modern, potentially destructive technologies to an increasing number of people is becoming a reality. The two alternative scenarios, either unacceptable social control or unacceptable risks of, say, terrorism, are equally bad, to say the least.

A promising solution seems to have been found — the development of a theory of education, individual work with each child. And it is a very non-trivial task. At the same time, it is just now that the modern economy is creating the necessary time resources for this.

The decrease in the necessary amount of employment in material production, and now in the provision of routine services, expands the "time budget" for communicating with one's own children. And also for involving more and more highly motivated people in the field of work with children, who previously chose other ways to build a career and achieve social recognition.

It is not only about schooling, but all sorts of formats for children's practical activities and practice-oriented learning: creativity, research and technological design, volunteering, expeditions... Together with a powerful humanistic moral boost.

Vladimir Vainer: No matter what we talk about, we still come back to this human activation.

Kirill Ignatyev: We started talking about artificial intelligence and how the world will evolve in this context, with the comprehensive technological development. I want to connect the two topics. In my opinion, our planet, our world will evolve as a world of people. This is what sci-fi writers, visionaries, and people who look at new technologies with fear, tend to forget. But we have always been, and we remain a human world with all the psychology and peculiarities inherent in us. Fear of artificial intelligence is equal to fear of the first car. When the steam engine came along, they made it a law to have a man walk in front of the car at 5 km/h and wave a red flag. People are afraid of new technologies; this has always been the case and this will be the case.

человек со всеми его эмоциями, и в мире людей искусственный интеллект всегда будет являться исключительно сервисом, это такая же инфраструктура. Она помогает человеку в случаях, когда он не может сделать что-то так быстро как искусственный интеллект, или посчитать так же как квантовый компьютер.

Страхи — от незнания. Я уверен однозначно, что мы были и будем существовать как мир людей, которые постепенно начинают использовать, применять технологии, но контролировать и ограничивать их, пока они еще не вызывают доверие. В мире людей человек остаётся главным заказчиком и рулевым технологий, даже превосходящих человека по возможностям.

Я согласен с Артемом, что идет процесс кастомизации, оказывая влияние, в том числе, на повседневные сценарии. Кастомизированная еда — это минус супермаркеты, кастомизация лекарств — минус аптеки. Дальше на очереди — кастомизация социальной жизни.

Органы управления будущего, в том числе государственные институты, должны учиться по-разному управлять разными сообществами. Тезис, что закон один для всех, скоро подвергнется сомнению, потому что у разных сообществ существуют принципиально разные запросы для людей. К примеру, мы проводили опрос про моментальный сервис определения лжи через смартфон. И пожилое поколение сказала, что это ужасная вещь, которую не оценит молодежь. А ребята 14-15 лет сказали, что это супер, потому что становится невыгодным врать. И оба правы.

То же самое с деньгами — кастомизированная экономика будет приводить к моментальной монетизации. Кто-то потребил и оплатил товар — технологии моментально распределяют деньги сразу между теми, кто участвовал в его производстве. То есть распределение будет не через владение бизнесом, а в момент продажи услуги или товара тем, кто его создал. А это — минус рынок акций.

Да, движение к гуманному миру происходит очень медленно, происходят глобальные эпидемии, войны. Однако они не меняют главный вектор развития. В этом плане более опасны риски, которые от человека не зависят, как пример — сдвиг тектонических плит. Тектоническая активность как раз-таки может привести к катастрофе — извержению супервулкана, глобальному похолоданию. А если не будет солнечной энергии, то понадобятся ее классические источники, и, независимо от уровня развития, мы можем вернуться в эпоху ископаемых и борьбы за тепло.

Василий Буров: Согласен. Сейчас в мире слишком большой багаж серьезных технологических проектов, которые могут очень по-разному отразиться на мире, если с ними что-то пойдет не так. Представить даже лет 50 назад, что вся канализация в городе работает только при наличии электричества, было невозможно. А сейчас нельзя представить, что может быть иначе.

В какой-то момент человек начал не жечь огонь, а пользоваться газом, печью, у него возникли в связи с этим какие-то ограничения, но он приспособился, выстроил вокруг себя институты,

Someone has to take the risk of being a pioneer. Sometimes they die, sometimes they win. And there is a human being with all his emotions, and artificial intelligence will always be purely a service in the human world, it is just an infrastructure. It helps humans when they cannot do something as fast as artificial intelligence does, or do calculations as fast as a quantum computer.

Fears come from ignorance. I am sure unequivocally that we have been and will continue to exist as a world of people who are gradually beginning to use, apply technologies, but control and limit them while they are not yet trustworthy. In the human world, the human remains the main customer and ruler of technology, even when that technology is far beyond the human capabilities.

I agree with Artem that a customization process is ongoing, and it affects our everyday scenarios, among other things. Customized food spells the end of supermarkets, customized medicine spells the end of pharmacies. Next in line is the customization of social life.

The governing institutions of the future, including state institutions, must learn to manage different communities in different ways. The thesis that the law is one for all will soon be questioned because different communities have fundamentally different requests for people. For example, we did a survey about an instant lie detection service via smartphone. The older generation said it was a terrible thing that young people would not appreciate. Meanwhile, the 14-15-year-olds said it was great because it becomes unprofitable to lie. And both are right.

It is the same with money — a customized economy will lead to instant monetization. Someone consumes and pays for a product — and the technology instantly distributes the money to everyone who participated in its production. That is, the distribution will not be through business ownership, but at the time of the sale of the service or product to those who created it. And that spells the end of the stock market.

Yes, movement towards a humane world is very slow, there are global epidemics, wars. However, they do not change the main vector of development. In this regard, risks that are beyond the human control are far more dangerous, such as the tectonic plates shifting, for example. Tectonic activity can lead to a catastrophe — a supervolcano eruption, global cooling. Without solar power, we will have to revert to traditional energy sources, and, regardless of the level of development, we may return to the era of fossil fuels and the struggle for heat.

Vasily Burov: I agree. There is too much baggage in the world right now of serious technological projects that can affect the world in very different ways if something goes wrong with them. 50 years ago it was unimaginable that an entire city sewer system could operate only with electricity. And today it is unimaginable that it could ever have been otherwise.

которые поддерживают жизнь. В случае катастрофических сценариев про это не надо забывать.

Что касается «закон не равен для всех» — из этого автоматически следует, что при наличии другой регуляторики в отношении труда социальные макроэкономические параметры начинают становиться другими. Каким-то образом меняется перераспределение. Поэтому, я думаю, и Смит останется, и Маркс местами тоже, кейнсианцы, неокейнсианцы, и еще масса всего. Технологических укладов, про которые говорил Кирилл, одновременно присутствует в мире несколько, наступление нового не уничтожает полностью старое. От того, что люди пересели на машины, они не перестали ездить на лошадях. Просто поменялся смысл такого действия. И подобных примеров много.

Потенциальная глобализация, как ни удивительно, но создает больше условий для существования такого разнообразия. Человечество так устроено, что сначала пытается собраться вместе, глобализировать что-то, потом разваливается на части, а через какое-то количество лет цикл повторяется. Сейчас мы живем в цикле деглобализации, и это связано, в том числе, со сменой технологического уклада. Потому что, как известно, будущее уже наступило, только оно неравномерно распределено — как очень точно сказал когда-то Уильям Гибсон. И некоторым в сознании его досталось, и они живут в одном укладе, а кому-то нет — и они в другом, при этом находясь часто в одном месте физического мира. Причем и те, и другие могут ездить на «Тесле», но у кого-то в голове осталось то же самое, что было при езде на «Победе», а то и на лошади с кучером.

А когда возникнет история про экономику сообществ, про большую роль индивидуальности, тогда разнообразие не станет источником неустойчивости, а скорее наоборот, главным фактором устойчивости. Это доказано классиками поведенческой экономики и управления.

Артем Шадрин: У меня есть тезис, который хочется обсудить, — войны не зависят от проблем с экономикой, от роста или падения благосостояния, скорее к ним ведут какие-то эндогенные причины. К примеру, к началу Первой мировой войны не было экономического кризиса, и в Англии, и во Франции, и в Германии все неплохо развивалось.

Но сам по себе экономический рост — не свидетельство автоматического улучшения социальной картины мира с точки зрения бесконфликтности. Сюда еще добавляются риски, связанные с ростом доступности технологий, возможностей организации техногенных катастроф. Напряженность и потенциал для конфликтов остаются и, к сожалению, на мой взгляд, автоматически не нейтрализуются ростом благосостояния.

Что касается альтернативных историй регулирования, мне кажется, что виртуальные сообщества — это очень интересная вещь в контексте расширения возможностей объединения граждан для совместного производства или формирования заказа на производство общественных благ.

At some point, people stopped keeping a fire-place burning at all times and switched to gas, stoves. This came with some restrictions, but the people adapted, built around themselves the institutions that support life. In the case of catastrophic scenarios this should not be forgotten.

As for “the law is not the same for all,” it automatically follows that with a different labor regulatory framework, the social macroeconomic parameters begin to change. Somehow the redistribution changes. That is why I think Smith will remain, and Marx to some extent, too, Keynesians, neo-Keynesians, and a lot more. There are several technological paradigms that Kirill was talking about. They can coexist in the world, and the advent of a new paradigm does not completely destroy the old one. Just because people moved to cars, they did not stop riding horses. It just changed the meaning of such an action. The examples are many.

Surprisingly, potential globalization creates more conditions for the existence of such diversity. That’s the way the humankind is: first it tries to come together, to globalize something, then it falls apart, and after a number of years the cycle repeats. We are now living in a cycle of de-globalization, and this is due, among other things, to a change in the technological paradigm. Because, as you know, the future is already here, but it is unevenly distributed as William Gibson once remarkably noted. Some people are more susceptible to the new paradigm, and they are already living in it, while others are not, and they stay in the other, while often being in the same place in the physical world. And both can drive a Tesla, but some have the same mindset as when they used to drive a Pobeda, or even ride a horse-drawn carriage with a coach.

When the story of community economics emerges, of a greater role for individuality, then diversity will not be a source of instability, but rather the main factor of stability. This has been proven by the classics of behavioral economics and management.

Artem Shadrin: I have a thesis that I would like to discuss: wars do not depend on problems with the economy, on growth or decline in prosperity; rather they are caused by some endogenous reasons. For example, when World War I started, there was no economic crisis; England, France and Germany were developing quite well.

But economic growth itself is not evidence of an automatic improvement in the social picture of the world in terms of absence of any conflicts. Added to this are the risks associated with the increasing availability of technologies, the possibility of man-made disasters. Tensions and the potential for conflict remain and, unfortunately, increased prosperity does not automatically neutralize them, as far as I am concerned.

In terms of alternative regulatory stories, I think virtual communities are a very interesting thing in the context of increasing the possibilities

Уже сейчас в странах с высоким уровнем децентрализации можно переехать в другой населенный пункт, в котором подход, например, к соотношению налогов и качеству общественных благ тебе нравится больше. Где-то акцент на здравоохранение, где-то — на экологию и пр. — ты сам выбираешь, где тебе комфортно.

И в перспективе ничего не мешает реализовать возможность финансирования коллективных благ по модели, когда каждый может направлять свою часть налогов на финансирование тех из них, которыми собирается пользоваться.

Есть известная в мире практика финансирования НКО в пределах 1 процентного пункта от доходов, уплачиваемых в рамках НДФЛ, когда гражданин сам выбирает НКО, в которые направляются эти средства. Такая модель позволяет реально повышать эффективность работы социального сектора. В России подобный подход, кстати, уже частично реализован в виде социальных налоговых вычетов.

Третий тезис, возвращаясь к ранее сказанному — о том, что в современном мире все утопии — это утопии педагогические. Какие могут быть предприняты шаги по изменению содержательности системы образования? Например, как в «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя», — это создание системы лицеев, готовящих учителей принципиально другого уровня, владеющих перспективными педагогическими технологиями, это шаг к будущему с более совершенной системой развития людей.

Мы часто используем понятие «нового поколения» технологий — такая метафора применима и к педагогике. Скажем, если с начала XX века городской транспорт, например, поменялся принципиально — сравните лошадей и автомобили, то ученики в школах как сидели за партами с досками, так и сидят — и неважно, что доски в некоторых школах стали электронными. Нужны какие-то принципиально новые шаги. Многие помнят движение педагогов-новаторов, думаю, нас ждет возвращение интереса к новым педагогическим технологиям.

Еще один сюжет. Сейчас намечается прорыв или, по крайней мере, новая волна в динамике освоения космоса. После перерыва в несколько десятилетий стартуют новые пилотируемые экспедиции на Луну, с перспективой будущего строительства там обитаемых станций. На очереди, быстрее чем многие думают, запуск добычи ресурсов на астероидах, с их транспортировкой на Землю, а также с использованием в целях дальнейшего освоения космического пространства.

В условиях все более очевидной ограниченности ресурсов на Земле, освоение космоса — способ избежать риска «окукливания» экономики и социальной жизни общества, и принесения развития в жертву неправильно понятой стабильности.

При рисках наступления, условно говоря, состояния «японизации» экономики, о котором говорилось, когда уже расти будет больше особо некуда, космос станет новым полем для экономической экспансии, предполагающей вовлечение значительного объема материальных ресурсов — металла, энергии и т. д., теперь уже в «космических» масштабах.

of bringing citizens together to co-produce or form an order for the production of public goods.

Even now, in countries with a high level of decentralization, you can move to another locality, which in your opinion has a better ratio of taxes and the quality of public goods, for example. Some places have a greater emphasis on health care, others on the environment, etc. — you choose where you feel comfortable.

And in the long run, nothing prevents the possibility of financing collective goods according to a model where everyone can allocate their share of taxes to finance just the goods they intend to use.

There is a world-known practice of funding nonprofits within 0.01% of income paid under personal income tax, when a citizen chooses the organization to which these funds will be allocated. This model makes it possible to really improve the efficiency of the social sector. In Russia, by the way, a similar approach has already been partially implemented in the form of social tax deductions.

The third thesis, returning to what was said earlier, is that all utopias in the modern world are pedagogical utopias. What steps can be taken to change the content of the education system? For example, as in *Burdened with Evil*, or *Forty Years Later*, it is about creating a system of lyceums that prepares teachers at a fundamentally different level, with promising pedagogical technologies — a step towards a future with a better system of human development.

We often use the notion of a “new generation” of technologies, a metaphor that applies to pedagogy as well. For example, urban transport has changed fundamentally since the early 20th century — from horses to cars; meanwhile, the students are still sitting behind their desks in schools with blackboards, just as they did a hundred years ago — and never mind that some schools have got electronic blackboards. We need some fundamentally new steps. Many remember the pioneering teachers’ movement, and I think we will see a return of interest in new pedagogical technologies.

Here is another story. We are currently seeing a breakthrough, or at least a new wave of progress in space exploration. After a break of several decades, new manned expeditions to the Moon are being launched, with the prospect of future construction of manned stations there. Next in line, faster than many might think, is the launch of resource extraction on asteroids, which will be transported to Earth and used for further exploration of outer space.

In the face of increasingly obvious resource constraints on Earth, space exploration is a way of avoiding the risk of “encapsulation” of the economy and social life, and sacrificing development to misunderstood stability.

There is a risk of, so to speak, the onset of “Japanization” of the economy, which we have discussed earlier, when there is no more place for growth; and this is where space will become a new field for economic expansion, involving a

Василий Буров: Про космос полностью согласен, а первые два тезиса мне кажутся весьма спорными. Как раз экономически все основные участники Первой мировой войны имели явные системные проблемы, которые и решали с ее помощью. Я бы все же сказал, что это зависит не от прямого ВВП на душу населения, а от того, как все качественно устроено, как себя люди ощущают.

Но гораздо больше меня волнует история про педагогическую утопию. На самом деле, в педагогике есть бесконечное количество новых вещей. Россия попыталась вырваться из застоя в этом отношении в начале XX века и породила многое, на что сейчас опирается передовая мировая педагогика, — те же Выготский и Макаренко. На Макаренко до сих пор базируется все корпоративное управление HR и обучение. Следующий рывок был в 1960-е, 1970-е, 1980-е, когда появились педагоги-инноваторы¹. Дальше концепции начали выходить в жизнь. Потом снова был спад, но на уже выработанные давным-давно концепции до сих пор опирается весь мир.

Сейчас для всех, кто серьезно понимает педагогику, главной становится история про стыковку педагогики с современными информационными реалиями — искусственным интеллектом, информационными технологиями. Особенно, в ситуации, когда учебные заведения теряют монополию на знания. Как это преодолеть? В отличие от экономики, в которой можно что-то преодолеть прыжком, в педагогике такое мало-реально. Слишком многое завязано на психологии, на системе «человек-человек».

Владимир Вайнер: На что же нужно направлять фокус внимания, чтобы приблизить будущее, которое нам нравится, если это, вообще, возможно? С одной стороны, если гуманизация — необратимый процесс, тогда не нужно ничего специально предпринимать, все придет само. С другой стороны, если каким-то образом можно приблизить этот момент, почему бы не сделать это?

Кирилл Игнатьев: Коллеги сказали, что будущее связано с безграничными просторами космоса. Это совершенно верно, работа в дальних мирах неизбежна. Есть как минимум три «космические задачи»: скорость перемещения в пределах ближнего космоса для сверхбыстрых перелётов, ресурсы, которые на Земле в какой-то момент будут исчерпаны, удешевление наземных проектов связи и аналитики.

Новые ресурсы нам понадобятся и потому, что мы даже в высокоразвитых странах перейдём от сокращения к устойчивому росту населения. Технологии биотеха, медицины и генной инженерии приведут к росту продолжительности жизни именно в передовых государствах. Будет больше пожилого населения, долгая жизнь которого положительно компенсирует невысокую рождаемость.

¹ Подробнее о том, как гуманная педагогика может помочь построить образование будущего, можно прочитать здесь: Семенычев, А. (2022). Гуманная педагогика 2.0: от идей Антона Макаренко до Людмилы Петрановской и Димы Зицера. *Позитивные изменения*, 2(3), 30-39.

significant amount of material resources — metal, energy, etc., now on a “cosmic” scale.

Vasily Burov: I completely agree about space, but the first two theses seem to me very controversial. Economically, all the main participants in World War I had obvious systemic problems, which they tried to solve by going to war. I would still say that it depends not on direct GDP per capita, but on how everything is arranged qualitatively, how people feel about themselves.

But I am much more concerned about the story of pedagogical utopia. In fact, there are endless new things in pedagogy. Russia tried to break out of stagnation in this respect at the beginning of the 20th century and gave birth to a lot of things that the world's leading pedagogy now relies on — people like Vygotsky and Makarenko. Makarenko is still the basis for all corporate HR management and training. The next leap was in the 1960s, 1970s, 1980s, when pedagogical innovators emerged¹. Next, other concepts began to come to life. Then there was another recession, but the whole world is still relying on concepts developed a long time ago.

Now, for anyone who seriously understands pedagogy, the main story is about coupling pedagogy with modern information realities — artificial intelligence, information technologies. Especially in a situation where educational institutions are losing their monopoly on knowledge. How do we overcome this? Unlike economics, in which something can be overcome by leaps, this is unlikely in pedagogy. There is too much reliance on psychology, on the “human-to-human” system.

Vladimir Vainer: What do we need to focus on in order to bring about the future we like, if at all? On the one hand, if humanization is an irreversible process, then there is no need to do anything on purpose, everything will happen by itself. On the other hand, if somehow that moment can be brought closer, why not do it?

Kirill Ignatyev: My colleagues say that the future is connected to the limitless expanses of space. That is absolutely right, work in distant worlds is unavoidable. There are at least three “space challenges”: the speed of travel within near space for ultra-fast flights, resources that will be exhausted on Earth at some point, and the cheapening of ground-based communications and analytics projects.

We will also need new resources as even highly developed countries will switch from shrinking population to sustained growth. Biotech, medical, and genetic engineering technologies will lead to increased life expectancy in advanced nations. There will be a larger share of elderly population,

¹ Read more about how humane pedagogy can help build the education of the future here: Semyonichev A. (2022). *Humane Pedagogy 2.0: From Anton Makarenko to Lyudmila Petranovskaya and Dima Ziser*. *Positive changes*, 2(3), 30-39.

На мой взгляд, особенности человеческого мира, в котором мы живем и будут жить последующие поколения, заключаются в том, что всегда, все время, вне зависимости от уровня развития, был один преобладающий главный стимул развития и человека, и экономики. Этот стимул называется «счастье». Оно может достигаться через любовь, секс, богатство, победы, через многое другое. И когда мы говорим о том, в чем будет главный стимул будущего, надо понимать, что он не изменится. Изменяются формы отношений, в том числе экономических, только и всего.

А как сделать, чтобы мир был более современным и счастливым? Наверное, приближать будущее своими мыслями, действиями, изобретениями, активностями и просто в обычной повседневной жизни. Для этого нужно преподавать футурологию именно как науку о будущем, потому что сейчас она рассказывает про будущее технологий, на стыке точных и гуманитарных наук. Расширение знаний о будущем помогает людям быстрее продвигаться вперед!

Василий Буров: Сейчас мир стал слишком зарегулирован, врачебное «не навреди» вошло в системы управления, а это тормозит развитие. Поэтому необходимо больше площадок и возможностей для экспериментов. Потому что новое — все равно прорвется, как бы мы его ни опасались. Просто нужно придумать, как жить в этом новом мире.

А вот что касается глобального продвижения футурологии — таких вещей я немного боюсь, потому что это что-то не очень понятное и плохо верифицируемое. Соответственно, вокруг такого всегда появляется много жуликов. Я полностью согласен с самой идеей продвижения, но пока непонятно, как это институционально реализовывать.

Хотя деньги на перспективные исследования, на создание прототипов и сейчас выделяются — то, что называется в мире Curiosity Science. Это и есть приближение будущего.

Артем Шадрин: Необходимо, как мне кажется, подготовить следующий шаг в масштабировании практики использования результатов исследований будущего — то, что в мире обычно называют Future Research и Futures Studies.

За последние несколько лет в ряде стран произошла институционализация практики исследований будущего, запускаются новые университетские программы, развиваются профессиональные сообщества, работают такие международные организации, как Association of Professional Futurists и World Future Society.

Методология стратегического форсайта стала уже мейнстримом, а не чем-то маргинальным, она рассматривается как важный и даже необходимый элемент в стратегическом планировании развития компаний. И это не подготовка неких предсказаний — «через 50 лет будет так-то», а, например, построение набора сценариев, исходя из которых становится возможным более обоснованно выстраивать разработку стратегий.

Это принципиально отличается от устаревших практик линейной экстраполяции экономических трендов, которые в любом

whose long life will positively compensate for the low birth rate.

In my view, the peculiarities of the human world in which we are living and will continue to live for generations to come are that always, at all times, regardless of the level of development, there has been one prevailing main incentive for both human and economic development. This stimulus is called happiness. It can be achieved through love, sex, wealth, victory, through many other things. And when we talk about what the main incentive of the future will be, we have to understand that it will not change. The forms of relationships, including economic relations, will change, but that's all.

And how do you make the world a more modern and happier place? Probably by bringing the future closer with our thoughts, actions, inventions, activities, and just in our ordinary everyday life. This requires teaching futurology as a science of the future, because right now it is about the future of technologies, at the intersection of the exact sciences and the humanities. Increased knowledge about the future helps people move forward faster!

Vasily Burov: The world has become over-regulated, the medical notion of “do no harm” has entered the management systems, and this inhibits development. Therefore, more platforms and opportunities for experimentation are needed. Because the new will break through, no matter how much we fear it. You just have to figure out how to live in this new world.

As for the global promotion of futurology, I am a little afraid of this kind of thing, because it is something that is not very clear and poorly verifiable. Inevitably there are numerous crooks around something like that. I completely agree with the idea of promotion, but it is still unclear how to implement it institutionally.

Although money is being allocated for promising research, for prototyping, for what the world calls the Curiosity Science. This is the approach of the future.

Artem Shadrin: I believe it is necessary to prepare the next step in scaling the practice of using the results of what the world usually calls Future Research and Future Studies.

Over the past few years, a number of countries have institutionalized the practice of futures research, launching new university programs, developing professional communities, and operating international organizations such as the Association of Professional Futurists and the World Future Society.

Strategic foresight methodology has become mainstream rather than marginal, and is considered an important and even necessary element in the strategic planning of company development. And this is not about making some predictions, like “in 50 years it will be like this,” but, for example, building a set of scenarios, which can be used to develop new strategies in a more reasonable way.

случае будут меняться, хотя бы вследствие сложной взаимосвязи многих перспективных технологических и социальных изменений. А это означает, например, и необходимость использования при прогнозировании междисциплинарного подхода, которым зачастую пренебрегают.

Типичная ошибка при прогнозировании воздействия на экономику и общество какой-нибудь новой технологии или проекта заключается в том, что неявно предполагается, что в будущем все останется как было, а изменения будут связаны только с предметом рассмотрения, что очевидно не так. Поэтому формирование различных образов будущего, комплексных сценариев развития экономики и общества принципиально важно.

Если говорить еще о некоторых шагах по ускорению приближения желаемого будущего, то первое, что хотелось бы отметить — это новый этап в развитии непрерывного образования, который позволил бы использовать максимум из появляющихся в мире результатов исследований и новых практик.

Мне в этом плане нравится идея основателей московской Школы системного менеджмента о целесообразности прохождения «второго бакалавриата» в формате ДПО, который позволял бы, скажем раз в 10-15 лет, системно актуализировать набор базовых, а не только отдельных узкопрофессиональных компетенций, с учетом новых появившихся подходов в разных отраслях знаний.

Думаю, уже сейчас это решительно необходимо, например, тем, кто готовится стать директором по развитию в своей компании, а также тем, кто отвечает за управление изменениями, кого за рубежом называют Chief Reinvention Officer.

Плюс еще один важный алгоритм, помогающий движению вперед, наряду с проведением собственных оригинальных исследований — это проведение бенчмаркинга, системное выявление лучших практик и проведение с их учетом пилотных проектов для возможного тиражирования действующими организациями. То есть обеспечение ускоренной адаптации появляющихся в России и мире новых конкурентных преимуществ и успешных технологических решений.

Владимир Вайнер: На этой позитивной ноте менеджмента изменений мы заканчиваем нашу встречу. Если такой формат кажется значимым, мы можем повторять его онлайн, офлайн и в любой точке мира. Это кажется правильной задачей по приближению горизонта будущего.

This is fundamentally different from the outdated practice of linear extrapolation of economic trends, which will change anyway, if only because of the complex interplay of many promising technological and social changes. This means, for example, the need to use an interdisciplinary approach to forecasting, which is often neglected.

A typical mistake in predicting the impact of a new technology or project on the economy and society is to implicitly assume that in the future everything will remain as it is, and that changes will only be related to the subject under consideration, which is obviously not the case. Therefore, the formation of different images of the future, integrated scenarios of economic and social development is fundamentally important.

If we talk about some more steps to accelerate the approach of the desired future, the first thing I would like to note is a new stage in the development of lifelong learning, which would allow us to maximize the use of new research results and new practices as they appear.

In this regard, I like the idea of the founders of the Moscow School of Systems Management of the expediency of having the “second bachelor’s degree” in the format of vocational training, which would allow, say regular updates of the basic competencies, not just specific professional skills, every 10-15 years, for example, responding to new approaches in different fields of knowledge.

I think this system is strongly needed now, for example, to people preparing to become a development director in their company, or to those who are responsible for change management, the so-called Chief Reinvention Officers.

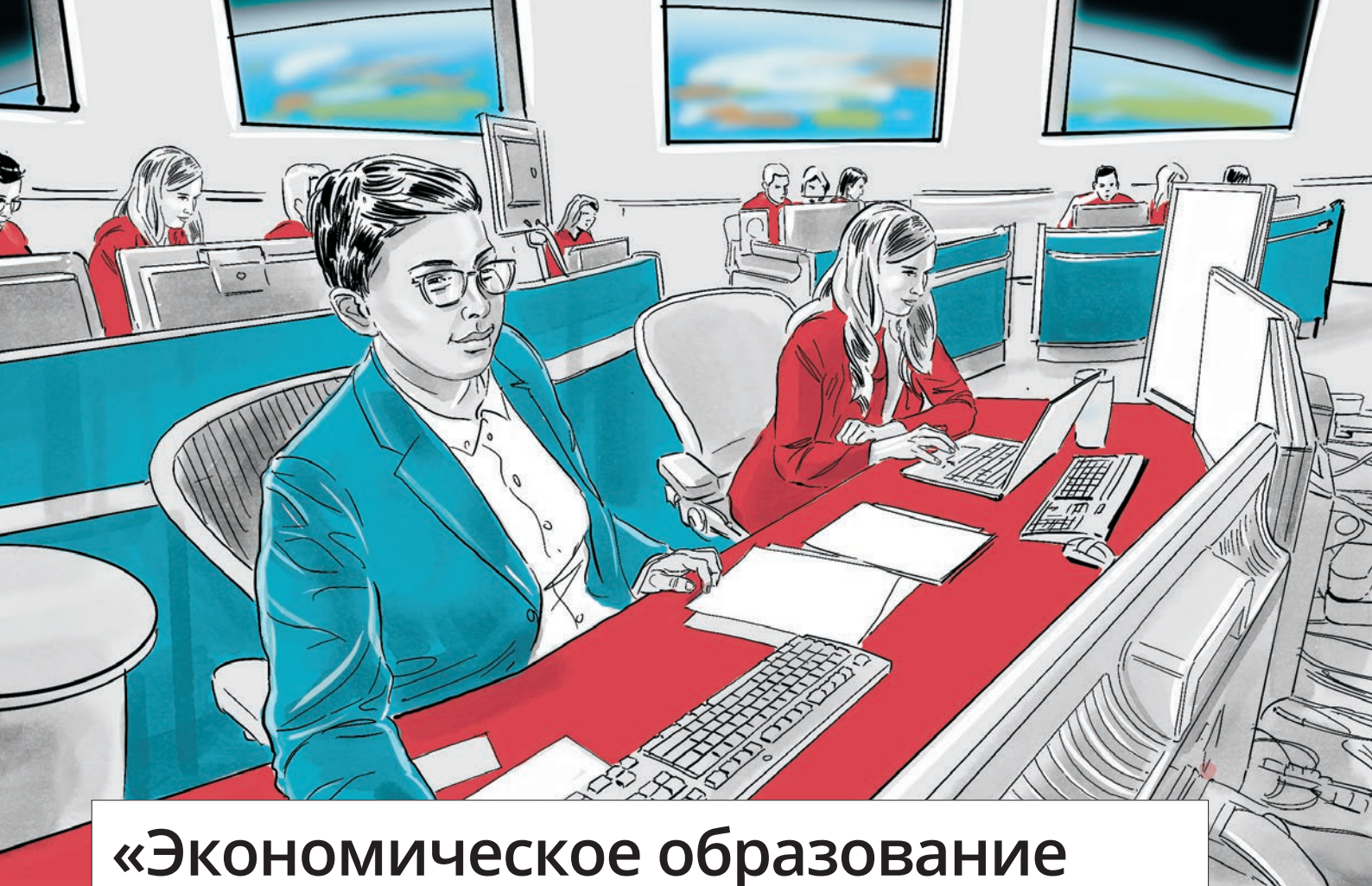
Plus, another important algorithm to help move forward, along with conducting their own original research, is to conduct benchmarking, systematic identification of best practices and implementing pilot projects for possible replication by existing organizations. That is, ensuring accelerated adaptation of new competitive advantages and successful technological solutions emerging in Russia and all over the world.

Vladimir Vainer: On this positive change management note, we end our meeting. If such a format seems meaningful, we can repeat it online, offline, and anywhere in the world. This seems like the right task for bringing the horizon of the future closer.

Текст подготовила
журналист
Татьяна Печегина

Text prepared by journalist
Tatiana Pechegina

«Экономическое образование должно быть направлено на благо людей и планеты».

Интервью с Сонал Рагхуванши,
движение Economists for Future

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-S1-32-38

“Economic Education Must Be for the Good of the People and the Planet.”

Interview with Sonal Raghuvanshi,
Economists for Future

В августе 2018 года прошла череда школьных забастовок за климат, известных как «Пятницы ради будущего». Позже, движение активно поддержали академическое и научное сообщества, призвав правительства всего мира сократить глобальные выбросы углерода (движение «Ученые ради будущего»). Международная группа студентов и ученых из области экономических наук

Сонал Рагхуванши
Sonal Raghuvanshi

In August 2018, a series of climate strikes were organized across schools under the banner of Fridays for Future. Later, this sense of urgency was supported by the academic and scientific communities at large, which called upon governments around the world to reduce global carbon emissions (the Scientists for Future movement). Within the economics discipline, a network

of students and scholars from several countries joined forces—advocating for change and

объединила усилия, выступая за перемены и призывая экономистов использовать свое влияние, чтобы помочь предотвратить чрезвычайную ситуацию на нашей планете, тем самым дав старт движению «Экономистов за Будущее», в основе которого лежит вера, что экономическое сообщество должно стать движущей силой справедливого и равноправного постуглеродного мира.

aiming to mobilize economists and the influence they have, to help arrest the planetary emergency and giving rise to Economists for Future, a movement that believes the economics community must become a driving force toward a just and equitable post-carbon world.

Наталья Гладких
Главный редактор
журнала «Позитивные
изменения»

Natalia Gladkikh
Editor-in-Chief,
Positive Changes Journal

Сонал Рагхуванши — одна из ярких представителей движения E4F («Экономисты за Будущее»). Она является руководителем отдела исследований и стратегии Economist for Future International, занимается критической оценкой экономических дисциплин, а также выступает за изменение учебных программ в сети «Переосмысление Экономики». Кроме этого, Сонал работает в Индийском технологическом институте в Мумбаи, где участвует в создании инициативы «Новая политическая экономика». Ее исследования сосредоточены вокруг роли финансов в развитии, макроэкономической политики в развивающихся странах, структурных объяснений глобального неравенства и вопросов политической экономики развития и изменения климата.

Мы поговорили с Сонал Рагхуванши о том, что необходимо изменить в сегодняшней версии экономического образования, как действия студентов приводят к появлению программ обучения по вопросам климата и можно ли изучать экономику по блогам, видео и подкастам.

Вы один из ярких представителей движения студентов за изменение экономического образования в мире. Расскажите, пожалуйста, подробнее о движении Economists for Future и основных направлениях его деятельности. Как это связано с движением Rethinking Economics?

Economists for Future (E4F) — это международная инициатива. Ее основная цель — привлечь экономистов, которые могли бы оказывать влияние на принятие важных решений, помогли остановить чрезвычайную ситуацию на планете. Мы считаем, что сообщество экономистов становится мощной силой в ускорении неотложного перехода к справедливому постуглеродному миру.

События последних десятилетий совершенно ясно показали, что есть всеобщий консенсус относительно реальности изменения климата и необходимости скорейших глобальных действий по решению этой проблемы. Однако, как мы видим, те, кто способны повлиять на ситуацию, до сих пор не предпринимали необходимых действий.

Если говорить об экономике как академической дисциплине, то в среде экономистов происходило то же самое: ведущие экономические журналы не уделяли особого внимания климатическому кризису, а в существующей литературе не поднимались проблемы распределения ресурсов и справедливости. Экономисты редко высказывались по этому вопросу публично, а факультеты не включают эти вопросы в обязательную программу. Профессиональные

Sonal Raghuvanshi is one of the brightest representatives of the E4F movement. She leads Research and Strategy at the Economists for Future International, is a critical appraiser of economics discipline, and an advocate for curriculum change at the Rethinking Economics Network. Sonal also works at the Indian Institute of Technology Bombay, where she is involved in the creation of the New Political Economy Initiative. Her research has centered around the role of finance in development, macroeconomic policy in developing countries, structural explanations of global inequality, and political economy of development and climate change.

We talked to Sonal about what change is needed in today's version of economics education, how students' actions facilitate the development of climate education syllabi, and whether it is possible to learn economics from non-traditional academic sources.

You are one of the brightest representatives of the student movement to change economic education in the world. Please tell us more about Economists for Future and what its main activities are. How does it relate to the Rethinking Economics movement?

Economists for Future (E4F) is an international initiative, its main goal is to mobilize economists and use their influence to help arrest a planetary emergency. With a vision that the economics community becoming a powerful force in accelerating the urgent transformation to an equitable post-carbon world. Developments of the past few decades have shown quite clearly that while there some broad consensus that climate change is real, globally, we need to move quickly to be able to deal with the problem; there has also been a serious lack of action from those who are capable of taking action.

When it comes to economics as an academic discipline, it's the same for economists as it is for everyone else: top economics journals were paying little attention to the climate crisis, nor did the existing literature have any distribution and equity concerns embedded. Economists were rarely speaking out about the issue in public, and departments were not covering these questions in compulsory courses. The economics profession was (and in many ways is)

экономисты не справлялись (и во многом до сих пор не справляются) со своей социальной ролью: дисциплина, посвященная изучению экономики, просто не может позволить себе не участвовать в экономических преобразованиях, которых требует борьба с изменением климата.

E4F International возникла в результате объединения международной сети Rethinking Economics с движениями Fridays for Future и Scientists for Future. Основная команда E4F International невелика и тесно связана со студенческими и академическими движениями по всему миру. Среди наших основных задач — обоснование необходимости изменений с помощью целенаправленных исследований и анализа, а также проведение различных информационных кампаний, которые направлены на международные структуры, ответственные за развитие экономической дисциплины. Значительной частью нашей работы является отслеживание изменений в сфере обучения и помощь студентам в поиске дока-

failing to fulfill its social role: a discipline that dedicates itself to studying the economy simply cannot afford to avoid engaging in the economic transformation that climate science requires.

E4F International emerged out of Rethinking Economics' international network in solidarity with the Fridays for Future and Scientists for Future movements to further the demands for urgent action within the economics discipline in order to rupture some of the discipline-wide inertia. The core team behind E4F International is small and closely linked to the student and academic movement across the world. Our main activities include making a credible case for change through targeted research and analysis, in addition to running various advocacy campaigns focused on the international power structures within the discipline. A large part of our work includes tracking the changes happening at the knowledge production end of

Современная экономика — образовательные программы, производство знаний и практика — нуждается в диверсификации методов, теорий, эпистемологии и методологии.

зательств необходимости изменения учебной программы. Также мы поддерживаем педагогов, преподавателей и популяризаторов науки в удовлетворении этих требований при разработке курсов и планов занятий. Немецкое отделение нашего движения ведет ресурс на немецком языке, где аккумулирует критические и конструктивные идеи для развития экономики и экономической науки, в соответствии с требованиями будущего.

В чем заключаются ключевые проблемы экономического образования на сегодняшний день?

В первую очередь следует отметить, что проблемы экономического образования в значительной степени являются симптомом состояния экономической дисциплины, а она — одна из наиболее монолитных областей социальных наук. Более десяти лет недовольство внутри сообщества экономистов учитывалось при помощи подхода постепенного внесения изменений. Однако сейчас мы сталкиваемся с необходимостью серьезного и тщательно продуманного вмешательства в сам способ преподавания экономики, с укреплением связи между теорией и практикой. Если говорить кратко, современная экономика — образовательные программы, производство знаний и практика — нуждается в диверсификации методов, теорий, эпистемологии и методологии.

The education, knowledge production and praxis of contemporary economics lacks diversity — of methods, theories, epistemology and methodology.

the discipline and supporting university students to make a case for curriculum change and to help pedagogues, instructors and popular educators to create courses and lesson plans to address such demands. We also have a vibrant German community which run a German-language platform that generates critical and constructive impulses for the development of a future fit economy and economic science.

What are the key problems in economics education today?

I have to say right from the start that the problems with economics education are very much symptomatic of the state of the economics discipline as one of the most monolithic fields within the social sciences. For over a decade, dissatisfaction within the ranks of economics has been met with an incrementalist approach, whereas now we are at a juncture where there is a need for serious and well-thought intervention in the way we are taught economics and this has to be cogently linked to its praxis. To put it briefly, the education, knowledge production and praxis of contemporary economics lacks diversity — diversity of methods, theories, epistemology, and methodology.

Доминирование неоклассической теории серьезно ограничивает возможности учебной программы в решении таких ключевых проблем современности, как климатический кризис, социальное и экономическое неравенство, финансовая нестабильность, неоплачиваемый труд, вопросы распределения, справедливости и этики. В конечном итоге это приводит к сильному упрощению реальной ситуации, потому что неоклассическое понимание экономики основано на индивидуализме, оптимизации и равновесии. Мы видим проявления этого во множестве аспектов: от чрезмерного оптимизма в отношении работы финансовых рынков до неуместных аргументов в пользу жесткой экономии бюджетных средств или отказа признавать взаимосвязь между человеком и природой, которая лежит в основе материального производства, относя её к категории «внешних эффектов».

Какие еще проблемы экономического образования вы могли бы выделить?

Еще одной ключевой проблемой является идеализированный и чересчур упрощенный исторический нарратив, который проникает в учебные программы. К примеру, существующие учебные планы игнорируют роль угнетения, насилия, власти и глубоко укорененного структурного неравенства в истории развития экономики. Такая же проблема и в представленности в учебной программе истории глобализации, гендерных вопросов и контроля за рождаемостью, которые являются центральными аспектами экономической организации. Сюда же можно отнести отражение роли колониализма, кастовых структур или присвоения земель как фундамента современной экономики. Все это ограничивает способность студентов размышлять о том, каким образом экономика должна быть реструктурирована.

Третья проблема — это наличие в нашей профессии структурных барьеров, которые носят гендерный, этнический, кастовый, классовый и географический характер. Четвертое, и, вероятно, самое важное для E4F заключается в том, что экономическое образование, основанное на неоклассической экономике (включая ресурсную экономику и экономику окружающей среды) не способно справиться с климатическим кризисом и, что более важно, с коренными причинами социальных и экологических кризисов, с которыми мир сталкивается сегодня. Одна из причин — отсутствие системного мышления в процессе преподавания и реализации экономической политики, что делает студентов совершенно неспособными добраться до сути проблемы и найти трансформационные решения для её устранения. Этому также способствует отсутствие в экономическом образовании междисциплинарности и критический плюрализм, как в теории, так и в методологии.

Economists for Future — это глобальное движение. Существуют ли различия между странами в том, что и как преподается студентам экономических специальностей? На чем основаны эти отличия?

Конечно, существуют фундаментальные различия, обусловленные историей этих стран и влиянием ключевых тенденций. Все это

If one were to elaborate on a few of these issues, the dominance of neoclassical theory is what severely limits the curriculum's ability to address key issues of our time like the climate crisis, social and economic inequality, financial instability, unpaid work, issues of distribution, equity and ethics among other things. This ultimately leads to an incongruous oversimplification of the real-world situation, because the neoclassical understanding of the economy is itself based on individualism, optimization, and equilibrium: from being over-optimistic about how financial markets work to misplaced arguments in favor of fiscal austerity or dismissing as 'externalities' the critical relationships between humans and nature that form the basis of material production, etc.

What other problems of economic education could you highlight?

Another key issue is the idealized and overly simplistic historical narrative that is pervasive in the curriculum. For example, the current syllabi stay ignorant of the role of oppression, violence, power and embedded structural inequalities in historical economic development. This in turn categorically restricts the student's ability to contemplate how the modern economies should be restructured. The same is true about the story of globalization, gender and reproductive control as being central to economic organization, or the role of colonialism, caste-based structures, or land appropriation as the foundation of modern economies.

The third issue is the existence of the structural barriers to access faced within the profession with respect to gender, ethnicity, caste, class, and geographic location. The fourth, and probably the most concerning for E4F, is that economics education, rooted in neoclassical economics (including resource and environmental economics), is incapable of confronting the climate crisis and for that matter, the root causes of the intertwined social and ecological crises the world is facing today. This is particularly due to the lack of a biophysical foundation and systems mindset during the teaching and implementation of economic policies that leaves students completely incapable of getting to the roots of the problems and finding transformational solutions to address them. This also relates to the lack of interdisciplinarity in economics education and critical pluralism, of the theoretical and methodological kind.

Economists for Future is a global movement. Are there any differences between countries in respect of what economics students are taught and the way they are taught? What is the basis of these differences?

Of course, there are differences and the fundamental ones are a result of the history of those societies and the influences of dominant trends that have contributed to both the content development and pedagogical tools embraced by various departments. Other factors, such

отражается на содержании программы, принятых педагогических инструментах. А неоднородность общих требований, которые предъявляют регуляторы высшего образования конкретных стран, и правила, которые устанавливают университеты, разные структуры степеней, методология оценки и содержание программ высшего образования только усугубляют эти различия. Мы видим расхождение даже между университетами внутри одной страны — это одновременно и усложняет работу по созданию единого поля, и, в то же время, делает ее более глубокой.

Кто на данный момент является лидером в среде образовательных инноваций?

С точки зрения прогресса, очевидных «пионеров» не существует по определению, поскольку требования к изменению учебных планов по своей сути направлены на фундаментальные преобразования или, скорее, сдвиги в общей парадигме. А чтобы такие изменения произошли, они должны включать в себя процесс или несколько процессов положительной обратной связи, которые запускают дальнейшие этапы изменений, превосходящих первоначальные.

Однако определенно стоит упомянуть несколько успешных кампаний. Например, недавний протест студентов Университета Барселоны «End Fossil» привел к введению обязательного курса по климатическому кризису с 2024 года, а также программы климатического образования для 6000 преподавателей. Не стоит также забывать, что некоторые учебные заведения во всем мире очень серьезно относятся к изучению климатических изменений в своих программах бакалавриата, магистратуры и докторантуры и предоставляют своим студентам очень хорошее образование. Главная задача заключается в том, чтобы донести идею о необходимости и срочности таких преобразований до каждого.

Идеал в области экономического образования — какой он? В чем его ключевые отличия от экономического образования сегодняшнего дня?

Позиция E4F заключается в том, что экономическое образование должно быть направлено на благо людей и планеты, и для этого оно должно отражать реальный мир, быть критическим и демократичным. Каждый из этих критериев был определен несколькими нашими союзными организациями.

Сам процесс создания идеального экономического образования должен быть не только совместным, но и контекстуальным, и ему необходимо уделить достаточно времени. Цитируя Эрика Олину Райта, можно сказать, что это стремление носит **освободительный, социальный и научный характер**¹. Сегодня мы далеки от идеала, и это существенно ограничивает наше воображение и потенциал для преобразований.

as heterogeneity of the general requirements posed by country-specific higher education regulators, requirements imposed by various universities/departments/centers, nomenclature of the degree, evaluation methodology structure, content of the degree (syllabus) program, to name a few, add up to these differences. We also see differences among universities within a country and that is what makes the task or even the landscaping efforts both challenging and profound.

Who has made greater progress than the others and is now pioneering the innovation?

In terms of progress, there cannot be any obvious 'pioneers' by definition, because demands for curriculum change are fundamentally gearing towards transformational or rather paradigm shifts. And for transformational change to occur, it usually involves some kind of positive feedback process (or multiple feedback processes) that triggers further rounds of effects that are greater than the original change. But there are definitely some great campaigns that have triggered changes in this direction. For example, the recent End Fossil protest by students at the University of Barcelona resulted in the introduction of a mandatory course on the climate crisis from 2024 onwards, alongside a training program on climate issues for its 6,000 academic staff, after the establishment agreed to meet the demands of activists conducting a sit-in occupation. Not to mention the fact that some institutions across the world are taking this demand very seriously across their undergraduate, masters and PhD programs and are providing very good education to their students. But the key is that the consciousness or rather the urgency for this kind of transformation needs to be taken far and wide in a consistent manner.

What would you call the ideal economic education? What are the key differences from the way economics are taught today?

While this is far from ideal, for E4F, economics education must be geared towards people and the planet, and for that to happen, it needs to be capturing the real world, and it must be critical and democratic. Each of these criteria have been defined quite well by several of our allied organizations. The process of defining an ideal economics education has to be contextual as much as collaborative, and it requires a time of its own. To borrow from Eric Olin Wright, the endeavor is **emancipatory, social and scientific**¹. But to summarize it, we are far from the ideal today, and that places significant limitations on our imagination and transformative potential.

What steps do you think are needed to start teaching economics in a way that truly creates positive social change?

I feel addressing some of the key problems that I mentioned in my responses above would be a good place to start. But it is not as simple as an

¹ Wright, E. O. (2010). *Envisioning real utopias*. London: Verso.

Какие шаги, на ваш взгляд, необходимы для перехода к такому преподаванию экономики, которое бы действительно способствовало созданию позитивных общественных изменений?

Я считаю, что для начала было бы неплохо найти решение некоторых уже упомянутых ключевых проблем. Но преподаватель не может просто в один прекрасный день решить преподавать по-новому и изменить курс экономического образования, потому что на него действуют институциональные ограничения, не говоря уже о необходимости развития внутренних компетенций у самих преподавателей. Но когда мы думаем о шагах, необходимых для преподавания экономики, следует также учесть реформу учебной программы и реформу образования в целом.

Преподаватели должны иметь полное представление о содержании списков литературы для чтения и рекомендаций по учебникам, обеспечивая плюрализм теорий, подходов, методов и идентичности. Они также должны быть осведомлены о таких темах и проблемах, как неформальная экономика на Глобальном Юге или неоплачиваемый труд, ухудшение состояния окружающей среды, климатический кризис, гендерное неравенство. Эти темы нужно обсуждать, несмотря на повсеместное игнорирование. Необходимо показать студентам, что существуют конкурирующие и альтернативные экономические теории, и объяснить, что приверженность любой теории определяет точку зрения человека на экономические процессы. Найти достойные источники информации непросто, но можно порекомендовать Heterodox Economics Newsletter, Exploring Economics, Economy Studies, D-Econ, сайт I-peel.org, REIN Pluralist Database, E4F. Существуют также различные неакадемические организации, весьма преуспевшие в этих вопросах — они могут быть хорошим ресурсом для преподавателей.

Можно ли изучать экономику без учебника?

Не стоит ограничиваться одним учебником. Мотивируйте студентов изучать экономику не только по книгам и статьям, но и по блогам, видео, подкастам, публикациям в соцсетях и публичным дебатам. Необходимо, чтобы студенты развивали ораторские и социальные навыки, для этого важно организовывать групповую работу, что позволит им научиться убедительно и открыто доносить сложные экономические концепции до широкой общественности. Кроме того, преподаватели должны вдохновлять студентов на взаимодействие с местными общественными движениями и сообществами вне университета.

Главная цель E4F состоит в том, чтобы студенты-экономисты с самого начала учились смотреть на экономику через призму чрезвычайной ситуации на планете. Все обучающие программы по экономике должны включать в себя четкое осознание планетарных границ, а также понимание экологических кризисов в целом и климатического кризиса в частности.

educator deciding to teach differently one fine day and changing the course of economics education, because the very same structures of dominance apply in this case too, not to mention the internal capacity-building that the educators themselves have to undergo. But when we think of the steps needed to teach economics, one must also think about curriculum reform and pedagogic reform, too.

At the curriculum level, the instructors need to have a good sense of the content of their reading lists and textbook recommendations, making sure that there is a pluralism of theories, perspectives, methods and identities. The instructors also need to be cognizant of the topics and issues taught in the classroom — from making sure that marginalized issues (like informal economy in the Global South or unpaid work, etc.) to urgent societal issues (like environmental breakdown, climate crisis, gender inequities, etc.) are discussed in all their richness. While there are several nuances associated with this aspect alone, the key here is to be explicit in showing the students that there are competing and alternative ways of knowing, and how following any theory affects one's point of view on the economy. It is not easy to find resources in the form of neatly packaged textbooks and supplementary materials. There is still quite a lot around, to name a few: Heterodox Economics Newsletter, Exploring Economics, Economy Studies, D-Econ, the I-peel.org website, REIN Pluralist Database, E4F. There are also various heterodox departments that are doing their job quite well, and can be a helpful resource for educators.

Is it possible to study economics without a textbook?

When it comes to pedagogy, avoid using one textbook alone and encourage students to learn about the economy beyond books and articles, also explore blogs, videos, podcasts, tweets and debates. When it comes to assessments, it is vital that the students develop clear and coherent writing skills, but they also must be motivated to develop their verbal and social skills through group work and by giving them an opportunity to learn to better communicate complex economic concepts in a compelling and honest way to the general public. It is also important for the teachers to encourage students to engage with local social movements and groups outside the university. This is definitely not all but these are a few suggestions that a number of like-minded collectives have put forth in various forums.

Moreover, at E4F, it is our major goal that economics students are trained to study the economy through the lens of the planetary emergency from the outset. Economics departments (and to the extent possible, instructors) must design their curricula to include the biophysical dependencies of economic activity as a key component. In other words, the ecological crises in general and the climate crisis in particular should be addressed across economics courses with clear recognition of the planetary boundaries.

Среди актуальных на сегодняшний день подходов часто выделяют прикладное проектное обучение. Способно ли внедрение такого подхода в преподавание экономики значительно изменить ситуацию?

Да, в сочетании с различными другими методами оно может стать отличным педагогическим инструментом. Особенно когда речь идет о взаимодействии с реальным миром и обучении студентов навыкам ориентироваться в политических проблемах нашего сложного, но хрупкого мира. Прикладное проектное обучение может стать инновацией как для обучения, так и для оценки. Но, опять же, это лишь один из множества инструментов. Суть проблемы заключается в необходимости радикальной трансформации доминирующего канона в образовании в части содержания обучения.

Какой должна стать экономика будущего?

Это весьма сложный вопрос. Я думаю, нас больше должно волновать то, где мы находимся сейчас, а то, где мы будем в будущем, зависит от того, насколько быстро мы изменим наш образ действий как общества и проведем радикальные структурные преобразования с целью построения более равноправного и справедливого мира. Отчасти это вопрос изменений национальной политической экономики, а отчасти — вопрос глобальной архитектуры, активно способствующей реализации прогрессивных целей. До будущего еще далеко. Но мы смотрим туда с надеждой, уверенные, что это не пустая фантазия.

Если говорить в целом, что экономисты могут сделать для будущего?

Парфразируя видение E4F, можно сказать, что в будущем экономическое сообщество должно стать движущей силой на пути к справедливому постуглеродному миру. И в этом процессе экономисты несут ответственность перед обществом за представление точной и научно обоснованной информации о том, как изменение климата и экологические кризисы влияют на нашу экономику. На их плечи также ложится подготовка рекомендаций ключевым заинтересованным сторонам относительно того, что можно сделать, чтобы предотвратить пагубные последствия этих изменений.

Чтобы строить будущее, экономисты должны представить обществу достоверный анализ того, что не так с устройством нашей экономики сегодня. Мы в E4F считаем, что добиваться изменений в профессии экономиста — это средство достижения цели: средство заставить экономику работать с учетом биофизических ограничений планеты.

Мы понимаем, что экономика не изменится сама по себе, без постоянной и бескомпромиссной борьбы, поэтому наша задача как экономистов — организовать и постараться нарушить существующий статус-кво, отвечая на требования активистов и гражданских сообществ, под лозунгом профсоюзов: «Силы для победы — в сообществе»².

Applied project-based learning is often singled out as one of the most relevant approaches for today. Do you think introducing this approach to teaching economics will make a significant change?

Yes, combined with various other methods, it can be a great pedagogical tool, especially when it comes to real-world engagement and teaching students to navigate the policy challenges of a complex but fragile world. It can be an innovative tool both for training and assessment purposes. But again, it is but one of many tools. The crux of the matter lies in targeting the content (curriculum) taught in the classrooms that needs to radically shift from the dominant canon.

What do you think the economy of the future should be like?

That is a difficult question indeed. Contemporary arrangements should worry us more than anything else and I think where we are in the future depends on how quickly we change our modus-operandi as a society and undergo radical structural transformation to become more equitable and fair. It is partly a question of changes in the national political economy and partly a question of the global architecture that actively facilitates the realization of progressive goals. The future is another place a long way away. It is a place we hope to get to, definitely not a pipe-dream.

Generally speaking, what can economists do for the future?

To paraphrase E4F's vision, in the future, the economics community should become a powerful force in accelerating the urgent transformation to an equitable post-carbon world. And to do so economists bear a social responsibility to present to society accurate and scientifically justified knowledge about how the climate crisis and ecological crises affect our economies, and produce recommendations to key stakeholders as to what can be done to prevent the harmful impacts of these changes.

To build for tomorrow, economists need to present a credible analysis of what is wrong with the way our economies are structured today. We at E4F believe that pushing for change within the economics profession is a means to an end: a means to making the economy operate within the planet's biophysical limits.

We also recognize that the discipline will not change on its own, without sustained and fierce campaigning, so, as economists, it is our job to get organized and try to disrupt the status quo in the discipline — imbibing the urgency shown by the activists and civil society organizations, as well as the ethos of trade unions, i.e. that 'the power to win is in the community'².

² McAlevey, J. (2016). *No shortcuts: Organizing for power in the new gilded age*. Oxford University Press.

(Не)равенство в прошлом и будущем.

Взгляд авторов «самых влиятельных книг по экономической истории нового тысячелетия»

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-51-39-48

(In)equality in the Past and in the Future

A View by the Authors of “the Most Influential Books on Economic History in the New Millennium”

Парижская школа экономики и Высшая школа социальных наук Парижа организовали в мае 2023 года круглый стол с обсуждением книг «Великое расхождение» Кеннета Померанца и «Капитал в XXI веке» Томы Пикетти. По мнению организаторов дискуссии, это две наиболее влиятельные книги по экономической истории нового тысячелетия, которые предлагают взаимодополняющие точки зрения, делая акцент на национальной экономической дифференциации и социальном

The Paris School of Economics and the École des Hautes Études en Sciences Sociales organized a roundtable in May 2023 to discuss the books *The Great Divergence* by Kenneth Pomeranz and *Capital in the Twenty-First Century* by Thomas Piketty. According to the organizers of the discussion, these are two of the most influential books on economic history of the new millennium, offering complementary perspectives with a focus on national economic differentiation and

неравенстве. Представляем аналитический обзор состоявшейся дискуссии от непосредственного участника этой встречи — Ивана Смекалина.

social inequality. We present an analytical overview of the discussion by a participant of that meeting — Ivan Smekalin.

Иван Смекалин

Аналитик Фабрики позитивных изменений,
магистрант Высшей школы социальных наук
(Париж)

Ivan Smekalin

Analyst, Positive Changes Factory, master's student
at the École des Hautes Études en Sciences Sociales
(Paris)

Разговор об экономике будущего может вестись в аналитическом или нормативном ключе. Иными словами, существует позиция исследователя, который рассказывает о том, какой может стать экономика в будущем на основании анализа текущей ситуации и исторического опыта. Так же существует позиция идеолога, который описывает, какой должна стать экономика. Эти две позиции объединяются в разговоре о социальном неравенстве, который не прекращается с XIX века. Выход новых книг, посвященных этой теме, всегда сопровождается оживлёнными дискуссиями¹. Обзор одних таких дебатов исследователей приводится в настоящей статье.

We can talk about the economy of the future from an analytical or regulatory viewpoint. In other words, from the position of a researcher, who shares his vision of what the economy might become in the future based on an analysis of the current situation and historical experience. Or we can look at it from the position of a visionary who describes what the economy should become. These two positions come together in a discussion of social inequality that has not disappeared since the nineteenth century. New books being published on the subject are always accompanied by lively discussions¹. One such scholarly debate is presented in this article.

СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Тома Пикетти, профессор экономики Высшей школы социальных наук и Парижской школы экономики, выступил с докладом «Социальное равенство и экономическое развитие. Размышления о Великом расхождении и долгосрочном тренде в сторону равенства и благополучия». Великое расхождение — это термин, которым Кеннет Померанц обозначает явление в институциональном устройстве Запада и Востока после XIX века (разницу в темпах развития стран), что предопределило их расхождение в экономическом развитии.

Главный тезис Пикетти состоит в том, что общество в долгосрочном периоде движется к большему социальному равенству. Этот тезис исследователь развивает в своих книгах о неравенстве во Франции, капитале в XXI веке, но более кратко и чётко формулирует позицию в своей последней книге 2022 года (Piketty, 2022).

Другой участник дискуссии — профессор истории Чикагского университета Кеннет Померанц — пишет в своей книге о том, что крайнее неравенство, рабство и колониальная доминация играли центральную роль в подъёме Европы и промышленной революции (Pomeranz, 2000). Например, 75% хлопка, использованного

SOCIAL EQUALITY AND ECONOMIC DEVELOPMENT

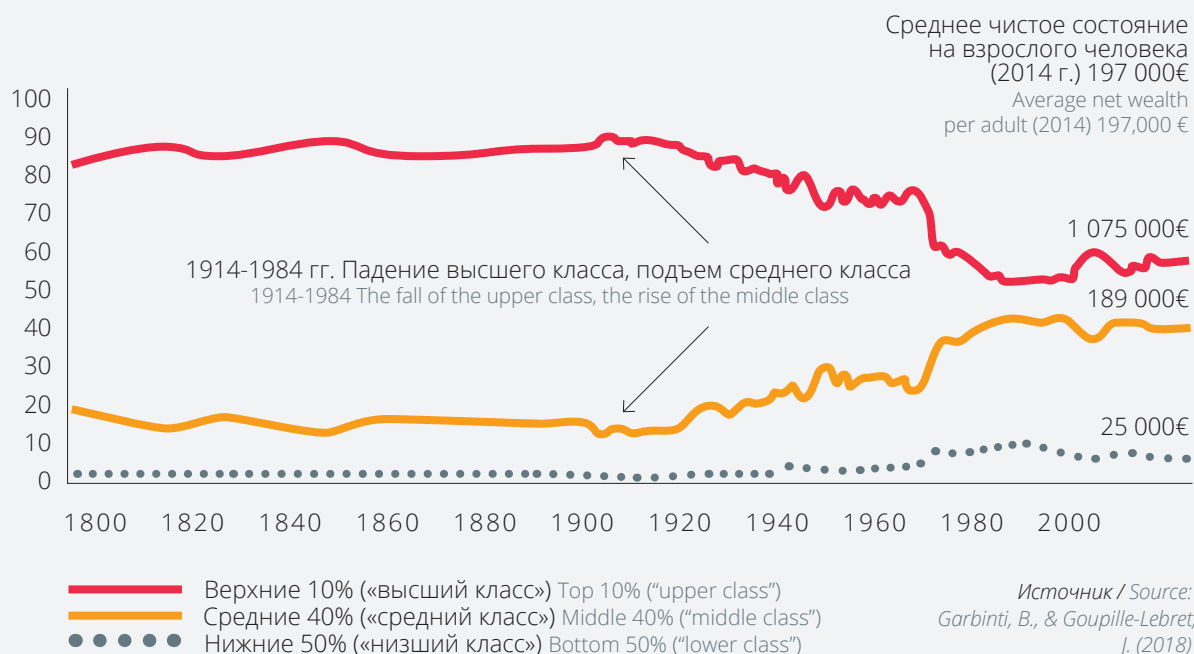
Thomas Piketty, professor of economics at the École des Hautes Études en Sciences Sociales and the Paris School of Economics, presented a report titled “Social Equality and Economic Development. Reflections on The Great Divergence and the Long-Term Trend toward Equality and Welfare.” The Great Divergence is Kenneth Pomeranz’s term for a phenomenon in the institutional arrangements of the West and the East after the nineteenth century (difference in the development pace between different countries), which predetermined their divergence in economic development.

Piketty’s main thesis is that society tends to move toward greater social equality in the long run. He develops this idea in his books on inequality in France, capital in the twenty-first century, but the most clear and concise definition is given in his latest book published in 2022 (Piketty, 2022).

Another panelist, Kenneth Pomeranz, professor of history at the University of Chicago, writes in his book that extreme inequality, slavery, and colonial domination were central to the rise of Europe and the Industrial Revolution

¹ École d’Économie de Paris — Paris School of Economics. (2023). Roundtable: “The great divergence vs social inequalities?” May 16. Retrieved from: <https://www.parisschoolofeconomics.eu/en/news/roundtable-the-great-divergence-vs-social-inequalities/>. (accessed 29.05.2023).

Рисунок 1. Концентрация богатства во Франции 1800-2018 гг.
Figure 1. Concentration of Wealth in France 1800-2018

в европейской текстильной промышленности, было добыто американскими рабами на плантациях. Ключевая роль принадлежала экологическим, а не монетарным ограничениям. Учёт экологических факторов лучше подходит для исследования долгосрочного развития, поскольку позволяет не опираться на относительные цены, что приводит к ошибочным вычислениям. Так, быстрое обезлесение в Старом свете было компенсировано колониальными захватами новых земель.

Однако, как говорит Пикетти, то, что развитие основано на расхождении институтов не означает, что крайнее неравенство было необходимо для развития в Новое время (XVIII-XIX вв.). Иными словами, развитие необязательно приводит к большему социальному неравенству. Вдобавок, более эгалитарная² глобализация (а колонизация Нового времени рассматривается как один из начальных этапов глобализации) могла бы предоставить более быстрое и устойчивое развитие с более справедливым режимом труда и менее иерархическими международными отношениями, которые бы не включали рабство и колониализм.

На уровне внутренней политики XX век продемонстрировал долгосрочную эволюцию к большему общественному равенству и достатку посредством подъёма социального государства, демократизации образования и прогрессивному налогообложению. «Это может и должно быть продолжено в XXI веке», — заключает Пикетти.

(Pomeranz, 2000). For example, 75% of all cotton used in Europe's textile industry was produced by slaves on the plantations in the US. Environmental, not monetary, constraints played a key role. Consideration of environmental factors is better suited to the study of long-term development, since it does not rely on relative prices, which leads to erroneous calculations. Thus, rapid deforestation in the Old World was offset by colonial conquests of new lands.

However, as Piketty says, just because development is based on institutional divergence does not mean that extreme inequality was necessary for the development in the New Age (18th and 19th centuries). In other words, development does not necessarily lead to greater social inequality. In addition, a more egalitarian² globalization process (and New Age colonization is seen as an initial stage of globalization) could support a faster and more sustainable development with a more equitable labor regime and less hierarchy in international relations that would not include slavery and colonialism.

At the domestic policy level, the twentieth century demonstrated a long-term evolution toward greater social equality and prosperity through the rise of the social state, democratization of education, and progressive taxation. "This can and should be continued into the twenty-first century," Piketty concludes.

² Эгалитарный — т. е. основанный на принципе равенства.

² Egalitarian — that is, based on the principle of equality.

Т. Пикетти обращается к одному из примеров из его предыдущих книг (Piketty, 2001) о неравенстве во Франции. Распределение доходов в этой стране в 1800-2000 гг. претерпело значительные изменения (Рисунок 1). Доля доходов верхних 10% населения сократилась за последние два века с половины до трети от общего национального богатства. При этом, важнее то, что средняя прослойка (40% населения) стала владеть 40% от совокупных личных доходов, то есть их доля в структуре собственности увеличилась в два раза. Низший социальный класс стал владеть не 0% богатств, а около 10% — «они не стали олигархами, но они поднялись на тот уровень, когда они могут строить планы на будущее и быть более независимыми»³.

Возможно, одна из главных причин таких изменений — это «взлёт» социального государства. Социальное государство — более широкая трактовка, чем государство всеобщего благосостояния, поскольку в нём делается акцент на образовании, пенсиях, системе здравоохранения и социальной поддержке семей,

Piketty refers to an example from his earlier books (Piketty, 2001) about inequality in France. The income distribution in this country changed significantly between 1800 and 2000 (Figure 1). The income share of the top 10 percent of the population has declined over the past two centuries, from half to one-third of the total national wealth. More importantly, the middle class (40% of the population) got to own 40% of total personal income, that is, their share in the ownership structure doubled. The lower class went up from owning 0% of the wealth to about 10% — “they did not become oligarchs, but they rose to the level where they could make plans for the future and be more independent”³.

Probably one of the greatest reasons for this change is the rise of the social state. The social state is a broader interpretation than the welfare state, because it emphasizes education, pensions, healthcare and social support for families, the

На уровне внутренней политики XX век продемонстрировал долгосрочную эволюцию к большему общественному равенству и достатку. Это может и должно быть продолжено в XXI веке.

At the domestic policy level, the XX century demonstrated a long-term evolution toward greater social equality and prosperity. This can and should be continued into the XXI century.

безработных и пр. Уже в 1950-х начался тренд на увеличение социальных расходов государства.

Пикетти отмечает сокращение роста расходов на образование, и это становится преградой к дальнейшему расширению равенства. Неравенство образовательных возможностей существует не только во внутристрановом контексте, но и между странами. Так, во Французском Алжире (существовал в 1830—1962 годах) французские поселенцы присваивали 82% от всех расходов на образование. Это приводило к ситуации, когда лучшие образовательные инвестиции получали 10% населения. Для сравнения, в современной Франции, топ 10% населения по доходам получают 20% всех расходов на образование.

Другим основополагающим фактором социального равенства для Пикетти становится прогрессивное налогообложение. До эпохи неолиберальной стабилизации в конце 80-х — начале 90-х XX века в мире расширялось использование прогрессивного налогообложения: налоги для богатых росли в Европе на всём протяжении послевоенной истории.

unemployed, etc. The trend for increased social spending by the state started as early as in the 1950s.

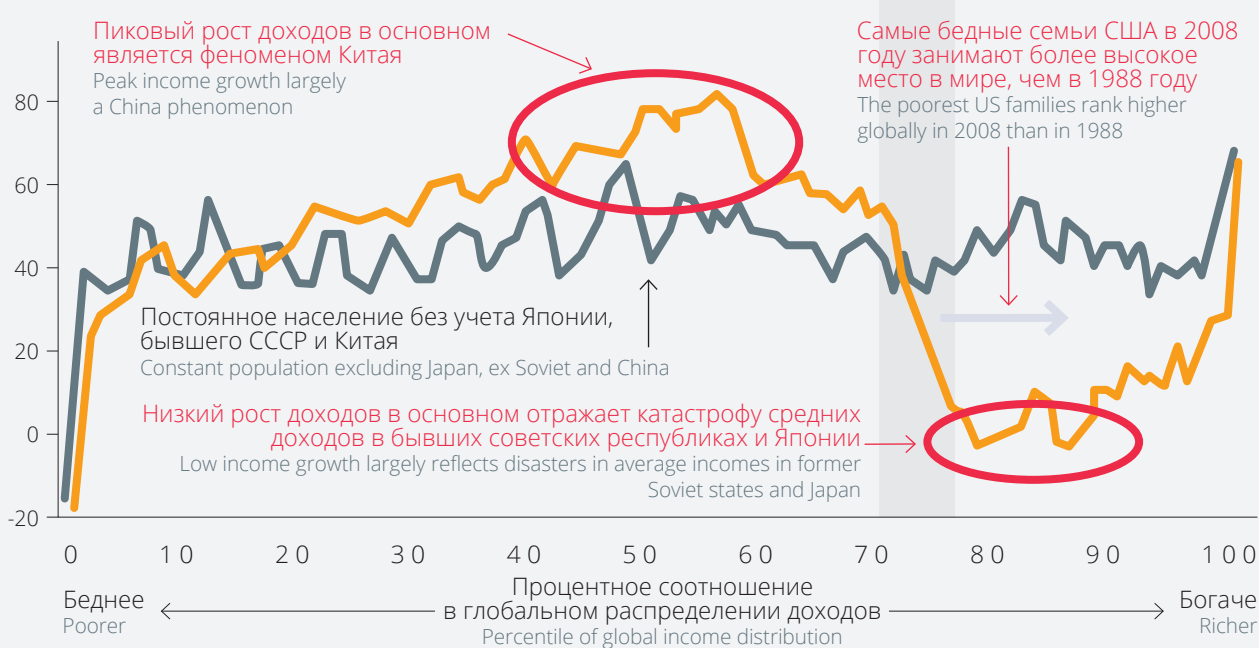
Piketty notes the decline in the growth of education spending, which becomes a barrier to the further expansion of equality. Inequality of educational opportunities exists not only within the national context but also between countries. For example, in French Algeria (which existed from 1830 to 1962) French settlers appropriated 82% of all educational expenditures. This led to a situation where the best educational investments went to just 10% of the population. By comparison, in today's France, the top 10% of the population by income receive 20% of all educational expenditures.

Progressive taxation becomes another fundamental factor of social equality for Piketty. Prior to the advent of neoliberal stabilization era in the late 1980s and early 1990s, the use of progressive taxation expanded worldwide: taxes on the rich were rising in Europe throughout postwar history.

³ Здесь и далее в кавычках приведены цитаты спикеров указанной встречи, если иное не указано в ссылке.

³ The quotes hereinafter are from the speakers at the meeting, unless otherwise noted in the link.

Рисунок 2. **Воспроизведение «графика слона».** Рост среднедушевого дохода домохозяйств, 1988–2008 гг. (%)
Figure 2. **Replication of the 'elephant curve'.** Growth in average per capita household income, 1988–2008 (%)

Источник / Source: Giles & Donnan (2016)

ИСТОРИЯ (НЕ)РАВЕНСТВА И ВЕЛИКИХ РАСХОЖДЕНИЙ

Кеннет Померанц выступил с докладом «Размышления об истории (не)равенства и великих расхождений». Эксперт говорил о межстрановых и внутристрановых различиях, роли политических институтов, в частности китайских авторитарных институтах развития. Примечательно, что Пикетти говорит про западный опыт, в то время как Померанц фокусируется на Востоке.

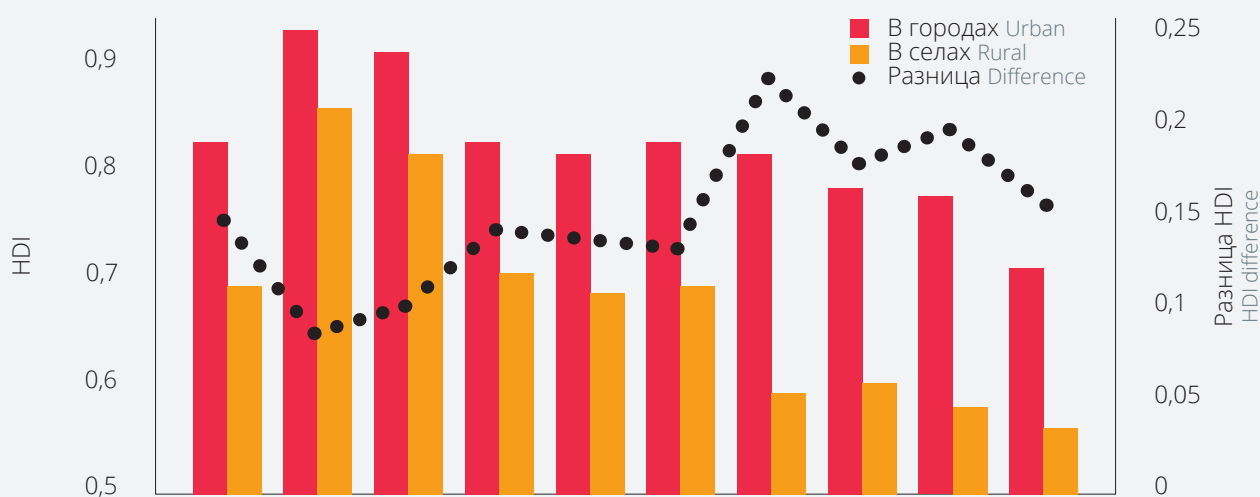
Померанц утверждает, что до начала колонизации и глобализации уровни неравенства на Западе и Востоке были сравнимы по своему масштабу. Влияние межстрановых различий в политическом контексте состоит в том, что необходимость увеличения военного бюджета из-за враждебной международной обстановки снижает возможности для социальных расходов. Сравнивая эту позицию с выступлением Пикетти, можно заметить, что рост расходов на социальную сферу в послевоенное время сопровождался созданием военно-политических альянсов на Западе и сопутствующим сокращением расходов на армию. Это позволило западноевропейским странам сократить расходы на армию и увеличить расходы на социальную сферу. В то же время в Азии не было стратегической стабильности, то есть велись вооружённые конфликты, заставлявшие увеличивать расходы на оборону. Как отмечает Померанц, экономические испытания в Азии в XIX–XX веках были несравнимы с ценой необходимости бороться за свою независимость от европейцев. Поэтому социальное государство в этой части света появилось значительно позже.

A HISTORY OF (IN)EQUALITY AND GREAT DIVERGENCES

Kenneth Pomeranz presented a report “Reflections on the History of (Non)Equality and the Great Divergences.” The expert talked about the differences between countries and within countries, the role of political institutions, particularly China’s authoritarian development institutions. Remarkably, Piketty presents the Western experience, while Pomeranz focuses on the East.

Pomeranz argues that before colonization and globalization, levels of inequality in the West and the East were comparable in scale. The external political context also affected the difference, as the need to increase the military spending because of a hostile international environment reduces the scope for social expenditures. Comparing this position with Piketty’s speech, one can see that the growth of social expenditures in the postwar period was accompanied by the creation of military and political alliances in the West, with the associated reduction in military spending. This allowed the countries of Western Europe to cut military spending and increase social expenditures. Meanwhile, Asia was the region of strategic instability, where armed conflicts were forcing increased defense spending. As Pomeranz notes, the economic hardships in Asia in the 19th and 20th centuries were incomparable to Europeans’ cost of fighting for independence. Therefore, the social state in this part of the world emerged much later.

Рисунок 3. **Индекс человеческого развития в сельских и городских районах Китая**
Figure 3. **Human Development Index in Rural and Urban China**

Источник / Source:
Nettleton, Napolitano,
& Stephens (2007)

Если рассмотреть динамику доходов населения Земли 1988-2008 гг. на «графике слона»⁴ (Рисунок 2), то окажется, что беднейшие слои оказываются заперты в своем положении во всех контекстах: и в страновом, и в глобальном. Померанц отдельно обсуждает вклад таких стран как Китай, Россия и Япония в кривую «слона». Доходы среднего сегмента возросли — в первую очередь за счет построения общества средней зажиточности в КНР. Китай за последние 30 лет внёс вклад в сокращение глобального неравенства и увеличил доходы среднего класса. В то время как Россия и Япония внесли вклад в форму графика в той его части, где у верхушки среднего класса сокращаются доходы. Распад СССР привёл к «катастрофе в доходах населения» постсоветских государств. Все эти тенденции, судя по графику, наблюдаются на фоне возрастающего благосостояния глобальных элит.

Когда идёт речь о росте доходов населения в стране, нужно сделать несколько оговорок, что это, в первую очередь, рост доходов среднего и высшего класса. Более того, границы между классами основаны не только на экономических причинах, но опосредованы социальными и культурными причинами. Поэтому по мере развития и роста доходов наблюдается рост неравенства и социальной эксклюзии, т.е. исключения отдельных социальных групп из социальных институтов.

Так, если вместе с Померанцем посмотреть на индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) в КНР (Рисунок 3), то

If we examine the income dynamics of the world's population from 1988 to 2008 on the Elephant Curve⁴ (Figure 2), we find that the poorest people are locked in their position in all contexts: both domestic and global. Pomeranz separately discusses the contributions of such countries as China, Russia, and Japan to the Elephant Curve. Middle-class income increased, primarily due to the construction of a middle-income society in China. Over the past 30 years, China has contributed greatly to reducing global inequality and increasing middle-class incomes. At the same time, Russia and Japan also contributed to the curve in the part where the upper middle class had declining incomes. The collapse of the Soviet Union caused an "income catastrophe" in the post-Soviet states. Judging by the curve, these trends can be seen against the backdrop of the increasing wealth of the global elites.

When we talk about the growth of income in a country, we need to make a reservation that it is primarily the growth of the middle- and upper-class income. Moreover, class boundaries are not based on economic reasons alone, but are mediated by social and cultural reasons. Therefore, as the economy develops and income increases, so does inequality and social exclusion, that is, the exclusion of certain social groups from social institutions.

⁴ Giles, C., & Donnan, S. Globalisation 'not to blame' for income woes, study says. 13.09.2016. Financial Times. Retrieved from: <https://www.ft.com/content/93f2d4ba-7901-11e6-97ae-647294649b28>. (accessed 24.05.2023).

разрыв между городскими и сельскими местностями будет очевиден. Более того, чем дальше провинция от торговых путей, тем сильнее разрыв между городом и деревней, тем ниже показатели индекса развития человеческого потенциала. Так, наиболее высокие показатели индекса в среднем — в Шанхае, и там же ниже разрыв между городом и деревней. В Тибете, который далёк от моря и торговых путей, ИРЧП в городах находится на уровне шанхайских деревень, а разрыв между городом и деревней почти в два раза больше. Также это иллюстрация его аргумента о том, что развитие ведёт к большему неравенству.

Кеннет Померанц утверждает, что развитие должно достигаться теми институтами, которые стимулируют участие граждан на локальном уровне. При условии поддержания большего институ-

If we follow Pomeranz and take a look at the Human Development Index (HDI) in China (Figure 3), the gap between urban and rural areas is evident. Moreover, the further a province is from the trade routes, the greater the gap between town and countryside, and the lower the Human Development Index. For example, Shanghai has the highest average HDI values and the lowest gap between urban and rural areas. In the Tibet, located far from the sea and trade routes, HDI in the cities is about the same as in rural Shanghai, and the gap between urban and rural areas is almost twice as big. It also illustrates his argument that development leads to greater inequality.

Kenneth Pomeranz argues that development must be achieved by institutions that encourage

Китай за последние 30 лет внёс вклад в сокращение глобального неравенства и увеличил доходы среднего класса. В то время как в России и Японии у верхушки среднего класса сокращаются доходы.

Over the past 30 years, China has contributed greatly to reducing global inequality and increasing middle-class incomes. At the same time, in Russia and Japan the upper middle class had declining incomes.

ционального разнообразия, развития институтов и защиты прав меньшинств, неравенство имеет шансы на сокращение. Недостаток консультаций с гражданами не позволяет справиться с вызовами для окружающей среды: например, несмотря на то, что Китай сокращает выбросы в расчёте на душу населения, там не происходит отказа от таких углеродных технологий как угольные тепловые электростанции, что в долгосрочном периоде не приводит к разрешению экологических вызовов, отмечает Померанц.

public engagement at the local level. Inequality can be reduced by maintaining greater institutional diversity, developing the institutions and mechanisms to protect minority rights. The lack of public dialog does not allow us to cope with environmental challenges: for example, although China is reducing emissions per capita, it is not abandoning carbon-based technologies such as coal-fired thermal power plants, which in the long run does not help addressing environmental challenges, Pomeranz notes.

ДИСКУССИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ

В контексте обсуждения роли экономических институтов в сокращении неравенства дискуссионным выступила Катарина Пистор, профессор сравнительного права Колумбийского университета. Она обратилась к своей книге «Кодекс капитала» (Pistor, 2019) и отметила, что до XX века и в Европе, и в Азии наблюдалось большее разнообразие форм предпринимательства. В настоящее время доминирующее положение получила корпоративная форма, упрощающая это разнообразие. С одной стороны, важно наличие государства, достаточно сильного для перераспределения богатства и эффективных вложений в социальную сферу. Однако, с

DISCUSSION: SOCIAL CONDITIONS FOR DEVELOPMENT

Katharina Pistor, professor of comparative law at Columbia University, joined the discussion in the context of addressing the role of economic institutions in reducing inequality. She turned to her book, *The Code of Capital* (Pistor, 2019), and noted that before the twentieth century, both Europe and Asia saw a greater diversity of entrepreneurship forms. The corporate form, which simplifies this diversity, has now become dominant. On the one hand, it is important to have a state that is strong enough to redistribute wealth and effectively invest in the social sphere. However, on the other hand, this model of a

другой стороны, как противовес этому государству в такой модели устойчивого общества существует автономное общество с разнообразием форм социальных институтов и экономических игроков.

Другой участник дискуссии — профессор истории Высшей школы социальных наук Алессандро Станциани — говорит о том, что в колониальный период европейские страны использовали экономические преимущества для установления непрямого экономического контроля над Африкой под эгидой цивилизирующей миссии. Он обращается к принципам экономики развития Альберта Хиршмана (Hirschman, 1981), которая делает акцент на том, что путь экономического развития стран может быть разным. Кроме того, один из принципов экономики развития предполагает возможность регулирования экономических отношений меж-

sustainable development requires the existence of an autonomous society with a diverse landscape of social institutions and economic players, as a counterbalance to the state.

Another panelist, Alessandro Stanziani, professor of history at the École des Hautes Études en Sciences Sociales, suggests that during the colonial period, European countries used economic advantages to establish indirect economic control over Africa under the aegis of a civilizing mission. He refers to the principles of development economics by Albert Hirschman (Hirschman, 1981), who emphasizes that various countries can have different paths of economic development. In addition, one of the principles of development economics suggests that economic

Неравенство в культурном капитале выступает основой для разницы в социальном положении и, в свою очередь, в экономическом капитале. Так воспроизводится неравенство.

ду более и менее развитыми странами так, чтобы эти отношения были выгодны всем сторонам. Иными словами, колониализм — это не единственный формат торговли между более и менее развитыми экономиками.

В продолжение дискуссии Пикетти и Померанц высказались, как связаны развитие и неравенство. По их мнению, повышение равенства на Западе не было неизбежным, а вызвано совокупностью факторов внутри государств и внешнеполитическим контекстом. Пикетти считает, что социальное государство призвано заниматься не просто перераспределением благ, механически достигая большего равенства. Социальное государство выступает как государство развития, социальные расходы — это «ещё один способ производства, ещё один способ организации».

КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ И ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

К академической дискуссии об упомянутой литературе можно также обратиться за пределами стен парижского вуза и рассказать больше о контексте изложенных идей и реакцию на них среди исследователей.

Так, американский ученый и экономист Дэвид Вейл (Weil, 2015) отмечает, что в качестве капитала в книге Пикетти рассматриваются исключительно торгуемые активы. Таким образом, человеческий капитал и соответствующее ему неравенство выпадают из

Inequalities in cultural capital further translate to differences in social status and, in turn, in economic capital. In this way, inequalities are reproduced.

relations between developed and developing countries can be regulated so that these relations are beneficial to all parties. In other words, colonialism is not the only format of trade between the developed and developing economies.

Piketty and Pomeranz continued the discussion with their views on how development and inequality are related. In their view, the rise in equality in the West was not inevitable, but rather caused by a combination of factors within the states and by the external political context. Piketty believes that the social state is not merely about redistributing goods, to mechanically achieve greater equality. The social state acts as a developmental state, with social spending being just “another mode of production, another mode of organization.”

CULTURAL CAPITAL AND THE REPRODUCTION OF SOCIAL INEQUALITY

It might be reasonable to also refer to the academic discussion of aforementioned literature outside the Paris university, and to tell more about the context of the ideas outlined and the way researchers reacted to these ideas.

Thus, American scholar and economist David Weil (Weil, 2015) notes that Piketty only considers traded assets when he talks about capital. Therefore,

анализа. При этом, как отмечает Рубен Ениколопов, ректор Российской экономической школы, игнорирование человеческого капитала приводит к завышению общих оценок социального неравенства, поскольку уровень неравенства человеческого капитала в западных странах сократился в два раза с конца XIX века⁵. В своём интервью для российского журнала «Экономическая социология» Пикетти говорит уже о двух видах неравенства: культурном и экономическом⁶. И если экономическое неравенство относится к распределению богатств, то культурное неравенство относится, в частности, к разнице доступа к образованию. Каждый вид неравенства относится к своему классическому социологу: к Марксу и Бурдьё, соответственно. Именно их «примирение» Пикетти обозначает в качестве цели своей книги «Капитал в XXI веке».

В контексте рассказа о дискуссии под эгидой Высшей школы социальных наук Парижа, нужно обязательно сказать хотя бы несколько слов про концепцию культурного капитала её первого ректора — Пьера Бурдьё. В книге «Воспроизводство: элементы теории системы образования» (Bourdieu & Passeron, 1970) вместе с соавтором он пишет о воспроизводстве неравенства на социальном уровне. Так, ученики разных классовых принадлежностей имеют разный уровень культурного капитала, и это различие усугубляется институтом образования. Сильно упрощая, можно описать механику конвертации одного капитала в другой: экономический капитал родителей позволяет предоставить их ребёнку большой культурный капитал, который предаёт дальнейшее усугубление культурного неравенства в рамках институтов образования; далее, это неравенство в культурном капитале выступает основой для разницы в социальном положении и, в свою очередь, в экономическом капитале. Так, посредством системы образования и неравенства культурного капитала воспроизводится социальное и экономическое неравенство.

Именно на этот взгляд на неравенство Пикетти опирается в «Краткой истории равенства» (Piketty, 2022). Инвестиции в образование призваны сократить неравенство в распределении культурного капитала, который выступает как тропа зависимости в социальное неравенство. Вложения в здравоохранение ориентированы на более справедливый доступ к развитию человеческого капитала в целом. Примечательно, что аргументы о социальном развитии через вложения в образование и здравоохранение, а также прогрессивную шкалу налогообложения, активно используются в актуальных политических дискуссиях о пенсионной реформе во Франции⁷.

human capital and its corresponding inequalities fall out of the scope of analysis. At the same time, according to Ruben Enikolopov, Rector of Russia's New Economic School, ignoring human capital results in an overstatement of overall estimates of social inequality, since the inequality of human capital in Western countries has fallen by half since the late 19th century⁵. In his interview for the Russian Journal of Economic Sociology, Piketty already speaks of two kinds of inequality: cultural and economic⁶. And while economic inequality is a matter of distribution of wealth, cultural inequality refers in particular to differences in access to education. Each type of inequality belongs to a different classic of sociology: Marx and Bourdieu, respectively. "Reconciling" their views is what Piketty identifies as the goal of his book, *Capital in the Twenty-First Century*.

In the context of the discussion at the École des Hautes Études en Sciences Sociales in Paris, it is necessary to say at least a few words about the concept of cultural capital proposed by its first rector, Pierre Bourdieu. In *La reproduction : éléments pour une théorie du système d'enseignement* (Bourdieu & Passeron, 1970), he and his co-author write about the reproduction of inequality at the social level. Thus, students of different class backgrounds have different levels of cultural capital, and this difference is exacerbated by the educational system. In a greatly simplified way, we can describe the mechanics of converting one capital into another: the parents' economic capital allows them to provide their child with more cultural capital, which promotes further cultural divergence within educational institutions; these inequalities in cultural capital further translate to differences in social status and, in turn, in economic capital. In this way, social and economic inequalities are reproduced through the educational system and the inequality of cultural capital.

It is this view of inequality that Piketty draws on in *A Brief History of Equality* (Piketty, 2022). Investment in education is designed to reduce inequalities in the distribution of cultural capital, which acts as a path of dependency into social inequality. Investment in healthcare focuses on fairer access to human capital development in general. It is noteworthy that arguments about social development through investment in education and healthcare, as well as a progressive taxation scale, are actively used in current political debates about pension reform in France⁷.

5 Ениколопов, Р. (2015). *Сомнительный бестселлер. В чем ошибается автор «Капитала» Томас Пикетти*. Republic. Издатель Republic — ООО «Москоу диджитал медиа», с 26.01.2023 ООО «Чайка Белые сады» внесен Минюстом РФ в Реестр иностранных агентов.

6 Пикетти, Т. (2016). Интервью с Тома Пикетти: «Можно выгнать историю в дверь, но она немедленно вернётся через окно». *Экономическая социология*, 17(1), 13-21.

7 Piketty, T. (2023, March 14). *Macron, the social and economic mess*. *Le Blog De Thomas Piketty*. Retrieved from: <https://www.lemonde.fr/blog/piketty/2023/03/14/macron-the-social-and-economic-mess/>. (accessed 24.05.2023).

5 Enikolopov, R. (2015). *A Dubious Bestseller. Where Thomas Piketty, the Author of Capital, is Wrong*. Republic The publisher of Republic is Moscow Digital Media LLC, since 26.01.2023 Chaika White Gardens LLC has been included in the Register of Foreign Agents by the Ministry of Justice of the Russian Federation.

6 Piketty, T. (2016). *Interview with Thomas Piketty: "One can Push History Out but It Immediately Comes in through the Window."* *Journal of Economic Sociology*, 17(1), 13-21.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог дискуссии, резюмируем, что экономическое развитие опосредовано социальными и экологическими факторами, которые способны сдерживать его. При этом они сами подвержены его влиянию: экономический рост может создавать условия для усиления эксплуатации окружающей среды и низших классов; или наоборот — сопутствовать распространению ценностей ответственного отношения к окружающей среде и появлению социального государства. Сокращение социального неравенства осуществляется посредством воздействия на социальные институты и не является проблемой, имеющей исключительно экономическое решение.

Два основных условия в сокращении социального неравенства состоят в наличии социального государства и социальных институтов, увеличивающих участие граждан. Социальное государство занимается стимулированием социальных инвестиций для развития человеческого капитала, посредством увеличения доступа к которым достигается социальное равенство. При этом, рост социальных инвестиций наблюдается за счёт сокращения расходов на бюрократический и военный аппарат, поэтому благоприятная внешнеполитическая обстановка, как напоминает Померанц, выступает условием для функционирования социального государства. Наличие разнообразия социальных институтов, в том числе форм предпринимательства, позволяет стимулировать участие и инклюзию на локальном уровне, что создаёт условия для сокращения неравенства.

Обзор дискуссии о факторах социального неравенства даёт представление о макроуровне тех явлений, которые в рамках академического дискурса социальной политики разбираются на мезо- и микроуровне: проекты развития, социальные инвестиции и социальная инклюзия. Экономика развития и история экономического неравенства позволяют связать их в единый сюжет, который разворачивается в разные исторические периоды и в разных социальных контекстах.

REFERENCES

1. Bourdieu, P., & Passeron, J. C. (1970). *La reproduction éléments pour une théorie du système d'enseignement*. Editions de Minuit.
2. Garbinti, B., & Goupille-Lebret, J. (2018). *The evolution of wealth inequality in France from 1800 to 2014*. *Rue de la Banque*, (66).
3. Hirschman, A. (1981). *The Rise and Decline of Development Economics*. *Annales : histoire, sciences sociales* (French ed.), 36(5), 725–744. DOI:10.4324/9780203838518
4. Morisson, C., & Martin, F. (2013). *The Kuznets curve of human capital inequality: 1870–2010*. *The Journal of Economic Inequality*, 11, 283–301. DOI:10.1007/s10888-012-9227-2
5. Nettleton, C., Napolitano, D., & Stephens, C. (2007). *An overview of current knowledge of the social determinants of Indigenous health*.
6. Piketty, T. (2001). *Les hauts revenus en France au XXe siècle*. Hachette.
7. Piketty, T. (2022). *A brief history of equality*. Harvard University Press.
8. Pistor, K. (2019). *The code of capital*. In *The Code of Capital*. Princeton University Press.
9. Pomeranz, K. (2000). *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7sv80>
10. Weil, D. N. (2015). *Capital and wealth in the twenty-first century*. *American Economic Review*, 105(5), 34–37. DOI: 10.1257/aer.p20151057

CONCLUSION

To summarize the discussion, we conclude that economic development is mediated and can be held back by social and environmental factors. At the same time, these factors themselves are influenced by economic development: economic growth can create conditions for more intense exploitation of the environment and the lower classes; or vice versa, it can accompany the spread of environmental responsibility values and the emergence of a social state. Social inequality is reduced by influencing social institutions, and it is not a problem that can be addressed merely by economic methods.

Two basic conditions in reducing social inequality are the existence of a social state and social institutions that increase public engagement. The social state is concerned with stimulating social investment for the development of human capital, and increased access to social investment helps achieve social equality. At the same time, the growth of social investment comes at the expense of reduced spending on the bureaucratic and military apparatus, so a favorable foreign policy environment, as Pomeranz reminds us, is an important condition for the functioning of the social state. The diversity of social institutions, including forms of entrepreneurship, encourages public engagement and inclusion at the local level, which creates conditions for reducing inequality.

Reviewing the discussion of social inequality factors provides insight into the macro-level phenomena that the academic discourse of social policy addresses at the mezzo- and micro-level: development projects, social investment, and social inclusion. The economics of development and the history of economic inequality allow us to link them into a single story that unfolds in different historical periods and in different social contexts.

От линейной к циклической:

альтернативная модель
развития экономики

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-51-49-55

Linear to Circular: an Alternative Model of Economic Development

С началом индустриальной революции мы живем в условиях линейной экономической модели. К настоящему моменту недостатки этой системы с ее давлением на природу и нацеленностью на постоянный экономический рост стали настолько очевидны, что возникает вопрос — как быть дальше? Альтернативой устаревшей экономической модели может стать так называемая циклическая экономика. Рассмотрению ее основных идей и структурных особенностей посвящена данная статья.

With the beginning of the Industrial Revolution we have been following a linear economic model. The shortcomings of this system, with its pressure on nature and its focus on constant economic growth, have now become so obvious that they beg the question: where do we go from here? There is an alternative to this obsolete economic model, the so-called circular economy. In this article, we review its basic ideas and structural features.

Екатерина Егорова
Эксперт по циклической
экономике,
основательница
Moscow Circular

Ekaterina Egorova
Circular economy expert,
founder of Moscow Circular

ИСТОЩЕНИЕ РАДИ ПРОЦВЕТАНИЯ

Экономическая активность влияет на состояние окружающей среды. Сегодня человечество живет в условиях так называемой линейной модели экономики: мы добываем ресурсы из земных недр, производим из полученного сырья товары и материалы, используем их для удовлетворения потребностей, а потом выбрасываем. Поэтому линейная бизнес-модель выглядит так: чем больше продал, тем больше заработал. Государство тоже заинтересовано в продаже как можно большего количества товаров, потому что в этом случае в бюджет поступает больше налогов. То есть линейная экономическая модель нацелена на постоянный рост.

Количество поступающих в мировую экономику ресурсов с каждым годом растет. Это хорошо демонстрирует отчет *Circularity Gap Report* нидерландской компании *Circle Economy*, в котором дается оценка, сколько первичных ресурсов поступает в экономику и сколько возвращается обратно в цикл после использования. Для сравнения: если в 70-е годы прошлого века количество первичных ресурсов, которое поступало в мировую экономику, составляло 30 млрд. тонн в год, то сейчас эта цифра равна 100 млрд. тонн. При сохранении существующих темпов производства и потребления в 2050 году эта цифра может увеличиться до 170-190 млрд. тонн в год. Из этого количества только 7,2% ресурсов возвращаются обратно в цикл. Значит, более 90% ресурсов либо расходуются впустую, либо теряются, либо остаются недоступными для повторного использования в течение многих лет¹.

Такой расточительный способ использования ограниченных ресурсов планеты приводит к экологическим, социальным и экономическим проблемам. Человечество постепенно истощает природные ресурсы, создает угрозу выживанию биологических видов, наполняет почву и воду токсинами и ускоряет глобальное потепление. При этом человек остается частью живой природы: нам нужен кислород, чтобы дышать, питьевая вода, чтобы не умереть от жажды, комфортная температура, чтобы жить, и плодородная почва, чтобы выращивать урожай.

Складывается парадоксальная ситуация: находясь в рамках линейной экономики, человек увеличивает производство товаров и материалов и тем самым разрушает природные экосистемы, а значит, ставит под угрозу свое благополучие. Например, по данным, приведенным в докладе Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам ООН, деградация почв уже привела к снижению продуктивности 23% поверхности земли в мире. В том же отчете указано, что годовой урожай продовольственных культур на сумму 577 миллиардов долларов США находится под угрозой из-за потери опылителей².

EXHAUSTION FOR PROSPERITY

Economic activity influences the environment. The humankind has been living under the so-called linear economic model: we extract the Earth's resources, process them into goods and materials that we use to meet our needs, and then discard them. Basically, the linear economy works like this: The more you sell, the more you earn. Governments are also interested in as many goods being sold as possible, because this translates to higher tax revenues. That is, the linear economic model is designed for constant growth.

The amount of resources flowing into the global economy is increasing every year. This is clearly illustrated in the *Circularity Gap Report*, produced by the Dutch company *Circle Economy*, which estimates how much primary resources enter the economy and how much is returned to the economic cycle after use. To compare: in the 1970s the primary resources entering the global economy amounted to 30 billion tons a year; today the figure is 100 billion tons. If current production and consumption rates are maintained, this figure could reach 170-190 billion tons a year by 2050. Only 7.2% of these resources return the production cycle. This means that more than 90% of the resources are either wasted, lost, or remain unavailable for reuse for many years¹.

This wasteful use of the planet's limited resources creates environmental, social and economic problems. Humanity is gradually depleting natural resources, threatening the survival of species, contaminating soil and water with toxins, and accelerating global warming. We need oxygen to breathe, drinking water so we don't die of thirst, comfortable temperatures to live in, and fertile soil to grow crops.

The situation is paradoxical: in a linear economy, humans are endlessly increasing the production of goods and materials, destroying natural ecosystems and endangering their own well-being. For example, according to a report by the United Nations' Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services (IPBES), soil degradation has already affected the productivity of 23% of the world's land surface. The same report shows that \$577 billion worth of food crops are threatened every year by the loss of pollinators.²

The anthropological burden on the planet came to the fore in the 1970s. In 1972, the Club of Rome published a report titled "The Limits to Growth." It was written by scientists

¹ Fraser, M., Haigh, L., & Soria, A. C. (2023). *The Circularity Gap Report 2023*.

² United Nations. (2019). *UN Report: Nature's Dangerous Decline 'Unprecedented'; Species Extinction Rates 'Accelerating'*. Retrieved from: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2019/05/nature-decline-unprecedented-report/>. (accessed 05.06.2023).

Об антропологической нагрузке на планету начали широко говорить в 70-х годах прошлого века. В 1972 году вышел доклад участников международной общественной организации «Римский клуб» под названием «Пределы роста». Его авторами стали ученые Донелла Медоуз, Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс III. Они представили сценарии развития человеческой цивилизации в условиях исчерпания природных ресурсов. В дальнейшем эта тема привлекала внимание ученых из самых разных научных сфер. В 2009 году группа ученых-экологов под руководством Йохана Рокстрема из Стокгольмского центра устойчивости и Уилла Штеффена из Австралийского национального университета представили концепцию планетарных границ. Концепция основана на том, что человек своей хозяйственной деятельностью вызывает глобальные изменения окружающей среды и нарушает условные планетарные границы. В результате планета теряет способность к саморегуляции, и это создает угрозу существованию жизни на Земле. Ученые выделили 9 планетарных границ, и 7 из них к настоящему моменту уже нарушены.

Британский экономист Кейт Раворт попыталась найти баланс между удовлетворением потребностей человечества и возможностями экосистем. В 2017 году она выпустила книгу «Экономика пончика: семь способов мыслить как экономист XXI века», в которой вместо линейной экономической модели предложила модель в форме пончика. Модель-пончик состоит из двух колец: социального основания (внутреннее кольцо) и экологического потолка (внешнее кольцо) (Raworth, 2017). На практике это означает, что человечеству нужно отказаться от принципа неограниченного экономического роста в пользу модели, когда достигается равновесие между базовыми человеческими потребностями и экологическими задачами.

Так постепенно на горизонте развития человечества проступили очертания новой экономической модели — циклической экономики.

ГАРМОНИЯ ПРОГРЕССА

Концепция циклической экономики предполагает такое устройство экономической системы, при котором экономическое благосостояние и процветание граждан не зависит от потребления природных ресурсов. Кроме того, предполагается, что экономическая деятельность не истощает природные системы.

Циклы в циклической экономике аналогичны природным. Они уравновешенные, достаточные и образуют не отходы, а питательную среду для новой жизни. Один из важных принципов циклической экономики: «отходы = еда». Утечки, которые случаются в цикле, не являются проблемой, так как они не наносят вреда окружающей среде. Но в то же время циклическая экономика — это не замкнутый круг идеальной переработки, как порой можно услышать, а более сложная система устойчивых связей. Хорошей иллюстрацией циклической экономики может служить экосистема

Donella Meadows, Dennis Meadows, Jorgen Randers, and William W. Behrens III. They presented scenarios for the development of human civilization given the depletion of natural resources. Eventually this topic attracted the attention of scientists from a wide variety of fields. In 2009, a team of environmental scientists led by Johan Rockstrom of the Stockholm Resilience Center and Will Steffen of the Australian National University introduced the concept of Planetary Boundaries. The concept is based on the fact that through their economic activities, humans cause global changes in the environment and violate conventional planetary boundaries. As a result, the planet loses its ability for self-regulation, which threatens the very existence of life on Earth. The scientists identified 9 planetary boundaries, 7 of which have been violated by now.

British economist Kate Raworth tried to balance the human needs against the ecosystem's limits. In 2017, she published a book, "Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist", in which she proposed a doughnut-shaped model instead of a linear economic model. The doughnut model consists of two rings: the social foundation (inner ring) and the ecological ceiling (outer ring) (Raworth, 2017). In practice, this means that the humanity must abandon the concept of unrestrained economic growth in favor of a model that balances basic human needs against the planetary boundaries.

This is how the humankind eventually started seeing the outlines of a new economic model — the circular economy.

THE HARMONY OF PROGRESS

The concept of a circular economy implies an economic system in which the economic well-being and prosperity of citizens is not dependent on the consumption of natural resources. In addition, it is assumed that economic activity does not deplete natural systems.

Cycles in a circular economy are similar to nature's cycles. They are in balance, they are sufficient, and they do not create waste, but a nurturing environment for new life. One of the key principles of circular economy is "waste equals food." Any leaks that occur during this cycle are not a problem because they do not affect the environment. But at the same time, the circular economy is not a vicious circle of recycling everything, as you can sometimes hear, but a more complex system of sustainable

леса, в которой каждый объект связан с другими. Например, сбрасывая листья, дерево обеспечивает питанием не только себя, но также удобряет землю и создает жизненную среду для насекомых. То есть, в этой системе нет отходов — палая листва, превращаясь в перегной, кормит не только корни дерева, но и всю систему в целом. Благополучие самого дерева зависит от насекомых, грибов и бактерий, которые разлагают органику, чтобы дерево могло получить из нее питательные вещества. Таким образом, ресурсы используются рационально и приносят пользу всем. При этом лес существует не изолированно, он взаимодействует с другими системами: ветер приносит в него семена растений, на его территории в разные сезоны живут определенные виды животных и птиц. Так система связей постоянно видоизменяется, и лесная экосистема процветает. Перемены важны, потому что изолированная живая система со временем лишается видового разнообразия и становится более уязвимой к внешним воздействиям.

В России под циклической экономикой часто понимают вторичное использование сырья и переработку отходов. Однако это очень узкий взгляд. Циклическая экономика предполагает новые стимулы и ограничения системы, иные принципы распределения доходов среди участников, изменения в фискальной политике и формирование нового рынка труда. То есть, говоря о циклической экономике, мы не ограничиваемся только лишь материальным циклом, а учитываем и другие циклы — финансовый, трудовой, интеллектуальный.

Циклическая экономика отличается от линейной тем, что она регенеративная: она не разрушает природную среду и способствует процветанию людей и экосистем. Фонд Эллен МакАртур, который является одной из ведущих организаций в мире, популяризирующей идеи циклической экономики, обозначает три принципа этой экономической модели:

1. Дизайн без отходов и загрязнений.
2. Сохранение ценности товаров и материалов в цикле использования как можно дольше.
3. Восстановление природных систем.

Идею дизайна для циклической экономики предложили немецкий химик Михаэль Браунгарт и американский архитектор Уильям МакДонах в книге «От колыбели до колыбели. Меняем подход к тому, как мы создаем вещи». Авторы выступили против популярного принципа «создавать с меньшим вредом для природы», потому что в этом случае идея нанесения вреда природе все равно оправдывается, просто проблема откладывается на потом, не меняя привычный взгляд на нормальность деградации экосистем в процессе экономической деятельности. По замыслу Михаэля Браунгарта и Уильяма МакДонаха, еще на этапе дизайна и проектирования необходимо задуматься, насколько безопасным будет продукт, и сможет ли он после использования вернуться в систему, добавив ей ценности. Также при налаживании производственного цикла следует задавать вопросы, какие химические вещества используются при производстве товаров, позволяет

interconnections. A good illustration of a circular economy is the forest ecosystem, in which each object is connected to the others. For example, by shedding leaves, the tree not only provides food for itself, but also fertilizes the soil and creates a living environment for insects. That is, nothing is wasted in this system — fallen leaves are turned into humus that nourishes not only the roots of the tree that shed them, but the entire system. The well-being of the tree itself depends on insects, fungi, and bacteria that decompose organic matter, thus providing nutrients to the tree. In this way, resources are used sustainably for everyone's benefit. The forest does not exist in isolation; it interacts with other systems: the wind carries plant seeds, and certain animal and bird species come to live in the forest at different times of the year. So the connections are constantly changing in a thriving forest ecosystem. Change is important because an isolated living system loses species diversity over time and becomes more vulnerable to external influences.

In Russia, the circular economy is often understood as reusing raw materials and recycling waste. However, this is a very narrow-minded view. A circular economy implies new incentives and constraints on the system, different principles of income distribution among participants, changes in fiscal policy, and the establishment of a new labor market. That is, the circular economy is not limited to the material cycle, but also takes into account financial, labor, intellectual and other cycles.

The circular economy differs from the linear economy in that it is regenerative: it does not destroy the natural environment and helps people and ecosystems thrive. The Ellen MacArthur Foundation, one of the world's leading organizations promoting the ideas of circular economy, outlines three principles of this economic model:

1. Eliminate waste and pollution.
2. Circulate products and materials (at their highest value).
3. Regenerate nature.

The idea of design for a circular economy was proposed by German chemist Michael Braungart and American architect William McDonough in their book "Cradle to Cradle: Remaking the Way We Make Things." The authors argued against the popular principle of "create with less harm to nature," because it still justified the idea of harming nature, merely postponing the problem until later, without changing the usual view of the normality of degrading ecosystems through economic activity. According to Michael Braungart and William McDonough, as early as in the design and engineering phase, one has to think about how safe the product will be and whether it can be returned to the system after use, creating additional value. Also, when setting up

ли дизайн изделия максимально сохранять ценность материалов после окончания жизненного цикла продукта? (Браунгарт & Макдонах, 2021). Таким образом, «меньше вреда» не равно «больше пользы». Основная идея дизайна «от колыбели до колыбели», положенного в основу циклической экономики, заключается в том, чтобы учитывать возможность возвращения продукта или материала в экономику после того, как его жизненный цикл закончится. Проще говоря, продукт не должен стать мусором, он должен стать «пищей» для нового цикла.

На рисунке ниже (Рисунок 1) представлены стратегии, благодаря которым продукты и материалы могут оставаться в системе как можно дольше. Справа изображен технический цикл, в котором оборачиваются материалы, произведенные человеком: пластик, металл, стекло и так далее. Слева показан биологический цикл, в котором оборачиваются природные материалы: продукты питания и компостируемые материалы из растительного сырья. Для сохранения ценности и безопасного возврата в цикл важно, чтобы материалы из разных циклов не смешивались. Так, футболка из смеси органического хлопка и переработанных бутылок — неудачный пример циклического дизайна, потому что она усложняет возврат материалов в цикл и снижает их ценность.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ

Циклическую экономику можно рассматривать на разных уровнях. Например, на уровне продукта она подразумевает внедрение инноваций, поиск новых материалов, исключение токсичных химических элементов, креативные способы создания модульных и разборных конструкций для возможности повторного использования.

На уровне бизнеса циклическая экономика предусматривает развитие бизнес-моделей, которые позволяют перейти от идеи «чем больше товаров произвел и продал, тем больше заработал» к идее получения выгоды с помощью других стратегий. К циклическим бизнес-моделям относятся переход от товаров к сервису, шеринговая экономика, повторное использование. Это открывает для бизнеса новые возможности по построению более продолжительных отношений с покупателями, закрытию ресурсных рисков, а также рисков, связанных с нарушением цепочек поставок первичных ресурсов ввиду экологических, социальных, эпидемиологических и геополитических кризисов, позволяет экономить на первичных ресурсах, дает доступ к новым сегментам потребителей.

Кроме изменений на уровне товаров и бизнес-моделей, трансформация происходит и на уровне экономической системы в целом. В начале статьи мы привели аргументы в пользу того, что линейная модель экономики не способствует процветанию людей и экосистем, а ведет к деградации. Но получится ли встроить циклические принципы в существующую экономическую модель, которая построена на идее бесконечного роста? Томас Сидериус и Тревор Зинк в публикации «Рынки и будущее циклической экономики» описали сложности, с которыми непременно столкнется такая

a manufacturing cycle, one should check what chemicals are used in the production of goods and consider whether the product design allows for maximum retention of material value after the end of the product life cycle (Braungart & McDonough, 2021). In other words, “less harm” does not equal “more good.” The basic idea of the cradle-to-cradle design underlying circular economy is to consider the possibility of a product or material returning to the economy after its life cycle has ended. Simply put, the product should not turn into waste, it should become a “food” for a new cycle.

Figure 1 below shows the strategies for keeping products and materials in the system for as long as possible. On the right is the technical cycle, where man-made materials such as plastic, metal, glass, etc. circulate. On the left is the biological cycle, where natural materials such as food and compostable plant matter circulate. It is important to keep materials from different cycles separated, in order to maintain their value and return them safely to the economic cycle. For example, a T-shirt made from organic cotton and recycled bottles is not a good example of cyclic design, because it makes it harder to return the materials to the cycle and reduces their value.

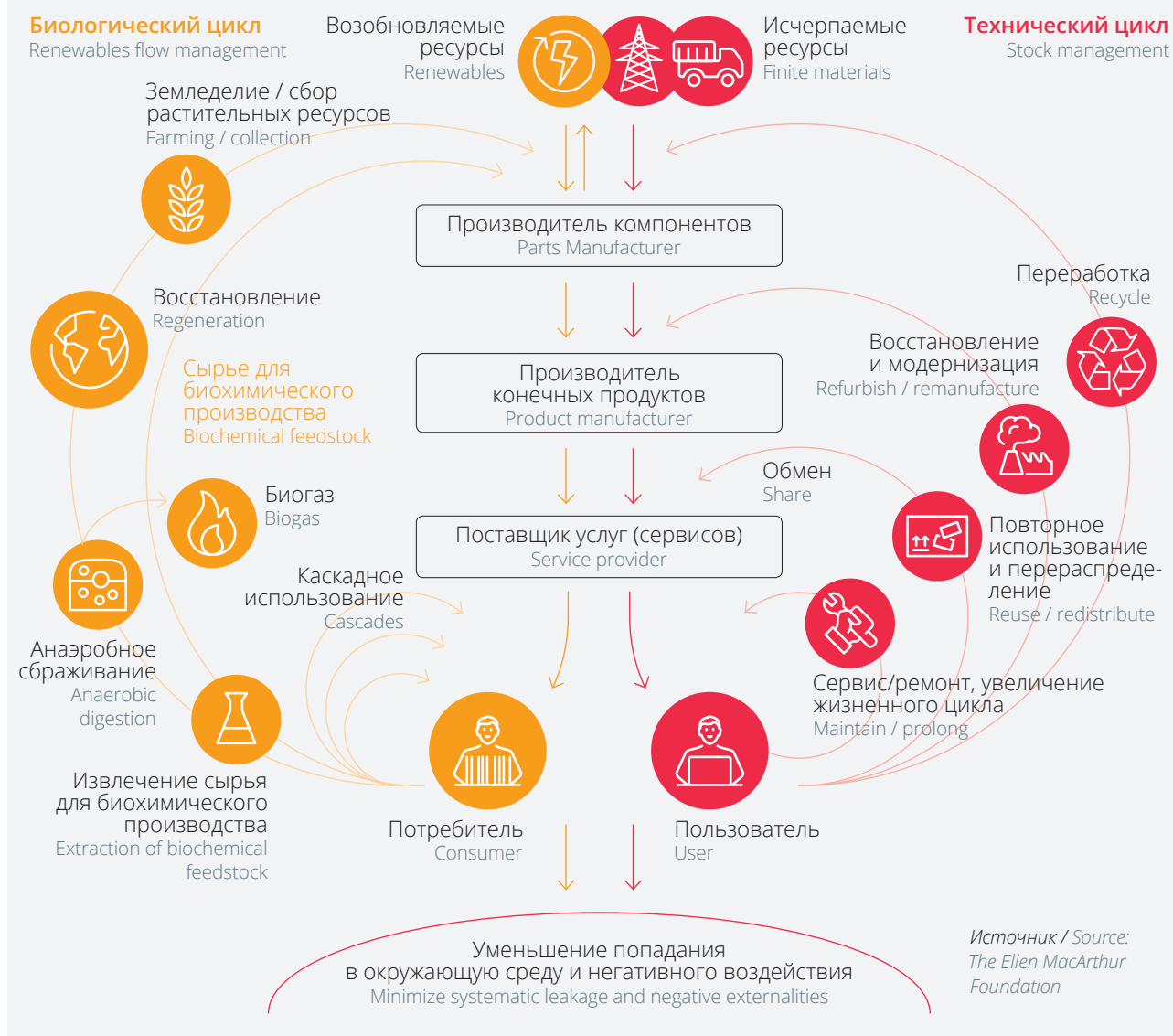
NEW RULES OF THE GAME

The circular economy can be considered at different levels. For example, at the product level, it involves innovation, finding new materials, eliminating toxic chemicals, and finding creative ways to build modular and collapsible designs ensuring reusability.

At the business level, a circular economy involves the development of business models that allow us to move from the idea of “the more goods produced and sold, the more money earned” to the idea of making a profit through other strategies. Circular business models include the shift from products to services, the sharing economy, and reuse. This opens up new opportunities for businesses to develop long-term relationships with buyers, mitigate resource risks and supply chain disruption risks associated with shortage of primary resources due to environmental, social, epidemiological and geopolitical crises. It also makes it possible to save on primary resources, while providing access to new consumer segments.

In addition to changes at the product and business model level, transformation is also taking place at the level of the economic system as a whole. At the beginning of this article, we argued that the linear economy does not contribute to the prosperity of people and ecosystems, but leads to degradation. But can circular principles be built into the existing economic model, which is based on the idea of infinite growth? Thomas Siderius and Trevor Zink in “Markets and the Future of the Circular Economy” described the challenges

Рисунок 1. Схемы циклической экономики
Figure 1. Circular Economy Systems Diagram

инициатива. Авторы обращают внимание на то, что циклическая экономика — это не индустриальный экотехнопарк, где бесконечно вращаются отходы. Циклическая экономика встроена в систему рынков и подчиняется текущим правилам и стимулам рынка. Для того чтобы получить реальные результаты на уровне системы, необходимо менять правила игры (Siderius & Zink, 2022).

При внедрении принципов циклической экономики важно учитывать денежный цикл, который является драйвером для принятия решений и действий людей, а также подумать о том, кто будет получать выгоду от распределения ресурсов земли, и насколько это распределение способствует процветанию людей и сообществ. Насколько это реально? Специалист в области экологического управления и устойчивого развития Мартин Калисто Фриант

that such an initiative would inevitably face. The authors point out that the circular economy is not an eco-industrial park infinitely recycling waste. The circular economy is embedded in a system of markets and is subject to the current market rules and incentives. To achieve tangible results at the system level, the rules of the game need to change (Siderius & Zink, 2022).

When implementing the principles of a circular economy, it is important to consider the money cycle, which is the driver of people's decisions and actions, and to think about who will benefit from the distribution of the earth's resources and how much that distribution helps people and communities thrive. How realistic is it? Martin Calisto Friant, a specialist in environmental

провел исследование «Экономика замкнутого цикла: социальная трансформация или экономическая сказка?». В нем он рассмотрел примерно 40 концепций в рамках циклической экономики и условно типизировал существующие дискурсы о циклической экономике по нескольким признакам. Автор выделил сегментированный подход, который ориентируется в первую очередь на технологические решения и бизнес-интересы, и холистический подход, включающий социальную справедливость и расширение прав и возможностей. Также Мартин Калисто Фриант отметил разделение взглядов на оптимистический, который подразумевает возможность отделения экономического процветания от деградации экосистем, и пессимистический, который не признает, что такое возможно. Автор изучил не только понимание принципов циклической экономики, но и их практическое применение. Он проанализировал 120 определений циклической экономики и выявил, что 84% из них — это дискурсы о техноцентрической циклической экономике, которая фокусируется на технических решениях и рыночных инновациях, игнорируя социальную справедливость и равенство. Это особенно заметно в государственной политике и корпоративных стратегиях. Такой перекоп в техноцентрическую сторону противоречит академическому опыту, истории и разнообразию идей под зонтиком циклической экономики, а также игнорирует холистические идеи, затрагивающие не только технологические стороны, но и влияние на процветание людей и экосистем в целом, их представленность и участие в системе (Friant, 2021). Такое узкое понимание концепции циклической экономики мешает обсуждению всего спектра идей и приводит к замалчиванию фундаментальных вопросов.

ВОПРОС БУДУЩЕГО

Циклическая экономика может стать одним из вариантов развития человеческих обществ в будущем, и картина этого будущего выглядит довольно оптимистично: рациональное использование природных ресурсов закрывает базовые человеческие потребности, и при этом экономика свободна от постоянной погони за прибылью и не истощает планету. Но такая перспектива возможна только в том случае, если человечество рискнет задать себе вопросы о честном распределении ресурсов, власти, богатства, знаний, технологий и социальной справедливости, а не замкнется на обсуждении узких тем циркуляции материалов и энергии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Raworth, K. (2017). *Doughnut Economics. Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist*. Chelsea Green Publishing.
2. Браунгарт, М. & Макдонах, У. (2021). От колыбели до колыбели. Меняем подход к тому, как мы создаем вещи. *Ad Marginem*.
3. Siderius, T., & Zink, T. (2022). *Markets and the Future of the Circular Economy. Circular Economy and Sustainability*, 1-27. DOI: 10.1007/s43615-022-00196-4
4. Friant, M. C. (2021). *The Circular Economy: Societal Transformation or Economic Fairytale?* Retrieved from: <https://revolve.media/the-circular-economy-societal-transformation-or-economic-fairytale-2/>. (accessed 05.06.2023).

management and sustainable development, conducted a study titled “Circular Economy: Societal Transformation or Economic Fairytale?” He examined some 40 concepts within the circular economy and produced a tentative classification of existing discourses on circular economy along several lines. The author distinguished a segmented approach that focuses primarily on technological solutions and business interests, and a holistic approach that includes social justice and empowerment. Martin Calisto Friant also noted the division between an optimistic view, which suggested the possibility of separating economic prosperity from ecosystem degradation, and a pessimistic one, proclaiming this impossible. In addition to studying the understanding of the principles of circular economy, the author also considered their practical application. He analyzed 120 definitions of the circular economy and found that 84% of them revolve around a technocentric circular economy, with a focus on technical solutions and market innovations but ignoring social justice and equity. This is especially evident in public policy and corporate strategies. This bias toward the technocentric side runs counter to academic experience, history, and the diversity of ideas under the umbrella of circular economy, and ignores holistic concepts that address not only the technological aspects, but also the impact on human and ecosystem prosperity, representation, and participation in the system as a whole (Friant, 2021). Such a narrow understanding of the concept of circular economy hinders the discussion of the full range of ideas and leads to the silencing of fundamental issues.

THE QUESTION OF THE FUTURE

A circular economy is one possible option for the future development of human societies, and the picture of this future looks rather optimistic: the rational use of natural resources covers basic human needs, while the economy is free from the constant pursuit of profit and does not deplete the planet. But such a prospect is possible only if humanity dares to ask itself questions about the fair distribution of resources, power, wealth, knowledge, technology, and social justice, rather than focusing on the narrow issues of the recirculation of materials and energy.

REFERENCES

1. Raworth, K. (2017). *Doughnut Economics. Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist*. Chelsea Green Publishing.
2. Braungart, M. & McDonough, W. (2021). *Cradle to Cradle: Remaking the Way We Make Things*. Ad Marginem.
3. Siderius, T., & Zink, T. (2022). *Markets and the Future of the Circular Economy. Circular Economy and Sustainability*, 1-27. DOI: 10.1007/s43615-022-00196-4
4. Friant, M. C. (2021). *The Circular Economy: Societal Transformation or Economic Fairytale?* Retrieved from: <https://revolve.media/the-circular-economy-societal-transformation-or-economic-fairytale-2/>. (accessed 05.06.2023).

Долгая дорога к социальным дивидендам

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-S1-56-65

The Long Road to a Social Dividend

Earth for all¹ («Земля для всех») — международная инициатива по ускорению системных изменений, необходимых для справедливого будущего на планете с ограниченными ресурсами. Как отмечают ее создатели, «сочетая передовые достижения науки с новым экономическим мышлением, проект Earth4All был разработан для определения преобразований, необходимых для всеобщего процветания». ¹ В данной статье, написанной одним из участников инициативы, представлена оригинальная концепция введения «социальных дивидендов» как возможный вариант развития экономических отношений в мире. Статья была опубликована ранее как часть серии работ, посвященных трансформации экономических систем. На русском языке публикуется впервые².

Earth4all is an international initiative to accelerate the systemic change necessary for an equitable future on a planet with limited resources. As its founders note, “Combining cutting-edge science with new economic thinking, Earth4All was designed to identify the transformations needed for shared prosperity.”¹ This article, written by a participant of the Earth4All initiative, presents the original concept of the “social dividend” as one possible option for the development of economic relations in the world. This article was previously published as part of a series on the transformation of economic systems. Published in Russian for the first time².

Кен Вебстер
Приглашенный
научный сотрудник
Университета Крэнфилда
(Великобритания),
член комиссии по
трансформационной
экономике Римского клуба

Ken Webster
Visiting fellow Cranfield
University (UK) & member
of The Club of Rome's
Transformational Economics
Commission

*«Все народы для достижения своих целей
могут свободно распоряжаться
своими естественными богатствами и ресурсами».*
*Международный пакт об экономических,
социальных и культурных правах,
Статья 1*

«Земля для всех». Именно так называется этот проект. Эта же идея лежит в основе финансовых преобразований, предлагаемых в данной работе: ввести плату для тех, кто получает прибыль от общих товаров и услуг, а затем перераспределить доходы между всеми. Вопрос справедливого распределения плодов Земли для всех поднимается регулярно и затрагивает самую суть экономики. Людям свойственно задаваться вопросом, что и как производить, и, что не менее важно: «Кто от этого выигрывает?»

Нынешняя налоговая политика заставляет задуматься над неудобным вопросом — почему мы облагаем налогом усилия людей по созданию добавленной стоимости при производстве товаров и услуг — а затем еще раз, при их потреблении? Почему бы вместо этого не облагать налогом у источника тех людей и организации, которые получают выгоду от глобальной добычи ресурсов, прироста капитала и стоимости земли? Владельцы собственности — обычной или интеллектуальной, платформ и сетей — могут получать пассивный доход, который экономисты называют экономической рентой, контролируя доступ к своей скудной собственности. Но такое использование не создает добавленной стоимости. В некоторых случаях оно налагает на общество расходы, которые можно было бы компенсировать дополнительным налогом. Вместо этого большинство современных налогов распространяются на труд, производство и потребление.

Фактически, многие правительства субсидируют добычу ресурсов через налоговые льготы для машин, заменяющих человеческий труд, или путем предоставления доступа и возможности эксплуатации месторождений ископаемых видов топлива и минералов, или для масштабного сельскохозяйственного производства. Прочие субсидии и налоговые льготы также способствуют истощению общих благ, таких как леса и запасы рыбы.

И тем не менее, мы продолжаем верить, что мы живем в эпоху индустриальной экономики, а не экономики, характеризующейся преобразованием товаров в финансовые инструменты, благоприятствующие получателям ренты — так называемой «экономики ренты». Налогообложение в его современной форме стало частью общественного договора в ныне богатых странах, которые после Второй мировой войны вступили в «эпоху занятости».

Как справедливо подметил юрист и писатель Джеймс Робертсон: «Мы стали свидетелями распада общественного договора,

¹ Earth4All. (2023). Retrieved from: <https://earth4all.life/>. (accessed 09.06.2023).

² Earth4All. (2023). Executive Summaries. Retrieved from: <https://earth4all.life/publications/>. (accessed 13.06.2023).

*“All peoples may, for their own ends,
freely dispose of their natural
wealth and resources.”*
*International Covenant on Economic,
Social and Cultural Rights,
Article 1*

Earth for all. That is the name of this project. It is also at the core of the fiscal transformation proposed in this paper: introduce fees for those who profit from common goods and services, then redistribute the proceeds to all. Sharing the Earth's fruits in a just way for everyone is a recurrent theme and goes to the heart of economics. The field asks what and how to produce and, just as important, “Who gets the benefits?”

Current tax policies raise the awkward question of why we tax people's efforts at adding value when they produce goods and services — and again at the point of consumption. Rather, why are we not taxing at source the people and organisations that benefit from global resource extraction, capital gain and land value? Owners of property — whether conventional or intellectual — or platforms and networks — can collect unearned income, which economists call economic rents, for controlling access to their scarce property. But they do not add value. In some cases, this imposes costs on society that an additional tax could recoup. Instead, most contemporary taxes apply to labour, production and consumption.

In fact, many governments subsidise resource extraction via tax breaks for the machines that substitute for labour, or by enabling access to and the use of fossil fuel energy and minerals deposits, or for agricultural production at scale. Other subsidies and tax breaks encourage the ravaging of common goods such as forests and fish stocks.

Yet still we persist in the belief that somehow this is an industrial economy rather than one characterised by converting goods into financial instruments that favour the beneficiaries of rents, called rentier bias. Taxation in its contemporary formats became part of a social compact in now-rich countries that enjoyed the so-called “employment age” after the Second World War.

Lawyer and author James Robertson handily summarised today's change: “The social compact of the employment age is now breaking down. The time is passing when the great majority of citizens, excluded from access to land and other means of production and from their share of common resources and values, could nevertheless depend on employers to provide them with adequate incomes in exchange for work, and on the state for special benefit payments to see them through exceptional periods of unemployment.

появившегося в эпоху занятости. Проходит то время, когда подавляющее большинство граждан, лишенных доступа к земле и другим средствам производства и к своей доле в общих ресурсах и ценностях, могли, тем не менее, полагаться на своих работодателей, дающих им адекватные доходы в обмен на работу, и на государство, выплачивающее специальные пособия, чтобы пережить исключительные периоды безработицы. Новый общественный договор побудит всех граждан взять на себя большую ответственность за себя и за свой вклад в жизнь общества. В обмен на это будет признано их право на долю в стоимости «общего достояния», что позволит им стать менее зависимыми, чем сегодня, от крупного бизнеса и больших финансов, от работодателей и государственных чиновников».

С послевоенных времен произошли значительные изменения. Проект Earth4All должен создать новые структуры занятости и налогообложения, оставив в прошлом устаревшие модели мышления. Также необходимо разоблачить мифологию прогресса и его измерения, которая также является пережитком середины XX века. Не случайно Уолт Уитмен Ростоу для своей основополагающей работы «Стадии экономического роста» выбрал подзаголовок «Некоммунистический манифест», что отражает геополитику того времени и беспокойство по поводу того, какая экономическая система может производить больше.

Экономист Герман Дейли давно заметил, что увеличение предложения за счет добычи ресурсов или повышения производительности труда, увеличения занятости или расширения масштабов производства позволяет обществу отложить ответы на вопросы распределения и управления спросом. Даже если рост, ориентированный на предложение, ведет к неравенству, можно так или иначе указать на рост доходов. Людям могло казаться, что они выигрывают гонку.

Однако это было не так для планеты и мирового сообщества в целом. В конечном счете, не были даже достигнуты обещанные цели роста, так как все упиралось в рост долга, а не производства (см. врезку). Этот рост стал жестоким, но эффективным средством паразитического увеличения богатства состоятельных людей за счет сочетания расходов на обслуживание долга, уязвимость положения рабочего класса и стагнации заработной платы. Поскольку валовой национальный продукт (ВНП) продолжал расти, а политики продолжали ценить эту прямолинейную метрику, ситуация все еще напоминала прогресс.

Доказательства потрясают: на Западе финансировалась рентная экономика, которая вращается вокруг обладания существующей собственностью, а не вокруг промышленной или производственной экономики (Christophers, 2020). Задача классических экономистов конца XVIII и большей части XIX века заключалась в том, чтобы понять эту динамику применительно к землевладельцам, трестам, олигополиям и финансовой системе и предложить альтернативы. Перед Адамом Смитом, Карлом Марксом и Генри Джорджем стоял вопрос, как справиться с рантье. Отсюда и долгая

A new social compact will encourage all citizens to take greater responsibility for themselves and their contribution to society. In exchange, it will recognize their right to share in the value of the 'commons', enabling them to become less dependent than they are today on big business and big finance, on employers, and on officials of the state."

Significant change has occurred since the post-war period. Earth4All should embrace new structures for employment and tax, leaving behind outdated modes of thought. Equally, the mythology of progress and how it is measured needs exposing, since it is another relic of the mid-20th century. Indeed, the seminal work on growth *The Stages of Economic Growth* by W. W. Rostow was subtitled *A non-communist manifesto*, reflecting the geopolitics of the time and anxieties over which economic system could produce more.

Economist Herman Daly pointed out long ago that greater supply through resource extraction or improved productivity, employment or manufacturing at scale allows a society to postpone answering the questions of distribution and demand management. Even if supply-focused growth caused inequality, people could still point to rising incomes. Individuals could all feel like they were winning the race, as it were.

However, the planet and the global community were not. Eventually growth was not even doing what it promised as it became anchored in the growth of debt not production (see Box). It became a cruel but effective means of growing the wealth of the better-off parasitically through a combination of debt overheads, labour precarity and stagnant wages. Because gross national product (GNP) continued to grow, and policymakers continued to value this blunt metric, it still smelt like progress.

The evidence is overwhelming that Western economies have a financialised rentier economy that revolves around ownership of existing properties rather than an industrial or productive economy (Christophers, 2020). It was the task of classical economists in the late 18th century and much of the 19th century to understand this dynamic as it applied to landowners, trusts, oligopolies and the financial system and to suggest alternatives. Adam Smith, Karl Marx and Henry George all addressed the problem of how to deal with the rentier. Hence the long history of proposals to clamp down on rent-seeking actors, break up monopolies and use the money raised to increase economic security and wellbeing or to offset the effects of poverty (Chu, 2021).

история предложений, направленных на пресечение деятельности субъектов, стремящихся к получению ренты, на разрушение монополий и использование полученных средств для повышения экономической безопасности и благосостояния или компенсации последствий бедности (Chu, 2021).

РОСТ ВВП, ПОСТРОЕННЫЙ НА ДОЛГЕ ВМЕСТО ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ

Экономист и финансовый аналитик с Уолл-стрит Майкл Хадсон пишет³: «Создание богатства» за счет долговых инструментов — то есть инфляция цен на активы — прославлялось как постиндустриальная экономика, как положительный и естественный ход эволюции. В действительности же это возврат к экономике рантье и даже к неофеодализму. Санация банков после кризиса 2008 года привела к тому, что новая элита рантье стала властвовать в XXI веке, за счет того, что большинство доходов с 1980 года достались одному проценту — в основном финансовому сектору, а не 99%».

ДИВИДЕНДЫ НА ОБЩЕЕ ДОСТОЯНИЕ

«Ограждение общего достояния» — исторический термин из английского землевладения — создает условия для получения экономической ренты и должен быть компенсирован, как мы утверждали в книге «Земля для всех». Очевидно, что работники заслуживают своей доли, помимо заработной платы, возможно, в виде дивидендов и прироста капитала. Население в целом также заслуживает своей доли: мы все являемся совладельцами глобального общего достояния. Как общество, мы могли бы взимать плату за право доступа к глобальным товарам и затем направлять ее в фонд общего пользования или фонд благосостояния граждан, управляемый отдельно от правительства. Экономисты называют такой подход к учету затрат на использование глобальных или общих благ подходом, основанным на сборах и дивидендах. Такой подход способствует более рациональному использованию общего достояния. Он также позволяет удовлетворить основные потребности людей.

В этом и заключается суть подходов, основанных на сборах и дивидендах: замкнуть контур прав собственности и распределить излишки между совладельцами. В данной работе основное внимание уделяется углеродному сбору/дивидендам — не потому что это какой-то особый случай или полноценное решение, а потому что он демонстрирует, какой потенциал может иметь принцип сборов и дивидендов, если его правильно продумать и применить для текущего времени и обстоятельств. Если нам нужен новый «общественный договор», как утверждает Джеймс Робертсон, то вот его основа.

Потенциал налогообложения добычи ресурсов или отходов был тщательно изучен. В октябре 2021 года Центр климатических и энергетических решений⁴ перечислил 35 программ налогообложения углеродных выбросов по всему миру. В Швеции такая

GNP GROWTH CONSTRUCTED ON DEBT INSTEAD OF PRODUCTIVITY

Economist and Wall Street financial analyst Michael Hudson writes³: “Wealth creation’ by debt leveraging — that is, asset-price inflation — was celebrated as a post-industrial economy, as if this were a positive and natural evolution. But in reality it is a lapse back into a rentier economy, and even into a kind of neofeudalism. The post-2008 bailouts have vested a new rentier elite to lord it over the 21st century, thanks to the fact that most gains since 1980 have gone to the 1% — mainly the financial sector, not to the 99%.”

A DIVIDEND ON THE COMMONS

The “enclosure of the commons”, a historic term from English landownership, sets the stage for economic rent-seeking and we argued in the Earth for All book that compensation is due. Employees obviously deserve a share, outside of wages, perhaps in the form of dividends and capital gains. The general population also deserves a share: we are all co-owners of global commons. As a society, we could charge fees for the rights to access global goods and then channel them into a commons fund or citizens’ wealth fund, managed at a distance from government. Economists call this a fee/dividend approach to accounting for the cost of using global or common goods. Such an approach encourages a more sustainable use of the commons. It also works to satisfy basic needs.

This then is the essence of fee/dividend proposals: to close the loop on property rights and to distribute the surplus to co-owners. In this paper the focus is mainly a carbon fee/dividend, not because it is somehow a special case or a complete solution, but because it shows potential, if we can think through and reimagine fee/dividends for our own times and circumstances. If we are in search of a new “social compact” as James Robertson argues, then here is the basis of it.

The potential for taxing resource extraction or waste has been thoroughly explored. In October 2021, the Center for Climate and Energy Solutions⁴ listed 35 carbon tax programmes around the world. Sweden has had one since 1991, while South Africa implemented Africa’s first carbon tax in 2019. In some cases, sub-national entities operate them: British Columbia began one in 2008.

³ Hudson, M. (2012). *Productivity, The Miracle of Compound Interest and Poverty*. Retrieved from: <https://michael-hudson.com/2012/04/productivity-the-miracle-of-compound-interest-and-poverty/>. (accessed 09.06.2023)

⁴ C2ES. (2023). *Carbon Tax Basics*. Retrieved from: [https://www.c2es.org/content/carbon-tax-basics/#:~:text=As%2520of%25202021%252C%252035%2520carbon](https://www.c2es.org/content/carbon-tax-basics/#:~:text=As%2520of%25202021%252C%252035%2520carbon.). (accessed 09.06.2023).

программа действует с 1991 года, а в Южно-Африканской Республике углеродный налог появился в 2019 году — впервые на Африканском континенте. В отдельных случаях этими программами управляют субнациональные образования: Британская Колумбия (канадская провинция) приступила к реализации такой программы в 2008 году.

Данные программы предполагают, что введение экологического налогообложения приведет к корректировке экономики с помощью рыночных механизмов, и что правительства могут использовать такие сборы для повышения социального благосостояния в той или иной форме. В реальности результаты различаются так же сильно, как и соответствующие политики. Трудности экологического налогообложения во многом связаны с его непропорциональным воздействием на меньшинства (Bubna-Litic, 2012) и бедные слои населения, которые тратят большую часть своих доходов на энергию. Лоббирование против этих инициатив⁵ со стороны монополий также исказило их.

Хотя подобные подходы к экологическому налогообложению существуют уже 30 лет, писатель и автор книги «Аргументация углеродных дивидендов» Джеймс К. Бойс считает, что система, основанная на сборах и дивидендах, является наиболее приемлемым, прозрачным, предсказуемым и эффективным методом (см. также Barnes, 2021).

Одной из привлекательных сторон подхода, основанного на сборах и дивидендах, является то, что эти дивиденды идут непосредственно на пользу граждан. Такой подход знаменует экономическую и экологическую справедливость в одном лице. Он также прост для понимания.

*Климатолог Кевин Андерсон, комментируя свою статью, опубликованную в 2020 году⁶ в журнале *Climate Policy*, пишет: «В глобальном масштабе 10% самых богатых несут ответственность за половину всех выбросов... Если с помощью нормативных актов заставить эти 10% сократить выбросы до уровня среднего жителя ЕС, в то время как остальные 90% никак не меняют свой образ жизни, общие выбросы уже сократились бы на треть. Если бы мы серьезно взялись за этот кризис, мы могли бы добиться такого результата за год — а с максимальной серьезностью и за месяц, но пока мы этого не делаем, наши выбросы продолжают расти».*

Именно эту проблему неравенства решает подход, основанный на сборах и дивидендах, позволяющий четко определить, кто платит, а кто получает поддержку. Кстати, подход, основанный на сборах и дивидендах, подходит также для решения других форм неравенства и экологических вызовов. Например, он может

These programmes assume that the economy would adjust after eco-taxation through marketbased mechanisms and that governments could use the taxes to add to social welfare in some form. In reality, outcomes vary as much as the policies diverge from each other. Eco-taxation has struggled in large part due to its disproportionate impact on, minorities (Bubna-Litic, 2012) and the poor who spend a greater fraction of their incomes on energy. Special interest lobbying against these initiatives⁵ has also distorted them.

Although there have been 30 years of such eco-taxation approaches, writer and author of *The Case for Carbon Dividends* James K. Boyce plumps for a fee and dividend as being the most acceptable, transparent, predictable and effective (see also Barnes, 2021).

One of the attractions of the fee/dividend approach is that dividends cycle straight back to citizens. It is economic justice and environmental justice rolled into one. It is also easy to understand.

*Climate scientist Kevin Anderson, commenting on his 2020 piece⁶ in the journal *Climate Policy*, writes: “Globally the wealthiest 10% are responsible for half of all emissions ... If regulations forced the top 10% to cut their emissions to the level of the average EU citizen, and the other 90% made no change in their lifestyles, that would still cut total emissions by a third. If we were serious about this crisis we could do this in a year — if we were really serious we could do it in a month, but we are not and our emissions just keep rising.”*

It is this same concern with inequality that a fee/dividend approach addresses, making it clear who pays and who is supported. Incidentally, fees and dividends have a broad potential to tackle other forms of inequality and environmental challenges. For instance, the same approach could ensure that those suffering the worst effects of pollution receive adequate compensation from polluters, as in the case of an oil spill. Or it could encourage sustainable harvests of fisheries.

Charging fees on returns to property and redistributing them suits today's economy because it is a turn of the dial focused on demand management and distribution rather than production and income. Nobel Prize-winning economist Joseph Stiglitz argues for applying the idea to land ownership: “A tax on the return to land, and even more so, on the capital gains from land, would reduce inequality and, by encouraging more investment into real capital, actually enhance growth.”

⁵ Holden, E. (2020). *How the oil industry has spent billions to control the climate change conversation*. 08.01.2020. *TheGuardian.com*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/business/2020/jan/08/oil-companies-climate-crisis-pr-spending>. (accessed 09.06.2023).

⁶ Taylor, M. (2020). *Government climate advisers running scared of change, says leading scientist*. 26.06.2020. *TheGuardian.com*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/environment/2020/jun/26/leading-scientist-criticises-uk-over-its-climate-record>. (accessed 09.06.2023).

гарантировать, что лица, максимально пострадавшие от последствий загрязнения, получат адекватную компенсацию от загрязнителей, как в случае разлива нефти. Или же он может стимулировать экологически рациональное рыболовство.

Взимание платы с доходов от собственности и их перераспределение подходит сегодняшней экономике, поскольку это изменение, направленное на управление спросом и распределением, а не на производство и доходы. Лауреат Нобелевской премии экономист Джозеф Стиглиц выступает за применение этой идеи к владению землей: «Налог на доходы от земли и, тем более, на прирост капитала от земли уменьшил бы неравенство и, стимулируя увеличение инвестиций в реальный капитал, фактически усилил бы экономический рост».

Стиглиц приписывает эту идею Генри Джорджу, влиятельному журналисту, ставшему экономистом, который привел аналогичные аргументы в своей книге «Прогресс и бедность», изданной в 1879 году. Главный принцип заключался в преследовании ран-

Одной из привлекательных сторон подхода, основанного на сборах и дивидендах, является то, что эти дивиденды идут непосредственно на пользу граждан.

тве, в частности, владельцев городской недвижимости. Джордж предложил иной взгляд на фундаментализм свободного рынка или социализм как на средство подрыва или перехвата экономической ренты. Фундаментализм свободного рынка использует для этого дополнительную конкуренцию; социализм же прибегает к конфискации государством. Он также выступал за отмену налогов с труда и с прибыли от производства.

Существует много вариантов применения базового понятия циркуляции экономической ренты, и некоторые сомневаются в обоснованности циркуляции средств через учреждение, отделенное от общего налогового фонда. Тем не менее, этот подход был реализован Постоянным фондом Аляски, государственным пенсионным фондом Норвегии, благотворительным фондом Шетландских островов и другими. Некоторые из этих учреждений в конечном итоге потеряли свою политическую независимость, или у них закончились средства. Тем не менее, их опыт нельзя назвать фатальным для идеи подхода, основанного на сборах и дивидендах; напротив, успешные примеры показывают, что его применение может быть практичным и долговечным⁷ (Standing, 2019),

⁷ Bollier, D. (2019). *Guy Standing's 'Plunder of the Commons'*. 11.12.2019. *Resilience*. Retrieved from: <https://www.resilience.org/stories/2019-12-11/guy-standings-plunder-of-the-commons/>. (accessed 09.06.2023).

Stiglitz credits the idea to Henry George, an influential journalist turned economist who made similar arguments in his 1879 book *Progress and Poverty*. The key was to chase the rentier, in particular the owner of urban property. George offered a different perspective to either free market fundamentalism or socialism as a means of undermining or capturing economic rents. Free market fundamentalism tries this through additional competition; socialism does it through confiscation by the state. He also favoured removing taxes from labour and from the profits of production.

There are many routes around the basic notion of circulating economic rents, and for some there is hesitancy around the notion of cycling funds through an institution at a degree of separation from the general tax fund. But it has been done: by the Alaska Permanent Fund, the Norwegian Government Pension Fund, the

One of the attractions of the fee/dividend approach is that dividends cycle straight back to citizens.

Shetland Charitable Trust and others. Some of those institutions eventually lost their political independence or ran out of funds. Yet their experiences are far from being fatal to the idea of a fee/dividend model; instead, the successful cases show how it can be practical and enduring⁷ (Standing, 2019), which is necessary to give legitimacy to the whole exercise. How funding is managed depends on what type of commons and enclosure is being addressed.

Guy Standing, an economist specialising in labour issues, has written in depth on the commons and what he prefers to call "basic income". He has worked across low- and middle-income countries to research how basic income fits a contemporary society and its challenges (Standing, 2019). Standing lists three kinds of commons around which fees might be recovered:

- Exhaustible commons: minerals, metals, fossil fuels (non-renewable) treated as capital assets. The beneficiaries receive the income generated from investments of those funds.
- Replenishable commons: forests, soils, fisheries where funds are put aside to cover capital maintenance and the benefits are from

что необходимо для придания легитимности всему мероприятию. Способ управления финансированием зависит от того, какой тип общих благ и ограждений рассматривается.

Гай Стэндинг, экономист, специализирующийся на вопросах труда, подробно описывал общие блага и то, что он предпочитает называть «базовым доходом». Он работал в странах с низким и средним уровнем доходов, исследуя возможности вписывания базового дохода в современное общество и его вызовы (Standing, 2019). Стэндинг перечисляет три вида общего достояния, с которого могут взиматься сборы:

- Невозобновляемые общие ресурсы: минералы, металлы, ископаемое (невозобновляемое) топливо рассматриваются как капитальные активы. Бенефициары получают доход от инвестиций в данные ресурсы.
- Возобновляемые общие ресурсы: леса, почвы, рыболовство, где средства откладываются для покрытия расходов на их содержание, а выгода обеспечивается за счет экологически рационального использования материалов и предоставляемых услуг.
- Неисчерпаемые общие ресурсы: такие как воздух, вода, идеи. Правительства могут взимать сборы исходя из текущего распределения таких ресурсов.

Поскольку управление соответствующими фондами не менее важно, чем источник доходов и их бенефициары, Стэндинг утверждает, что их деятельность должна следовать трем простым правилам. Первое правило — принцип предосторожности — инвестиции фонда не должны быть проблемными с социальной или экологической точки зрения и должны быть направлены на регенерацию и восстановление ресурсов. Далее следует принцип общественного доверия, согласно которому ресурсы сохраняются для общественного пользования, и правительство должно защищать и поддерживать их. Для постоянно действующих фондов основополагающими являются обязательства по поддержанию их целостности. И наконец, правило Хартвика заключается в том, что рента от невозобновляемых ресурсов должна распределяться с учетом интересов будущих поколений, чтобы не ухудшить положение наших потомков.

Исследование Гая Стэндинга показало, что степень финансовой автономии является мощным движущим фактором эмансипации. Аналогичным образом, исследование Сарата Давала в индийском штате Мадхья-Прадеш продемонстрировало значительное улучшение показателей здоровья, питания, экономической активности, школьной посещаемости и успеваемости — в первую очередь среди женщин и девочек. Это произошло в результате предоставления скромного базового дохода в течение 18 месяцев группе из 6000 человек (Davalá et al., 2015; UNESCO, 2021).

КАКОВА МОЯ ДОЛЯ?

Обычно это второй вопрос после «Что такое подход, основанный на сборах и дивидендах?» Ответ, разумеется, зависит от конкретной

the sustainable use of materials and services provided.

- Non-exhaustible commons: such as air, water, ideas. Governments can charge levies for available current distribution.

Since the governance of such funds is as important as the target source and the beneficiaries, Standing argues that three clear rules should guide the activity. The first is the Precautionary Principle — investments by the fund are not problematical in social or environmental terms and should be regenerative and restorative. Next is the Public Trust Principle whereby resources are preserved for public use, and the government must protect and maintain these. If it is a permanent fund, then obligations to maintain its integrity are central. Last is Hartwick's rule, that investment of resource rents from non-renewables should provide intergenerational equity so that future generations are not worse off.

Guy Standing's research revealed that a degree of financial autonomy was a powerful driver for broader emancipation. Similarly, research in Madhya Pradesh by Sarath Davala showed that women and girls' health, nutrition, economic activity and school attendance and performance improved more than in men and boys when a modest basic income was given to 6,000 people over 18 months⁸ (Davalá et al., 2015; UNESCO, 2021).

WHAT'S MY SHARE?

This is usually the second question, after "What is a fee/dividend approach?". The answer is that it depends. It also depends on the goal of the fee/dividend intervention. For some a basic dividend is about supplementing income without resorting to means testing. For others a basic dividend is a way to replace welfare or allow lower wages. The latter options are just shuffling the deck, and usually for ideological reasons: to reduce government expenditure and influence in the welfare system or to subsidise employers or perhaps discipline labour to accept whatever jobs are available. For some, by contrast, the very strength of a reasonable basic dividend is around more autonomy, such as being able to say no to the worst-paying jobs or working conditions or to negotiate for improvement. This is especially true for women and disadvantaged groups.

There is also the scope of the fee dividend. Limiting fees/dividends to carbon is a lot less than one on, say, financial infrastructure and transactions and land value. Economist Peter Barnes predicted⁹ that an expanded, but still limited fee/dividend approach would eventually be worth US\$5,000 a year per individual.

However, if we look back at the first income tax in the United States in the early years of the 20th century, it was designed to catch the very high earners — the beneficiaries from

ситуации. Он также зависит от целей конкретного проекта, использующего данный подход. Кто-то реализует механизм дивидендов как безусловные дополнительные выплаты, без анализа имеющихся доходов. Для других базовые дивиденды — это замена социальных пособий или способ снижения общего уровня заработной платы. Последние варианты — всего лишь переливание из пустого в порожнее, как правило, по идеологическим причинам: с целью уменьшить влияние и расходы государства в системе социального обеспечения, или с целью субсидировать работодателей, либо дисциплинировать работников, чтобы те соглашались на любую работу. Для некоторых, напротив, сила разумных базовых дивидендов заключается в большей самостоятельности, например, в возможности сказать «нет» худшей работе или условиям труда или вести переговоры об их улучшении. Это особенно актуально для женщин и социально незащищенных групп населения.

Далее возникает вопрос размера социальных дивидендов. «Углеродные» сборы/дивиденды намного меньше подвержены ограничениям, чем, скажем, сборы на финансовую инфраструктуру и операции или на стоимость земли. Как предсказал экономист Питер Барнс⁸, расширение подхода с использованием сборов и дивидендов, но без полного отказа от ограничений, в конечном итоге будет приносить 5 000 долларов США в год на человека.

Однако, здесь уместно вспомнить первый подоходный налог в США, введенный в начале XX века. Он был направлен как раз на очень богатых людей — бенефициаров от владения акциями и долями. Затем федеральное правительство и правительства штатов начали расширять его применение, до тех пор, пока со временем он не распространился на лиц со средними доходами. В результате сегодня поступления в бюджет по этому налогу от наемных работников превышают поступления от рэнтье, получающих дивиденды от акций и долей. Мораль заключается в том, что любой фискальный инструмент, включая социальные сборы и дивиденды, может быть отменен или направлен на другие цели. В конечном итоге все упирается в политику.

ДИВИДЕНДЫ В РЕАЛЬНОМ МИРЕ?

Предложенный в 2021 году в США проект Закона об энергетических инновациях и углеродных дивидендах (EICDA) содержит три основных компонента:

- Постепенно растущий сбор за выбросы углекислого газа
- Углеродные дивиденды, или компенсация домохозяйствам
- Пограничная углеродная поправка

В этом законопроекте ставка дивидендов начинается от \$15 за тонну и ежегодно повышается на 10 долларов.

Ожидается, что сборы за выбросы углекислого газа согласно EICDA составят более 1 триллиона долларов за первые восемь лет,

owning stocks and shares. The federal and state governments then expanded it over time down the income scale until it fell on average earners. It raises more from wage earners than rentiers receiving corporate dividends from shareholding. The moral is that any fiscal instrument, including fee/dividends, can be diverted or disempowered. Politics decides in the end.

A REAL-WORLD DIVIDEND?

The proposed 2021 US Energy Innovation and Carbon Dividend Act (EICDA) has three pillars:

- A gradually rising carbon fee
- A carbon dividend or rebate to households
- A border carbon adjustment

In this proposal, the dividend starts at \$15 a ton and rises by \$10 every year.

Revenues from the EICDA carbon fee would total over \$1 trillion in the first eight years, Forbes reports¹⁰. EICDA would pay over 98% of those revenues as a monthly payment to households. A family of two adults and two children might expect \$790 the first year. Because the fee rises every year, that sum would reach nearly \$3,500 after a decade. Analysts estimate that two thirds of households would break even or come out ahead financially compared with business as usual. Because businesses would find ways to reduce their carbon pollution to avoid the fee, the United States' carbon footprint could fall by 50% by 2030, which would put it on track for net zero by 2050.

Economist Paul Segal argues that governments in developing countries should distribute rents due on their natural resources directly to all citizens as an unconditional cash transfer. Such a program would provide incentives for people to register with the fiscal system, strengthen state capacity, help ameliorate the institutional causes of the resource curse, and reduce corruption. ...Most importantly, Segal highlights the considerable impact that a social dividend derived from resource rents could have¹¹ on extreme levels of human deprivation. According to his calculations, this measure alone could halve global poverty if implemented internationally by all developing countries, and he concludes that the scheme “would be easier to implement than most existing social policies”.

That's a bold claim but something is beginning to coalesce around structured fee/dividends and a commons or citizens' wealth fund. As economist Alanna Hartzok puts it in Financing Planet Management (1994), “The fundamental human right which now needs to be affirmed is this — the Earth is the birthright of all people.” At heart it is about doing the right thing. Guy Standing agrees that ethical considerations are key to achieving social progress within environmental boundaries.

⁸ Ranalli, B. (2019). Peter Barnes: With Liberty and Dividends for All. How to Save Our Middle Class When Jobs Don't Pay Enough. *Basic Income Studies*, 14(2). <https://doi.org/10.1515/bis-2019-0018>

сообщает «Форбс»⁹. Более 98% из этих доходов будут выплачиваться домохозяйствам в виде ежемесячных платежей. Семья из двух взрослых и двух детей может рассчитывать на 790 долларов в первый год. Поскольку сбор увеличивается ежегодно, через десять лет эта сумма достигнет почти 3 500 долларов США. По оценкам аналитиков, две трети домохозяйств достигнут уровня безубыточности или даже выигрют в финансовом плане, по сравнению с текущей ситуацией. Поскольку предприятия будут заинтересованы в сокращении выбросов углекислого газа, чтобы избежать лишних расходов, к 2030 году углеродный след США может сократиться на 50%, а к 2050 году — достичь нулевого уровня.

Экономист Пол Сигал утверждает, что правительства развивающихся стран должны распределять ренту от природных ресурсов непосредственно среди всех граждан в порядке безусловной переда-

Подход, основанный на сборах и дивидендах, хорошо подходит миру, который нуждается в новом социальном договоре, способном изменить к лучшему основные экологические проблемы.

чи денежных средств. Такая программа будет стимулировать людей регистрироваться в фискальной системе, укрепит потенциал государства, поможет устранить институциональные причины «ресурсного проклятия» и снизить уровень коррупции. ...И самое главное, подчеркивает Сигал — это тот факт, что социальные дивиденды, получаемые от ресурсной ренты, могут оказать значительное влияние¹⁰ на крайние уровни человеческой бедности. По его расчетам, одна только эта мера может вдвое сократить бедность в глобальном масштабе, если она будет реализована на международном уровне всеми развивающимися странами, и он заключает, что эту схему «будет легче реализовать, чем большинство существующих социальных политик».

Это смелое заявление, но наконец идея структурированных сборов/дивидендов фонда общего или гражданского благосостояния сдвинулась с мертвой точки. Как выразилась экономист Аланна Хартзок в книге «Финансирование управления планетой» (1994),

⁹ Cumbers, J. (2021). *This Climate Bill Would Actually Send Checks To Americans. Can It Help Save The Planet And Grow Our Economy?* 03.08.2021. *Forbes*. Retrieved from: <https://www.forbes.com/sites/johncumbers/2021/08/03/this-climate-bill-would-actually-send-checks-to-americans-can-it-help-save-the-planet-and-grow-our-economy/?sh=47a45a304117>. (accessed 09.06.2023).

¹⁰ Makwana, R. *From Basic Income To Social Dividend*. Citizen Network Research. Retrieved from: <https://citizen-network.org/library/from-basic-income-to-social-dividend.html>. (accessed 09.06.2023).

CONCLUSION

A fee/dividend approach is a good match with a world looking for a different and much better social compact, and one that can make a difference to key environmental challenges. Michael Hudson claimed in a 2000 speech¹² to the Communist Party of Cuba that the approach begins to redress excesses of globalisation and financialisation by providing a counter-strategy: “There is one Achilles heel in the globalists’ strategy, an option that remains open to governments. This option is a tax on the rental income — the ‘unearned income’ — of land, natural resources and monopoly takings.”

Rather than try to answer the question “What is it worth in money terms?”, we should view a fee/dividend approach mediated by a citizens’ fund as a way to leverage real impact on a range of key issues. Such a system can be expanded over time or adjusted according to experience. It does good work by being a structural approach

A fee/dividend approach is a good match with a world looking for a different and much better social compact, and one that can make a difference to key environmental challenges.

to money stocks and flows, made much easier by recent digital development, and one that is transparent and fair. To conclude, the fee/dividend system proposed in this paper could have a positive impact in all of the following ways:

- Equity: it goes to every individual
- The environment: it accounts for non-renewable resources and incentivises greener practices
- Empowerment: especially for women
- State capacity: it brings people into the tax system
- Eradicating poverty: it supplements incomes of the most vulnerable
- Employment: better conditions, especially for the self-employed, and reskilling opportunities
- Autonomy: it gives people the ability to say no to the least attractive jobs
- Combating corruption: funds are not so easily diverted

What’s not to like?

«фундаментальное право человека, которое сейчас необходимо подтвердить, заключается в следующем: Земля — это право первородства всех людей». По сути, речь идет о простых правильных поступках. Гай Стэндинг согласен с тем, что этические соображения являются ключом к достижению социального прогресса в экологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подход, основанный на сборах и дивидендах, хорошо подходит миру, который нуждается в новом, гораздо более эффективном социальном договоре, способном изменить к лучшему основные экологические проблемы. Майкл Хадсон утверждал в своей речи 2000 года¹¹ перед Коммунистической партией Кубы, что этот подход начинает исправлять эксцессы глобализации и финансиации, предоставляя встречную стратегию: «В стратегии глобалистов есть одна ахиллесова пята — и этот вариант пока остается открытым для правительств. Он представляет собой налог на ренту — «нетрудовые доходы» — от земли, природных ресурсов и монопольных владений».

Вместо того чтобы пытаться ответить на вопрос «Сколько это стоит в денежном выражении?», мы должны рассматривать подход, основанный на сборах и дивидендах при посредничестве гражданского фонда, как способ оказать реальное воздействие на ряд ключевых проблем. Такая система может быть расширена со временем или скорректирована в соответствии с опытом. Она отлично работает, представляя собой структурный подход к денежным запасам и потокам, значительно упрощенный благодаря развитию цифровых технологий, а также является прозрачным и справедливым методом. В заключение следует отметить, что система сборов и дивидендов, предложенная в данной статье, может оказать положительное влияние всеми нижеперечисленными способами:

- Равенство: она работает на благо каждого человека
- Экология: она учитывает использование невозобновляемых ресурсов и стимулирует более экологичные методы хозяйствования
- Расширение прав и возможностей: особенно для женщин
- Возможности государства: она поощряет «выход из тени» в налоговой системе
- Искоренение бедности: дополняет доходы наиболее уязвимых слоев населения
- Занятость: улучшение условий, особенно для самозанятых, и возможности профессиональной переподготовки
- Автономия: она дает людям возможность отказываться от наименее привлекательной работы
- Борьба с коррупцией: средства не так легко перенаправить на другие цели

Кому такое не понравится?

¹¹ Hudson, M. (2000). *Speech to the Communist Party of Cuba*. Retrieved from: <https://michael-hudson.com/2000/01/speech-to-the-communist-party-of-cuba/>. (accessed 09.06.2023).

REFERENCES

1. Barnes, P. (2021). *Ours: The Case for Universal Property*. John Wiley & Sons.
2. Boyce, J. K. (2019). *The case for carbon dividends*. John Wiley & Sons.
3. Bubna-Litic, K., & Chalifour, N. J. (2012). *Are Climate Change Policies Fair to Vulnerable Communities-The Impact of British Columbia's Carbon Tax and Australia's Carbon Pricing Policy on Indigenous Communities*. *Dalhousie LJ*, 35, 127.
4. Christophers, B. (2020). *Rentier capitalism: Who owns the economy, and who pays for it?* Verso Books.
5. Che, S., Kumar, R. R., & Stauvermann, P. J. (2021). *Taxation of land and economic growth*. *Economies*, 9(2), 61.
6. Davala, S., Jhabvala, R., Standing, G., & Mehta, S. K. (2015). *Basic income: A transformative policy for India* (p. 240). Bloomsbury Academic.
7. George, H. (1879). *Progress and Poverty: An Inquiry Into the Cause of Industrial Depressions, and of Increase of Want with Increase of Wealth*. The Remedy. D. Appleton.
8. Hartzok, A. (1994). *Financing Planet Management: Sovereignty, World Order and the Earth Rights Imperative*. Robert Schalkenbach Foundation.
9. Rostow, W. W. (1990). *The stages of economic growth: A non-communist manifesto*. Cambridge university press.
10. Segal, P. (2011). *Resource rents, redistribution, and halving global poverty: The resource dividend*. *World Development*, 39(4), 475-489.
11. Standing, G. (2016). *The corruption of capitalism: Why rentiers thrive and work does not pay*. Biteback Publishing.
12. Standing, G. (2019). *Plunder of the commons: A manifesto for sharing public wealth*. Penguin UK.
13. Stiglitz, J. E. (2015). *Rewriting the rules of the American economy: An agenda for growth and shared prosperity*. WW Norton & Company.
14. UNESCO. (2021). *Basic income — on data and policy*. Retrieved from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380169>.

Люди и бюджет:

что ждет в будущем гражданские финансы?

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-51-66-70

People and the Budget:

What Does the Future Hold for Civil Finance?

Может ли общество обходиться без участия государства в процессе управления государственным и муниципальным бюджетом, а также собственными средствами? Что такое «гражданские финансы» и как с ними связано партисипаторное бюджетирование? Разбираемся в нашем материале.

Can the society forgo the state participation of the state in the management of state and municipal budgets, or its own funds? What is “civil finance” and how is it related to participatory budgeting? We are about to find out in this material.

Ирина Лактюшина
Журналист, координатор
программ Impact Hub
Moscow

Irina Laktyushina
Journalist, program
coordinator,
Impact Hub Moscow

ГРАЖДАНСКИЕ ФИНАНСЫ И ГОСУДАРСТВО

Объединение граждан в различных формах самоорганизации вне государственного регулирования является важным компонентом экономического развития любой территории, будь то город, поселок или деревня. Зачастую это становится причиной зарождения специфических финансовых инструментов, которые можно охарактеризовать как проявления неформальной экономики. И в будущем такие практики будут иметь все большее распространение, а люди все чаще начнут обходиться без государства в целом ряде финансовых вопросов, считают специалисты Центра инициативного бюджетирования Научно-исследовательского финансового института (НИФИ) Министерства финансов РФ.

С этим процессом неразрывно связан термин «гражданские финансы», который ввели в оборот эксперты НИФИ. Как отмечает руководитель Центра инициативного бюджетирования *Владимир Вагин*, этим понятием можно описать те случаи, когда люди сами поддерживают какие-то проекты, чаще всего в цифровом виде, например через краудфандинговые платформы. К этому можно отнести и другие формы народного финансирования, в частности узбекистанский гап.

Гап — это собрание людей, объединенных доверием друг другу, часто бывших однокурсников или одноклассников, которые собираются вместе, чтобы поговорить о каких-то проблемах и собрать средства на их решение. Деньги в таком случае аккумулирует у себя один из сидящих за столом, эти денежные отношения никаким образом не регламентируются государством, а основываются на доверии и нормах, которые сложились между участниками гапа.

И в случае гапа, и в формате, например, краудфандинга, люди не спрашивают ни у кого разрешение на финансирование какого-либо проекта и, тем более, не просят средства у государства. Более того, они даже готовы платить краудфандинговой платформе комиссию. Но почему люди дают собственные деньги на проекты часто вовсе не известных им людей или софинансируют проекты в формате партисипаторного или, в случае с Россией, инициативного бюджетирования?

«Мы видим граждан не только получателями государственных услуг, но и людьми, которые являются участниками формирования этого запроса. Рано или поздно мы придем к тому, что без создания условий для повсеместного участия в государственном управлении и финансовых вопросах, это самое государственное управление потеряет свою эффективность. И это не наш локальный вывод, а общемировой тренд, — рассказывает Вагин. — Люди хотят участвовать в государственном и муниципальном управлении не только в политических формах, когда они, например, могут избираться депутатами. Нет, они хотят быть непосредственными участниками всех процессов, например, меняя свой город или поселок с помощью инициативного бюджетирования. И если не обращать внимания на этот тренд, государство начинает терять свою эффективность».

CIVIL FINANCE AND THE STATE

An association of citizens in various organizational forms outside of the government regulation is an important component of the economic development of any territory, be it a city, town or village. These often lead to the development of specific financial instruments, which can be described as manifestations of the informal economy. These practices will become more widespread in the future, and people will increasingly forgo the state in a number of financial matters, according to experts of the Center for Participatory Budgeting of the Financial Research Institute (NIFI) of the Ministry of Finance of the Russian Federation.

Inextricably linked to this process is the term “civil finance,” which was introduced by NIFI experts. *Vladimir Vagin*, head of the Center for Initiative Budgeting, says this concept can describe those cases where people themselves support certain projects, usually in digital form, for example, through crowdfunding platforms. Other forms of crowdfunding, such as the gap in Uzbekistan, can also be attributed to this.

A gap is a gathering of people united by trust in each other, often former school or University classmates, who get together to talk about some problems and raise funds to address them. The money in this arrangement is accumulated by one of the people around the table, and these monetary relations are not regulated by the state in any way, but are based on trust and norms that have developed between the participants in the gap.

In both the case of the gap and in, say, crowdfunding format, the participants do not have to ask anyone's permission to fund any project, much less ask the state for the money. Moreover, they are even willing to pay a commission to the crowdfunding platform. But why do people choose to give their money to projects often run by complete strangers, or co-finance projects in the participatory (or, in the case of Russia, initiative) budgeting format?

“We see the public as not merely recipients of public services, but as the very people taking part in shaping the demand. Sooner or later we will come to the point where public administration will no longer be efficient unless the conditions for universal participation in public administration and in managing financial affairs have been created. This is not just our own conclusion, it is a worldwide trend,” Vladimir Vagin says. “People want to participate in state and municipal governance, not just politically, like being elected as deputies to the Parliament. No, they want to be directly engaged in all the processes; for example, transforming their city or town through initiative budgeting. And if you ignore this trend, the state begins to lose its effectiveness.”

БУДУЩЕЕ УЖЕ БЛИЗКО?

Может ли такая практика, как партисипаторное бюджетирование, зародившись еще в 1989 году в Бразилии, распространиться повсеместно во всем мире? Владимир Вагин считает, что нет: «Невозможно сделать так, чтобы все города и страны во всем мире приняли одну методологию. Иначе это будет какой-то ужасный новый мир, который вряд ли нам понравится».

Сейчас партисипаторное бюджетирование — не единственная технология вовлечения сообщества в принятие решений в сфере государственного и муниципального управления. «Безусловно, нужна конкуренция между разными технологиями. Нельзя сказать: «Все, теперь технология будет только одна, вот эта. Все ее внедряем и движемся к благополучному будущему». Мы не такие наивные люди и прекрасно понимаем, что только в конкуренции идей и методологий может складываться лучшая модель», — говорит Вагин.

Ярким примером того, что не всем странам нужна такая технология, является Германия. В этой стране также существует партисипаторное бюджетирование, однако им на локальном уровне занимаются НКО и активисты, оставаясь на периферии в системе государственного управления. Этому есть объяснение: Германия несколько сотен лет создавала систему сбалансированного федеративного представительства и в итоге добилась внедрения модели, при которой средства бюджета расходуются эффективно, в том числе на проекты, которые выдвигают сами граждане.

Есть и обратные примеры. Так, в Узбекистане инициативное бюджетирование появилось всего три года назад, а в этом году на открытое голосование было выдвинуто уже более 66 тыс. проектных идей. В выборе проектов приняли участие свыше 15 млн человек при общем населении страны в 35 млн человек. Такой успех, в том числе обусловлен тем, что развитие местного самоуправления в Узбекистане идет по традиционному пути — с помощью махаллей, которые можно назвать поселенческими комитетами. Они не являются частью государственной власти, но при этом распространены повсеместно.

«Инициативное бюджетирование в Узбекистане оказалось чрезвычайно востребованным инструментом общественных финансов. Эта технология позволила государству на регулярной конкурсной основе выделять средства на решение тех проблем, которые обсуждаются на уровне махалли, — отмечает Вагин. — То есть успех инициативного бюджетирования не в том, что мы так хорошо обучили коллег этой методике, а в том, что оно оказалось частью общей системы публичной власти».

Кроме того, в Узбекистане за инициативным бюджетированием указом президента закреплено 5% от местных бюджетов и 50% дополнительных доходов местных бюджетов. В России средства на инициативное бюджетирование чаще всего выделяются из региональных и отраслевых госпрограмм.

В России начали создавать собственную методологию партисипаторного бюджетирования в 2015 году, в итоге появился

IS THE FUTURE CLOSE AT HAND?

Can a practice like participatory budgeting, which originated in Brazil in 1989, spread around the world? It cannot, according to Vladimir Vagin: “You can’t make all cities and countries around the world adopt the same methodology. Otherwise it will be some horrible new world that we’re not going to like.”

Today, participatory budgeting is not the only technology for making the community part of the decision-making process in the state and municipal governance. “There certainly has to be competition between all the various technologies. You can’t just say: ‘That’s it, from now on, we are going to use just this one technology. We implement it and we are on the way toward a prosperous future in no time at all.’ We are not this naïve, and we all understand perfectly well that competition between different ideas and methodologies is the way to shape the best model”, Vagin says.

Germany is probably the best proof that not all countries need this technology. While that country does have participatory budgeting, it is handled locally by NGOs and activists, remaining on the periphery of public administration. There is an explanation for this: Germany spent several hundred years building a balanced federal representation system and eventually achieved a model in which budgetary resources are spent efficiently, including on projects put forward by citizens themselves.

There are examples to the contrary as well. For example, initiative budgeting only appeared in Uzbekistan three years ago, and this year more than 66 thousand project ideas have already been put forward for an open vote. Over 15 million people out of the total population of 35 million participated in the project selection process. Among other things, this success is due to the fact that the development of local self-governance in Uzbekistan has followed the traditional path — with the help of mahallas, or village committees. They are not part of the state power, but they are widespread.

“Initiative budgeting in Uzbekistan turned out to be an extremely popular civil financing tool. This technology enabled the state to allocate funds regularly, on a competitive basis, to address the problems raised at the mahalla level,” Vladimir Vagin says. “In other words, the success of initiative budgeting is not because we trained our colleagues in this methodology so well, but because it turned out to be part of the general public authority system.”

In addition, a presidential decree assigned 5% of local budgets and 50% of additional local budget revenues to initiative budgeting in Uzbekistan. In Russia, initiative budgeting funds are most often allocated from regional and industry-specific state programs.

Russia started to build its own participatory budgeting methodology in 2015, eventually coming up with a new term — “initiative

новый термин — инициативное бюджетирование, но в основе обеих сущностей лежит один и тот же принцип — активное участие граждан в процессе решения вопросов местного значения. Зачем же понадобился собственный бренд?

Как рассказывает Владимир Вагин, когда российские специалисты начали разработку, в нескольких регионах уже существовали практики, которые относились к партисипаторному бюджетированию. «Перед нами стояла задача объединить их. Мы выделили пять общих черт у всех практик партисипаторного бюджетирования, присутствовавших в то время в России, и ввели новый термин, ставший потом брендом: инициативное бюджетирование. Он включил уже существующие и новые методики, оказавшись удачным идентификатором для очень разнообразных по своим названиям программ», — говорит эксперт.

БУДЕТ ЛИ РОССИЯ ПОЛНОСТЬЮ ОХВАЧЕНА ИНИЦИАТИВНЫМ БЮДЖЕТИРОВАНИЕМ?

Поступательное развитие инициативного бюджетирования на территории всей России, может быть, не так быстро, но неуклонно осуществляется. При этом, как и в любой системе управления, в ней есть свои ограничения и препятствия. Одно из них Вагин называет неприятием от непонимания. «Многим кажется: «Да как же так? Как неопытные люди будут принимать решения, касающиеся госпрограмм и бюджетных решений?». А они вообще-то уже с 2015 года принимают эти решения, причем повсеместно, — рассказывает эксперт. — Нам же не нужно загружать людей теми задачами, которые они не могут решить. Нужно действовать постепенно, шаг за шагом. Обучая людей азам того, как работает система управления государством и как принимаются бюджетные решения, мы приходим к тому, что люди становятся реальными участниками бюджетного процесса и системы государственного и муниципального управления».

Не все российские регионы применяют инициативное бюджетирование — такой практикой сейчас охвачены 75 субъектов РФ. Для всеобщего покрытия не хватает институционального сопровождения: нужна сеть проектных центров с обученными консультантами, нормативно-правовая база внутри субъектов и муниципалитетов, а также масштабная информационная кампания.

Некоторые регионы просто не считают необходимым применять такой механизм на своей территории. Один из таких городов — Москва. «В Москве считают, что «Активный гражданин», Mos.ru и остальные форматы участия, которые изобретены в столице, в достаточной мере обеспечивают вовлечение граждан. А в Санкт-Петербурге с 2016 года партисипаторное бюджетирование только увеличивается в объемах. Разные города, разные подходы к управлению», — говорит Вагин.

При этом наряду с возможными перспективами масштабирования на всю Россию, существует и объективная опасность

budgeting”, but both concepts are based on the same principle — active public participation in the process of addressing issues of local importance. So why did the country need its own brand?

According to Vladimir Vagin, by the time specialists in Russia began the development, several regions had already established practices similar to participatory budgeting. “It was a challenge bringing these practices together. We identified five common features shared by all the participatory budgeting practices existing in Russia at the time, and introduced a new term that later became a brand: initiative budgeting. It combined pre-existing methodologies and included new ones, proving to be a successful identifier for programs that are very diverse by names,” the expert says.

WILL RUSSIA BE FULLY COVERED BY INITIATIVE BUDGETING?

The progress of initiative budgeting throughout Russia may not be fast, but it is certainly steady. At the same time, like with any management system, it has its limitations and obstacles. One of these is what Vagin calls rejection due to misunderstanding. “Many people think of it this way: ‘How can it be? How can inexperienced people make decisions regarding state programs and decide on budget spending choices?’ Meanwhile, people have been doing this everywhere since 2015”, the expert continues. “We do not need to burden the people with tasks that they cannot solve. You go slowly, step by step. By teaching people the basics of how the public administration system works and how budgetary decisions are made, we eventually arrive at people becoming engaged in the budgetary process and the system of state and municipal governance.

Not all Russian regions use participatory budgeting — this practice is currently present in 75 constituent units of the Russian Federation. Achieving universal coverage would require further institutional support: we would need a network of project centers with trained consultants, a regulatory framework within the subjects and municipalities, and a large-scale information campaign.

Some regions simply do not consider it necessary to implement that kind of a mechanism in their territory. Moscow is one such city. “Moscow believes that things like ‘Active Citizen’, Mos.ru public services portal, and other participation formats that have been invented here ensure sufficient public engagement. Meanwhile in St. Petersburg, participatory budgeting has been growing year after year since 2016. Different cities, different approaches to management,” Vagin says.

However, along with the possible prospects of scaling up to the whole of Russia, there is also an

дискредитации самой идеи инициативного бюджетирования, считает директор Альянса консультантов инициативного бюджетирования *Михаил Шевелёв*.

«У нас страна так устроена, что когда сверху дается распоряжение, но у людей на местах нет понимания, что с этим делать, то происходит имитация бурной деятельности. Например, президент сказал, что 5% средств местного бюджета должно расходоваться с применением таких живых практик как инициативное бюджетирование с прямым учетом мнения граждан. И во многих регионах стали появляться практики, на которые стали выделяться средства. Но это выделение средств не сопровождается соответствующим обучением, подготовкой кадров, ответственным вовлечением жителей в этот процесс. Появляются практики, в которых есть деньги и инициативы жителей, но о них никто не знает», — говорит Шевелёв.

По словам эксперта, происходит так называемое придумывание проектов внутри самой администрации и выдача желаемого за действительное. В этих случаях может произойти «серьезная дискредитация самой идеи инициативного бюджетирования, основной принцип которого заключается в том, что если инициативы нет, то нечего и поддерживать».

ЧТО ДАЛЬШЕ?

В основе инициативного бюджетирования заложен важный мотивационный комплекс, который подталкивает человека к действию. Его основные составляющие — это наличие проблемы, которую хотелось бы решить самостоятельно, и осознание того, что сделать это можно за счет государственных средств, непосредственно влияя на то, как они будут распределены и использованы. Таким образом, инициативное бюджетирование опирается на то, чтобы удовлетворять потребности, возникающие у людей, и учитывать их запросы. В этом оно идет даже дальше клиентоцентричности государства и сферы оказания государственных услуг, поскольку видит граждан не только получателями государственных услуг, но и людьми, которые являются участниками формирования этого запроса.

Эта особенность инициативного бюджетирования и всеобщая цифровизация, которая упрощает для людей возможность участвовать в управлении государством, будут способствовать появлению все большего разнообразия форм гражданских финансов.

«Инициативное бюджетирование — это всего одна из форм такого участия, которая тоже базируется на гражданских финансах, а цифровизация стремительно дает нам возможности для все более эффективного участия людей в выборе проектов инициативного бюджетирования, и с каждым годом эта эффективность только повышается, — считает Владимир Вагин. — И эта форма участия в любом случае будет повсеместно распространена и в России, и в зарубежных странах. Может быть, она будет по-другому называться или видоизменится существенным образом, но это случится, и государство будет с большим трудом находить способы регулирования гражданских финансов».

objective risk of discrediting the very idea of initiative budgeting, warns *Mikhail Shevelev*, director of the Alliance of Initiative Budgeting Consultants.

“Our country is set up in such a way that when an order is given top down, and the people on the ground have no understanding of what to do about it, they tend to imitate frenzied activity. For example, the president says that 5% of the local budget must be spent on interactive practices like initiative budgeting, with direct consideration of the public opinions. So practices began to appear in many regions, for which funds began to be allocated. However, this allocation of funds is not accompanied by proper education, training, and responsible involvement of the residents in the process. In some practices, there are both money and residents’ initiatives, but no one has actually seen them,” Shevelev adds.

According to the expert, what is happening is the so-called “dreaming up” of projects within the administration and wishful thinking. Cases like these may be “seriously discrediting the very idea of initiative budgeting, the basic principle of which is that if there is no initiative, there is nothing to support.”

WHAT COMES NEXT?

It is important for initiative budgeting to be supported by motivation, which pushes people to act. It depends on two key elements — the existence of a problem that the people would like to address, and the realization that one can do so at the expense of public funding, with a direct influence on how the funds will be distributed and used. Thus, initiative budgeting relies on meeting people’s needs and accommodating their demands. In doing so, it even goes beyond a client-centric government and the sphere of public services, as this process sees the public as not merely recipients of public services, but as the very people taking part in shaping the demand.

This feature of initiative budgeting and the general digitalization that makes it easier for people to participate in state governance, will contribute to an increasing variety of forms of civil finance.

“Initiative budgeting is just one of many forms of such participation, which is also based on civil finance, and digitalization is rapidly giving the people opportunities to participate more and more effectively in the selection of initiative budgeting projects, and this efficiency is only increasing each year,” Vladimir Vagin says. “In any case, his form of participation will spread widely, both in Russia and in foreign countries. Maybe it will be named differently, or it will undergo substantial change as it spreads, but it will happen, and the state will struggle to find ways to regulate civil finance.”

Ответ на глобальные вызовы, или почему будущее за инвестициями в импакт-проекты

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-S1-71-77

The Answer to Global Challenges: Why Investing in Impact Projects is the Future

Современный мир столкнулся с глобальными экологическими и социальными проблемами. Чтобы позаботиться о будущих поколениях, страны прилагают усилия к достижению 17 глобальных целей устойчивого развития ООН. Однако глобальные вызовы требуют пересмотра стандартных практик и моделей, в т.ч. в инвестициях. Какова в этом роль импакт-инвестиций, которые стремятся добиться положительного социального и экологического влияния наряду с финансовым возвратом, — в статье экспертов венчурного импакт-фонда Zerno.VC.

Today's world is facing global environmental and social problems. To take care of future generations, the United Nations has developed 17 Sustainable Development Goals, which the countries strive to achieve. However, global challenges require revising the standard practices and models, including those in investing. What is the role of impact investing, which seeks to achieve a positive social and environmental impact along with a financial return? Experts from Zerno.VC venture capital impact fund share in this article.

Яна Комарова
Директор Zerno.VC
Yana Komarova
CEO, Zerno.VC

Егор Муравьев
Инвестиционный аналитик Zerno.VC
Egor Muravev
Investment Analyst, Zerno.VC

ЧТО ТАКОЕ ИМПАКТ-ИНВЕСТИЦИИ И КАКОЙ У НИХ ПОТЕНЦИАЛ

Импакт-инвестиции — это инвестиции, которые направлены на достижение положительных, измеримых социальных и/или экологических изменений, в дополнение к финансовому результату. Это ключевое отличие от традиционных инвестиций, которые ориентированы только на максимизацию финансового дохода. Термин является собирательным для инвестиций, которые основаны на трех базовых принципах: измеримое воздействие, положительное воздействие, финансовая отдача. Под определение попадают и публичные (облигации, акции на фондовом рынке), и частные (займы, инвестиции в капитал непубличных компаний) финансовые инструменты. Импакт-инвестиции часто маркируют в зависимости от цели: зеленые (связанные с окружающей средой), социальные (связанные с обществом), климатические (связаны с изменением климата) и др. Их также можно разделить по стадиям: стадия идеи (гранты), ранняя стадия роста (венчурные инвестиции), зрелые проекты (доступны разные опции).

Термин «импакт-инвестирование» появился в 2007 году, на рубеже финансового кризиса — и это не случайно. На фоне макроэкономической нестабильности способность бизнеса решать конкретные проблемы и поддерживать уязвимые группы населения может быть более важным и даже надежным ориентиром, чем финансовые показатели. Согласно исследованию B Corp¹, у импакт-компаний на 64% выше шанс выжить в кризис².

Традиционно, решение социальных и экологических проблем возлагалось на государство и благотворительные организации. Однако, вопреки значительным усилиям, текущая система оказывается недостаточной для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН. До пандемии Covid-19 эксперты оценивали, что дополнительные необходимые инвестиции в достижение ЦУР для наименее развитых и развивающихся стран составляют 2,5 трлн долл. ежегодно, а после 2020 года оценки выросли до 4,2 трлн долларов³. Это ставит под сомнение устойчивость текущей системы и требует новых подходов и решений.

Всего за одно десятилетие, с 2010 по 2020 годы, объем рынка импакт-инвестиций увеличился в 12 раз и достиг 715 млрд

WHAT IS IMPACT INVESTING, AND WHAT IS ITS CAPACITY?

Impact investing means investments that aim to achieve positive, measurable social and/or environmental change, in addition to financial yield. This is what the key difference between impact investing and traditional investing, which focuses only on maximizing financial gains. It is an umbrella term for investments based on the following three basic principles: measurable impact, positive impact, and financial return. The definition includes both public (bonds, stocks on the stock market) and private (loans, equity investment in non-public companies) financial instruments. Impact investments are often labeled according to their purpose: green (environment-related), social (society-related), climate (climate change-related), etc. They can also be divided into stages: the idea stage (grants), early growth stage (venture investing), and mature projects (different options are available).

The term “impact investing” appeared in 2007, at the turn of the financial crisis — and it is not a coincidence. In the environment of macroeconomic instability, the businesses’ ability to address specific problems and support vulnerable groups may be a more important and more reliable benchmark than financial performance. According to a study of B Corp¹, impact companies are 64% more likely to survive a crisis².

Traditionally, social and environmental problems were left to the state and charity organizations to address. However, despite considerable effort, the current system has proven insufficient to achieve the UN Sustainable Development Goals (SDGs). Prior to the Covid-19 pandemic, the additional investment needed to achieve the SDGs for least developed and developing countries was estimated by the experts at \$2.5 trillion annually; after 2020, the estimates went up to \$4.2 trillion³. This raises concerns about the sustainability of the current system and warrants a search for new approaches and solutions.

In just one decade, from 2010 to 2020, the impact investing market increased 12-fold, to

¹ B Corp (от англ. «Benefit Corporation») — частная сертификация, выдаваемая некоммерческой организацией B Lab предприятиям, которые активно действуют в интересах общего блага, чья деятельность направлена на положительное воздействие на социальную жизнь, общество и окружающую среду. В мире насчитывается более 3000 компаний с сертификатом B Corp более чем в 70 странах. Среди них — Burton, Patagonia, Athleta, Ben & Jerry's, Allbirds, Beautycounter.

² Burg, N. The Four Reasons B Corps are the Business Model of the Moment. Retrieved from: <https://meansandmatters.bankofthewest.com/article/sustainable-business/strategy/the-four-reasons-b-corps-are-the-business-model-of-the-moment/>. (accessed 25.05.2023).

³ OECD. (2021). Closing the SDG Financing Gap in the COVID-19 era. Retrieved from: <https://www.oecd.org/dev/OECD-UNDP-Scoping-Note-Closing-SDG-Financing-Gap-COVID-19-era.pdf>. (accessed 25.05.2023).

¹ B Corp (“Benefit Corporation”) is a private certification issued by B Lab non-profit organization to businesses that operate for the common good and whose activities are intended to have a positive impact on social life, society and the environment. There are more than 3,000 B Corp-certified companies in more than 70 countries around the world. They include Burton, Patagonia, Athleta, Ben & Jerry's, Allbirds, Beautycounter.

долларов (30% CAGR⁴, по данным GIIN — Global Impact Investing Network). В последние два года рынок продолжил рост, достигнув в 2022 году 1,2 трлн долларов (+63% к 2020 году). Таким образом, по оценкам ООН потребность в импакт-инвестициях в ~4 раза превышает текущий объем рынка. При этом, благодаря устойчивости импакт-компаний в условиях кризиса, импакт-инвестиции привлекают все больше внимания инвесторов — по оценкам Dealroom в 2022 году появилось 80 новых венчурных импакт-фондов⁵.

Есть ряд исследований, которые подтверждают, что сделки с проектами, ориентированными на решение экологических проблем, проходят по более высокой оценке. В частности, BCG оценивает, что за период 2019-2021 гг. рыночная премия (показывает, насколько больше инвесторы готовы платить за выбранные проекты) для зеленых проектов составила 7%, а в некоторых индустриях могла достигать 34%⁶. Эксперты McKinsey сравнили мультипликаторы для ClimateTech компаний и для других сделок: для стартапов, направленных на борьбу с изменением климата, оценки в 2022 году были в 1,5 раза выше, для более зрелых компаний — в 3 раза⁷.

Все это делает сделки с импакт-проектами более привлекательными. Это чувствуют и предприниматели: согласно исследованию Techstars, в ближайшие 5 лет область устойчивого развития станет вторым по популярности инновационным сектором после здравоохранения⁸.

ОГРАНИЧЕНИЯ ИМПАКТ-ИНВЕСТИЦИЙ

Однако, как и в любом новом направлении, в сфере импакт-инвестиций есть ряд барьеров. Одной из основных проблем является переход от ответственных инвестиций (минимизация негативного воздействия) к импакт-инвестициям (максимизация положительного воздействия). Исследования показывают, что инвесторы готовы платить больше в случае ответственных инвестиций, но не готовы платить еще больше для достижения существенных положительных изменений, т.е. платить больше за больший

\$715 billion (30% CAGR⁴ according to GIIN, Global Impact Investing Network). The market continued to grow in the past two years, reaching \$1.2 trillion in 2022 (+63% since 2020). Thus, according to the UN estimates, the need for impact investment is about 4 times bigger than the current market volume. Meanwhile, thanks to the sustainability of impact companies in the crisis, impact investing is attracting more and more attention from investors — Dealroom estimates that 80 new impact venture capital funds emerged in 2022⁵.

A number of studies confirm that deals involving environmentally oriented projects are valued higher. Specifically, BCG estimates that over the 2019-2021 period, the market premium (the indicator showing how much extra investors are willing to pay for selected projects) for green projects was 7%, and in some industries could be as high as 34%⁶. McKinsey experts compared multipliers for ClimateTech companies and for other deals: for startups focused on climate change, the 2022 estimates were 1.5 times as high; for more mature companies, 3 times as high⁷.

All of this makes transactions involving impact projects more attractive. Entrepreneurs are obviously aware of it, too: according to a Techstars study, over the next 5 years, sustainability will become the second most innovative sector after healthcare⁸.

LIMITATIONS OF IMPACT INVESTING

However, as with any new business area, there are a number of barriers in impact investing. One of the main problems is the transition from responsible investing (i.e., minimizing negative impact) to impact investing (maximizing positive impact). Studies show that investors are willing to pay more for responsible investments, but are not willing to pay even more to achieve significant positive change, i.e., to pay more for more impact⁹. This paradox can increase the risks

4 CAGR (от англ. Compound annual growth rate) — совокупный среднегодовой темп роста. Этот показатель определяет, на сколько процентов в среднем за год растет определенный параметр.

5 Dealroom, ImpactCity & Danske Bank. *Impact startups and venture capital 2022*. Retrieved from: <https://dealroom.co/uploaded/2023/01/Dealroom-impact-report-year-end-2022.pdf?x35994>. (accessed 26.05.2023).

6 Kengelbach, J. & et al. *Green Deals Gain Steam*. 20.10.2022. Boston Consulting Group. Retrieved from: https://www.bcg.com/publications/2022/green-deals-on-the-rise-according-to-the-latest-mergers-and-acquisitions-report?li_fat_id=d5a2cdde-1936-4404-be89-f92ca14aefb1. (accessed 26.05.2023).

7 Dahlqvist, F., Kane, S., Leinert, L., Moosburger, M. & Rasmussen, A. *Climate investing: Continuing breakout growth through uncertain times*. Retrieved from: <https://www.mckinsey.com/capabilities/sustainability/our-insights/climate-investing-continuing-breakout-growth-through-uncertain-times>. (accessed 26.05.2023).

8 Techstars. (2023). *Techstars 2023 State of Innovation Survey*. Retrieved from: <https://accelerate.techstars.com/state-of-innovation>. (accessed 26.05.2023).

4 CAGR — Compound Annual Growth Rate. This indicator determines the average annual percentage growth of a certain parameter.

импакт⁹. Такой парадокс может повысить риски импакт-вошинга, снизить доверие к импакт-инвестициям и в итоге замедлить распространение этого подхода.

Другой проблемой является отсутствие стандартизации в оценке импакта, что затрудняет измерение и сравнение результатов. Несмотря на то, что мире существуют глобальные стандарты, такие как метрики IRIS+¹⁰, или категории воздействия Impact Management Project¹¹, подход инвесторов к измерению и оценке импакта сильно различается. Более того, оценка импакта варьируется от региона к региону. Это объясняется тем, что в каждом регионе есть свои наиболее актуальные проблемы и запросы.

ИМПАКТ-ИНВЕСТИЦИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ

Региональная специфика оказывает существенное влияние на сферу импакт-инвестиций. Это ярко видно на примере венчурных импакт-инвестиций. Согласно данным Dealroom, Европа лидирует по доле таких проектов (18%), далее идет США (8%)¹². Лидерство развитых стран не случайно и складывается благодаря высокому запросу на устойчивое развитие со стороны всех участников экономического процесса — от отдельных потребителей до государственных структур. В частности, в Европе государственные LPs (Limited Partners, или инвесторы в фонды) с импакт/ESG-фокусом играют существенную роль в распределении капитала. Например, European Investment Bank является LP в более 90 венчурных фондах, немецкий KfW Capital — в более 70, финский Tesi — в более 50.

Ситуация в развивающихся странах отличается. Здесь основной фокус все еще сосредоточен на финансовых результатах, и большинство инвесторов и фаундеров еще не полностью уверены, что смогут достичь и финансовой прибыли, и импакта одновременно. Важно понимать, что подход, который работает в развитых странах, не может быть просто скопирован в странах с развивающейся экономикой без учета их специфики.

Например, Китай является мировым лидером по выпуску зеленых облигаций (облигации, средства от выпуска которых направлены на улучшение экологической обстановки), где совокупный

of impact-washing, reduce confidence in impact investing, and ultimately slow the spread of this approach.

Another problem is the lack of standardization in impact assessment, which makes it difficult to measure and compare the results. Although global standards do exist, such as the IRIS+¹⁰ metrics or the Impact Management Project dimensions of impact¹¹, the investors use widely varied approaches to impact measurement and assessment. Moreover, impact assessment also varies from region to region, since different regions have different urgent problems and demands.

IMPACT INVESTING IN THE REGIONAL CONTEXT

Regional specifics have a significant impact on the impact investing sector. This can be seen clearly in venture capital impact investing. According to Dealroom, Europe is taking a lead by the share of such projects (18%), followed by the United States (8%)¹². The developed countries' leadership is not accidental; it is conditioned by high demand for sustainable development from all economic players — from individual consumers to government agencies. In Europe in particular, state-owned LPs (Limited Partners in investment funds) focusing on impact/ESG play a significant role in capital allocation. For example, European Investment Bank is an LP in more than 90 venture capital funds, German KfW Capital in more than 70, Finnish Tesi in more than 50.

The situation is different in developing countries. The main focus here is still on financial performance, and most investors and funders are not yet fully convinced that they can achieve both financial yield and social impact at the same time. It is important to understand that an approach that is viable in developed countries cannot simply be replicated to emerging economies without considering their specifics.

For example, China is the world leader in green bonds (bonds proceeds from which are used to improve the environment), where the

⁹ Heeb, F., Kölbl, J. F., Paetzold, F., & Zeisberger, S. (2022). Do investors care about impact? *The Review of Financial Studies*, 36(5). Retrieved from: <https://academic.oup.com/rfs/article/36/5/1737/6696721>. (accessed 26.05.2023). <https://doi.org/10.1093/rfs/hnac066>

¹⁰ GIIN. (2023). *IRIS Catalog of Metrics*. Retrieved from: <https://iris.thegiin.org/metrics/>. (accessed 26.05.2023).

¹¹ IMPACT FRONTIERS. (2023). *Impact Management Norms*. Retrieved from: <https://impactfrontiers.org/norms/>. (accessed 26.05.2023).

¹² Dealroom, ImpactCity, ImpactFest, Tech Nation & Danske Bank. *Impact startups 2022*. Retrieved from: <https://dealroom.co/uploaded/2022/11/Impact-Fest-2022.pdf?x60781>. (accessed 26.05.2023).

объем новых размещений в 2022 году составил 76 млрд долл.¹³. При этом, в сегменте импакт-инвестиций китайский рынок существенно меньше и отстает от европейского и американского. Снизить диспропорцию возможно за счет сближения концепции ESG и импакта. Участники китайского рынка импакт-инвестирования считают, что привлечь широкий круг инвесторов в импакт-инвестиции проще, если позиционировать их как часть более популярного в Китае сегмента ESG-инвестиций (ответственных инвестиций)¹⁴. В то же время, западный рынок импакт-инвестиций, наоборот, развивается за счет более четкого разграничения ESG-инвестиций и импакта.

СПЕЦИФИКА РОССИИ

Согласно исследованию венчурного импакт-фонда Zerno.VC¹⁵, большая часть сделок за период 2018-2022 гг. состоялась с импакт-стартапами, которые направлены на решение ЦУР 3 «Хорошее здоровье и благополучие» и ЦУР 8 «Достойная работа и экономический рост». Это существенно отличается от повестки развитых стран, где больше всего инвестиций привлекают решения в рамках ЦУР 7 «Недорогостоящая и чистая энергия» и ЦУР 13 «Борьба с изменением климата». При этом, в России на публичном рынке в сегменте облигаций структура похожа на развитые рынки. ЦУР 13 является второй по популярности, на нее направлен 21% средств, привлеченных от размещения облигаций за период 2018-2022 гг.¹⁶. Совокупный объем публичного рынка устойчивого финансирования составил 525 млрд руб.

Рынок импакт-инвестиций в России имеет потенциал роста: доля сделок с подтвержденными импакт-стартапами (есть отчетность о воздействии или профильные инвесторы) за последние 5 лет составила 3%, а с потенциальными — 26% (бизнес-модель может быть настроена на достижение социальных эффектов, но стартап не позиционирует себя в качестве импакт-стартапа). Такой разрыв в количестве сделок между подтвержденными и потенциальными стартапами говорит о том, что есть много стартапов, которые не до конца осознают свой импакт-потенциал и могут существенно нарастить его. Более того, инвесторы в эти стартапы также не придают значение импакту.

¹³ Wu, J. & Ahmad, R. *China to keep lead in green bond market amid alignment with global standards*. Retrieved from: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/china-to-keep-lead-in-green-bond-market-amid-alignment-with-global-standards-74039783>. (accessed 26.05.2023).

¹⁴ ImpactAlpha. (2023). *Can China's impact investing ecosystem expand beyond green energy and ESG?* Retrieved from: <https://impactalpha.com/can-chinas-impact-investing-ecosystem-expand-beyond-green-energy-and-esg/>. (accessed 26.05.2023).

¹⁵ Ознакомиться с результатами исследования можно по ссылке: https://drive.google.com/file/d/1RT51j3E_GcNi62W2v-irRKHQCETCxb7/view.

¹⁶ ИНФРАГРИН. (2023). *Вышел в свет ежегодный доклад ИНФРАГРИН «ESG, декарбонизация и зеленые финансы России 2022»*. Режим доступа: <https://infragreen.ru/news/135727>. (accessed 26.05.2023).

total volume of new placements in 2022 was \$76 billion¹³. At the same time, the impact investing segment in China is significantly smaller and lags behind the European and American markets. The disparity can be reduced by bringing together the concepts of ESG and impact. Participants in the Chinese impact investing market believe that it is easier to win wider backing of impact investing if it is positioned as part of the ESG (responsible investment) segment, which is more popular in China¹⁴. Meanwhile, the Western market is developing in the exactly opposite direction, through a greater distinction between ESG and impact investing.

RUSSIA'S SPECIFICS

According to a study by Zerno.VC venture capital impact fund,¹⁵ most of the deals between 2018 and 2022 involved impact startups that address SDG 3, "Healthy Life and Well-being," and SDG 8, "Sustainable Economic Growth and Decent Work." This differs significantly from the agenda of developed countries, where solutions under SDG 7 "Affordable, Reliable, Sustainable and Modern Energy" and SDG 13 "Combating Climate Change" attract the most investment. The structure of Russia's public market in the impact bonds segment is similar to that of the developed markets. SDG 13 is the second most popular development goal, drawing 21% of the funds raised from bond offerings over the 2018-2022 period¹⁶. The total volume of the public sustainable financing market is 525 billion rubles.

The impact investing market in Russia has great growth potential: the share of deals with proven impact startups (that have existing impact reports or specialized investors) in the last 5 years was 3%, and 26% with prospective ones (which may have a business model intended to achieve social effects, but the startup does not position itself as an impact startup). This gap in the number of deals between confirmed and prospective impact startups suggests that many startups are not fully aware of their potential impact and could significantly increase it. Moreover, investors in these startups also do not pay enough attention to impact. Considering China's approach and the substantial share

¹⁵ To learn more about the results of the study, follow the link: https://drive.google.com/file/d/1RT51j3E_GcNi62W2v-irRKHQCETCxb7/view

¹⁶ INFRAGREEN. (2023). *INFRAGREEN's annual report "ESG, Decarbonization and Green Finance in Russia 2022" has been published*. Retrieved from: <https://infragreen.ru/news/135727>. (accessed 26.05.2023)

Учитывая китайский подход и существенную долю потенциальных импакт-стартапов, для России также может быть применима стратегия сближения ESG и импакта. При этом, важно усиливать практику оценки и мониторинга импакта, чтобы повысить доверие и снизить риски импакт-вошинга.

ПОЧЕМУ ИМПАКТ-ПРОЕКТЫ УСТОЙЧИВЕЕ НКО

Импакт-инвестиции — это экосистема с разными игроками¹⁷. Например, венчурные филантропы готовы к меньшей доходности в обмен на максимизацию импакта, а венчурные импакт-инвесторы балансируют между создаваемым социальным эффектом и IRR (внутренняя норма доходности) на уровне рынка.

Одной из позиций, которую в частности поддерживает венчурный импакт-фонд Zerno.VC, является фокусировка на инновационных и масштабируемых решениях с рыночной доходностью. Тезис заключается в том, что в отдельных сегментах коммерческие импакт-проекты могут решать экологические и социальные проблемы эффективнее НКО по нескольким причинам:

1. **Адаптивность.** Коммерческие импакт-проекты обладают большей гибкостью. Они способны быстро занимать пустые ниши на рынке и реагировать на новые вызовы и возможности, от адаптации к изменяющимся технологиям до реакции на новые социальные и экологические проблемы.
2. **Финансовая устойчивость.** Коммерческие проекты, в отличие от многих НКО, способны окупать себя и в результате обеспечивать большую финансовую устойчивость. Это означает, что их влияние и импакт могут сохраняться долгосрочно, даже если инвестор покинет проект. Более того, пожертвования НКО зачастую носят несистемный характер. Например, в России регулярно перечисляют средства с зарплаты на благотворительность <1% граждан¹⁸.
3. **Масштабируемость.** Импакт-проекты способны быстро расти и расширять свое влияние. Это значит, что чем раньше мы начнем встраивать и оценивать потенциал таких проектов, тем больше станет их будущее положительное воздействие.

of prospective impact startups, a strategy of convergence between ESG and impact may also be applicable to Russia. At the same time, it is important to strengthen the practice of impact assessment and monitoring in order to increase confidence and reduce the risks of impact-washing.

WHY IMPACT PROJECTS ARE MORE SUSTAINABLE THAN NGOS

Impact investing is an ecosystem with a number of different players¹⁷. For example, venture philanthropists are willing to accept lower returns in exchange for maximizing the impact, while venture impact investors have to balance the social impact against the IRR (internal rate of return) at the market level.

One of the positions that the Zerno.VC venture capital impact fund particularly supports is a focus on innovative and scalable solutions with market-level returns. The thesis is that in certain segments, commercial impact projects can be more effective than NGOs in addressing environmental and social issues, for several reasons:

1. **Flexibility.** Commercial impact projects are more flexible. They can quickly fill empty market niches and respond to new challenges and opportunities, from adapting to changes in technology to responding to new social and environmental challenges.
2. **Financial sustainability.** Unlike many NGOs, impact projects can be commercially viable and therefore provide greater financial sustainability. This means their influence and impact can be maintained in the long run, even if the investor exits the project. Moreover, NGO donations are often irregular. For example, less than 1% of Russian citizens regularly donate to charity¹⁸.
3. **Scalability.** Impact projects can grow quickly and expand their influence. This means that the earlier we start to integrate and assess the potential of such projects, the greater their positive impact will be in the future.

¹⁷ Zerno.VC. (2023). Экосистема импакт-инвестирования в России. Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1TBzMhK7T0YupvVDufB_1Eo-td9QITih2/view. (accessed 26.05.2023).

¹⁸ Губернаторов, Е. (2023). За последний год большинство россиян почти не помогли другим деньгами. 27.02.2023. Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/27/964329-ne-pomogali-dengami-libo-delali-eto-redko>. (accessed 26.05.2023).

¹⁷ Zerno.VC. (2023). The ecosystem of impact investing in Russia. Retrieved from: https://drive.google.com/file/d/1TBzMhK7T0YupvVDufB_1Eo-td9QITih2/view. (accessed 26.05.2023)

¹⁸ Gubernatorov, E. (2023). Over the past year, most Russians have rarely helped others with money. 27.02.2023. Vedomosti. Retrieved from: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/27/964329-ne-pomogali-dengami-libo-delali-eto-redko>. (accessed 26.05.2023).

ИНВЕСТИЦИИ БУДУЩЕГО = ИМПАКТ-ИНВЕСТИЦИИ

К сожалению, социальные и экологические проблемы с каждым годом только обостряются. Человечество сталкивается с масштабными проблемами, а ресурсы для их решения ограничены. На фоне этого сложно представить бизнес устойчивым, если он не направлен на решение актуальных проблем, а тем более — если он их усиливает.

Растет и будет расти интерес к импакт-инвестированию. В этих условиях мы верим, что ключевым станет контроль за тем, чтобы инвестиции были направлены на решение социальных и экологических проблем наиболее эффективным способом — для этого и нужна оценка импакта.

Для достижения Целей устойчивого развития необходимо 4,2 трлн долларов. Есть надежда, что именно развитие импакт-инвестиций позволит закрыть потребности в необходимых объемах финансирования.

Импакт-инвестиции — это инвестиции в бизнес, который сфокусирован на создании положительного воздействия. Именно такой фокус является ключом для достижения целей устойчивого развития. Уже недостаточно просто минимизировать негативное влияние, как это часто делается в рамках подходов ответственного инвестирования.

Традиционные механизмы поддержки социальных проектов, такие как пожертвования, гранты, и субсидии не могут обеспечить необходимый объем финансирования, т.к. он существенно больше (разрыв сегодня уже в 4+ трлн долларов, как говорилось выше). Есть надежда, что именно развитие импакт-инвестиций позволит закрыть данные потребности.

Все это позволяет говорить, что импакт-инвестиции — это инвестиции будущего. Как минимум того будущего, где достижение принципов устойчивого развития является необходимым.

INVESTMENT OF THE FUTURE = IMPACT INVESTING

Unfortunately, social and environmental problems only worsen with each passing year. Mankind faces massive problems, and it has limited resources to address them. Given the situation, it is hard to consider a business sustainable if it is not aimed at addressing the current issues, moreover if it actually aggravates them.

Interest in impact investing is growing and will continue to grow. Under these circumstances, we believe that the key is to make sure that investments are directed to addressing social and environmental problems in the most effective way — and that is what impact assessment is for.

\$4.2 trillion is needed to achieve the Sustainable Development Goals. The development of impact investing is what will hopefully cover these needs.

Impact investing is about investing in a business focused on creating positive impact. It is this focus that is the key to achieving the Sustainable Development Goals. It is no longer sufficient to simply minimize the negative impact, as is often the case in responsible investment approaches.

Traditional support mechanisms for social projects, such as donations, grants and subsidies, cannot provide enough funding, because the needs are much greater (the gap is already more than 4 trillion dollars today, as mentioned above). The development of impact investing is what will hopefully cover these needs.

This means that impact investing can be safely called the investment of the future. At least the kind of future where achieving the sustainable development goals is essential.

Настоящее и будущее мировой экономики.

Прогноз Михаила Хазина

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-S1-78-89

The Present and Future of the World Economy.

Forecast by Mikhail Khazin

Новая рубрика «Близко к тексту» приглашает читателей познакомиться с самыми важными изданиями, посвященными вопросам импакт-инвестиций, оценки социального воздействия, а также вопросам экономического развития человечества в целом.

Материал, представленный в этом выпуске, основан на книге известного экономиста Михаила Хазина «Воспоминания о будущем», опубликованной в 2021 году. В книге не только показана эволюция мировой экономической системы со времен зарождения капитализма до наших дней, но и сделана попытка описать мир после конца капитализма. Постоянный автор журнала «Позитивные изменения» Елена Авраменко подготовила обзор ключевых тезисов произведения.

A new column, "True to the Book," offers our readers an introduction to the most important publications on impact investing, social impact assessment, and humanity's economic development in general.

The article presented in this issue is based on the book "Memories of the Future" by the famous economist Mikhail Khazin, published in 2021. The book not only shows the evolution of the global economic system since the birth of capitalism to the present day, but also attempts to describe the world after capitalism ends. Elena Avramenko, a regular contributor to the Positive Changes Journal, prepared an overview of the key theses of this work.

Елена Авраменко

Эксперт проекта
«Разработка модели
оценки социально-
экономического
воздействия НКО» фонда
GLADWAY, мастер Lean
6 Sigma уровня Green Belt

Elena Avramenko

Expert of the project
"Development of a Social and
Economic Impact Assessment
Model for NGOs" by the
GLADWAY Foundation, Lean
6 Sigma Green Belt master

НЕИЗБЕЖНОСТЬ КРИЗИСА

Из множества факторов, влияющих на экономическое развитие нашего общества, Михаил Хазин особенно выделяет фактор «углубления разделения труда». Повышение частного спроса создает предпосылки для углубления разделения труда, а оно, в свою очередь, ведет к росту производительности. Таким образом, эти экономические явления следуют друг за другом в замкнутом цикле, и на каждом новом витке этого цикла достигается новый технологический уровень. То есть экономическое развитие прямо связано с разделением труда, но чтобы поддерживать постоянное повышение спроса, нужны каждый раз новые механизмы.

В процессе развития общества сложились определенные способы стимулирования спроса и снижения рисков производителей. Фактический спрос увеличивался за счет освоения территориально новых рынков — «глобализации экономики». Также спрос обеспечивался из все более значительных временных промежутков: покупки кредитовались за счет будущих доходов покупателей. При таком расширении спроса капиталистическая модель экономики двигалась к неизбежному кризису. Увеличение конечного спроса уже поглотило слишком далекие временные периоды, и сегодня мировая экономика пришла в состояние, которое один из современных американских политиков описал словами: «Мы уже съели наш спрос на два поколения вперед».

Предпосылки кризиса, текущая стадия развития мировой экономики и ее дальнейшие возможные перспективы описаны Михаилом Хазиным в нескольких тезисах.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА — ОСНОВА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

«Современная капиталистическая экономика построена на примате разделения труда. Соответственно, развитие в рамках действующей экономической парадигмы — это углубление разделения труда, которое является основой модели развития, называемой научно-техническим прогрессом (НТП). Обязательным условием этого процесса являются инновации — появление как новых продуктов, так и новых технологий производства старых. Отличие от предыдущих моделей состоит в том, что инновации имманентным (неотчуждаемым) образом встроены в хозяйственный механизм капитализма». [стр. 405]¹

Внедрение инноваций в данном случае является естественным и непрерывным процессом для любого производителя товаров или услуг. В условиях рыночной экономики конкуренция подталкивает к поиску преимуществ, которые как раз создаются за счет инноваций, как в технологиях производства, так и в маркетинге. И поскольку инновации становятся постоянной частью непрерывного хозяйственного процесса, то и затраты на них каждый раз

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из книги Хазин, М. (2021). *Воспоминания о будущем*. РИПОЛ Классик.

THE INEVITABILITY OF CRISIS

Of the many factors influencing the economic development of our society, Mikhail Khazin particularly singles out the factor of “deepening division of labor.” Increasing private demand creates the conditions for a more pronounced division of labor, and this, in turn, leads to an increase in productivity. These economic phenomena follow each other in a closed cycle, reaching a new level of technology with each new cycle. That is, economic development is directly related to the division of labor, but new mechanisms are needed each time to respond to a constant increase in demand.

In the course of the human development, certain ways of stimulating demand and reducing the producers’ risks have appeared. Increases in actual demand were linked to the development of new territorial markets — the “economic globalization.” Demand was also supported by the continuously increasing timeframes, as purchases were credited against the buyers’ future income. With this expansion of demand, an impending crisis of the capitalist economic model was inevitable. The increase in final demand has been swallowing longer and longer time intervals, and today the world economy has arrived at a state that one present-day American politician described this way: “We’re already out of demand for two generations ahead.”

Mikhail Khazin describes the prerequisites of the crisis, the current stage of development of the world economy and its likely future prospects in several theses.

THE DIVISION OF LABOR IS THE BASIS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS

“The modern capitalist economy is built on the supremacy of the division of labor. Accordingly, development within the current economic paradigm is the deepening of the division of labor, which is the basis of a development model called scientific and technological progress (STP). The prerequisite for this process is innovation, that is, emergence of new products as well as new ways of making old ones. The difference from previous models is that innovation has become an immanent (inalienable) part of the economic mechanism of capitalism.” [p. 405]¹

In this case, innovation is a natural and continuous process for any producer of goods or services. In a market economy, competition pushes the search for advantages, which are created by innovation, both in production technology and in marketing. And since innovations become a permanent part of the continuous economic process, their cost should

¹ Hereinafter, the quotes are from Khazin, M. (2021). *Memories of the Future. Ideas of Contemporary Economics*. RIPOL Classic.

должны быть включены в себестоимость. Добавленная стоимость увеличивается, меняется ценообразование. Также надо отметить, что инновационные разработки требуют инвестиций, что приводит производителя в кредитные организации.

УГЛУБЛЕНИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА — КОНЕЧНЫЙ ПРОЦЕСС

«Углубление разделения труда неминуемо влечет за собой увеличение рисков производителя, который должен встраиваться во все более и более сложную производственную цепочку. Если нет механизмов снижения этих рисков, то в какой-то момент углубление разделения труда становится невозможным — система переходит в состояние глубокого кризиса. Соответственно, в рамках замкнутой экономической системы (не взаимодействующей с внешним миром) естественное углубление разделения труда может развиваться только до некоторого фиксированного уровня, дальше инновации перестают окупаться и научно-технический прогресс вначале замедляется, а затем останавливается». [стр. 405]

СНИЖЕНИЕ РИСКОВ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ — ВАЖНЕЙШИЙ МЕХАНИЗМ В СИСТЕМЕ НТП

«Развитие в рамках парадигмы НТП возможно с какого-то момента только с использованием механизмов снижения рисков производителей. Таких механизмов было изобретено всего четыре: перераспределение доходов; кредитование производителя (риски частично передаются банковской системе, частично перераспределяются); расширение рынков сбыта продукции (снижаются риски производителя в исходной экономической системе); кредитование потребителя (снижаются риски производителя за счет их перераспределения между другими участниками экономического процесса). Первые два из них работают на микроуровне (т. е. не увеличивают ресурс всей экономической системы в целом), вторые два затрагивают и макроуровень, т. е. позволяют расширять систему в целом». [стр. 405]

Михаил Хазин подробно описывает риски производителей в усложняющихся технологических системах. Прежде всего, они связаны с неопределенностью и неизвестностью в дальнейших отношениях с поставщиками, клиентами и конкурентами. Если производитель воссоздает всего лишь часть сложного процесса (товара или услуги), то в меняющейся среде можно ждать, что покупатели этой части могут сменить его товар на похожий более выгодный у другого поставщика, либо аналогичный товар начнут выпускать те, кто ранее продавал производителю его комплектующие. Поэтому производитель всегда погружен в гонку НТП.

Далее Михаил Леонидович, опираясь на парадигму ограниченности НТП, переходит к описанию особого вида кризиса, возникающего вследствие ограничения роста разделения труда.

be included each time in the cost of production. The added value increases and the pricing changes. It should also be noted that innovative developments require investment, which forces the manufacturer to come to lending institutions.

THE DEEPENING DIVISION OF LABOR IS A FINITE PROCESS

“The deepening division of labor inevitably entails greater risks for the producer, who must find its place in an increasingly complex production chain. If there are no mechanisms to mitigate these risks, then at some point further division of labor becomes impossible, and the system goes into a deep crisis. Accordingly, within an isolated economic system (not interacting with the outside world), the natural deepening of the division of labor can only develop up to a certain fixed level, after which returns on further innovation diminish and scientific and technological progress slows down at first and then stops completely.” [p. 405]

REDUCING THE RISKS FOR PRODUCERS IS THE MOST IMPORTANT MECHANISM IN THE STP SYSTEM

“At some point, development within the STP paradigm becomes possible strictly with the use of producer risk reduction mechanisms. Only four such mechanisms have been invented: income redistribution; producer lending (risks are partially transferred to the banking system and partially redistributed); expansion of product markets (reducing producer risks within the original economic system); consumer lending (producer risks are reduced by redistributing them among other participants in the economic process). The former two work at the micro level (i.e., they do not increase the resource of the economic system as a whole), while the latter two affect the macro level as well, i.e., they allow expanding the system as a whole.” [p. 405]

Mikhail Khazin describes in detail the producers' risks in increasingly complex technological systems. They are first of all associated with lack of knowledge and uncertainty in the future relations with suppliers, customers and competitors. If a producer recreates merely a part of a complex process (product or service), then the buyers in a changing environment may be expected to replace its product with a similar, more suitable one, from another supplier, or similar goods will be produced by those who previously sold their components to that producer. That is why the producer is always neck-deep in the STP race.

Based on the paradigm of STP limitations, Khazin goes on to describe a specific kind of crisis arising from the limited opportunities for deepening the division of labor.

ПАРАДИГМА НТП ОГРАНИЧЕНА ВО ВРЕМЕНИ

«Поскольку Земля по определению ограничена, бесконечное расширение рынков невозможно. Все остальные механизмы снижения рисков производителя либо перераспределяют их внутри экономической системы, либо носят ограниченный во времени характер. Следовательно (и это главное экономическое достижение марксизма), парадигма НТП принципиально ограничена во времени. Как следствие, капитализм — конечен». [стр. 406]

ТЕМА ОСТАНОВКИ НТП — ТАБУ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

«С учетом предыдущего тезиса, развитие марксизма с момента его появления в середине XIX в. шло по двум основным идейным линиям: поиск новых доказательств и признаков конца капитализма; разработка моделей построения посткапиталистического общества. Но реальное развитие приведенный выше тезис Адама Смита об остановке НТП развивался только до начала XX в., после смерти Р. Люксембург эта тема была табуирована». [стр. 407]

ЭКОНОМИКС — АЛЬТЕРНАТИВА МАРКСИЗМУ

«В конце XIX — начале XX в. необходимость противостоять марксистским тезисам о конце капитализма привела к созданию альтернативной экономической науки, получившей условное название экономикс. Ее принципиальное отличие от политэкономии Смита и Маркса — категорическое табу на описание вопроса о конце капитализма. Поскольку описанный выше тезис А. Смита никуда не делся, для его маскировки была изменена схема компоновки экономикс: в отличие от политэкономии, которая строится от макроэкономики к микро-, экономикс выстраивается от микро- к макроэкономике. Соответственно, многие экономические темы, уже проработанные в XIX в., снова оказались под вопросом». [стр. 407]

КРИЗИС ПАДЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАПИТАЛА НЕИЗБЕЖЕН

«Неизбежным следствием ограничения роста разделения труда в замкнутой экономической системе является (по мере исчерпания других способов, принципиально ограниченных) необходимость ее расширения для продолжения развития. Невозможность расширения рано или поздно приводит к кризису развития, который принципиально отличается от традиционных циклических кризисов (кризисов перепроизводства), которые подробно описаны как в рамках политэкономии (с конца XIX в. — преимущественно марксистской), так и экономикс. Этот тип кризиса был назван кризисом

THE STP PARADIGM IS TIME-LIMITED

"Since the Earth is finite by nature, the market cannot expand infinitely. All other mechanisms reducing producer risks either redistribute them within the economic system or are time-limited. Consequently (and this is the main economic achievement of Marxism), the STP paradigm is also time-limited by design. As a consequence, capitalism itself is finite." [p. 406]

THE TOPIC OF NTP GRINDING TO A HALT IS TABOOED IN TODAY'S SCIENTIFIC COMMUNITY

"Given the previous thesis, the development of Marxism since its emergence in the mid-19th century followed two main lines of thought: searching for new evidence and signs of the end of capitalism and developing models for building a post-capitalist society. But Adam Smith's thesis quoted above about stopping the STP had been really elaborated on only until the beginning of the 20th century, becoming a taboo after Rosa Luxemburg's death." [p. 407]

ECONOMICS AS AN ALTERNATIVE TO MARXISM

"In the late 19th and early 20th centuries, the need to confront the Marxist thesis of the end of capitalism led to the creation of an alternative economic science, conventionally called 'economics'. Its fundamental difference from the political economy of Smith and Marx is the strictest taboo on researching the demise of capitalism. Since Adam Smith's thesis described above has not really vanished, economics used a different composition to disguise it: unlike political economy, which is built top-down from macro- to micro-economics, 'economics' is built bottom-up — from micro- to macro-economics. Because of that, many of the economic themes already elaborated in the 19th century are called into question again." [p. 407]

A CRISIS OF DIMINISHING RETURNS ON CAPITAL IS INEVITABLE

"An inevitable consequence of the growth of the division of labor being limited in a closed economic system (once other fundamentally limited ways have been exhausted) is the need to expand it in order to continue the development. The inability to expand sooner or later results in a development crisis, which is fundamentally different from the traditional cyclic overproduction crises, described in more detail both within the political economy (mostly by the Marxists since the late 19th century) and 'economics'. This type of crisis has been called the

падения эффективности капитала (ПЭК-кризисом), поскольку его внешнее проявление — быстрое падение возможности воспроизводства капитала, естественного (т. е. не за счет перераспределения) получения прибыли от него. Принципиально важная особенность ПЭК-кризиса — остановить его можно только за счет существенного снижения рисков производителей, что возможно только путем расширения рынков сбыта!» [стр. 408]

В настоящее время мировая экономика достигла предела, расширение рынков сбыта приостановилось. Сейчас мир пребывает в описанном Михаилом Хазиным ПЭК-кризисе. Для понимания генезиса текущего состояния капитализма Михаил Леонидович приводит подробный исторический анализ, основанный на концепции технологических зон с детальным экскурсом в историю последних двух веков.

capital efficiency crisis (CEC), since it is manifested externally as a rapid decline in the possibility of capital reproduction and the ability to generate natural (i.e. not through redistribution) returns on the capital. A fundamentally important feature of the CEC is that it can only be stopped by substantially reducing producers' risks, which is only possible by expanding markets!" [p.408]

The world economy has now reached its limits, and the expansion of markets has halted. The world is now experiencing CEC, as described by Mikhail Khazin. To understand the genesis of the current state of capitalism, Khazin performs a detailed historical analysis based on the concept of technology areas, with a deep dive into the history of the last two centuries.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗОНЫ КОНКУРИРУЮТ ДРУГ С ДРУГОМ

«Необходимость расширения экономической системы для продолжения развития естественным образом приводит к концепции технологических зон — т. е. крупных самодостаточных систем разделения труда, поддерживающих процесс углубления разделения труда за счет постоянного расширения. Термин «самодостаточная» в данном контексте означает, что экономическое взаимодействие между зонами сильно меньше, чем внутри них, и не является принципиальным. В связи с необходимостью расширения рынков, взаимодействие разных технологических зон неминуемо рано или поздно становится остро конкурентным, сосуществование их становится невозможным. [стр. 408]

Далее следуют выводы по сложившемуся мировому несоответствию расходов и доходов и поиск модели, позволяющей выйти из кризисной ситуации.

TECHNOLOGY AREAS COMPETING WITH ONE ANOTHER

"The need to expand the economic system for continued development naturally leads to the concept of technology areas — that is, large self-sufficient systems of division of labor that support its deepening through constant expansion. The term 'self-sufficient' in this context means that the economic interaction between areas is much less pronounced than that within them, and therefore cannot be considered crucial. Due to the need to expand markets, the interaction of different technology areas inevitably becomes acutely competitive sooner or later, and their coexistence becomes impossible." [p. 408]

This is followed by conclusions on the current global mismatch between expenses and income and the search for a model to overcome the crisis situation.

ДЛЯ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА НУЖНО РАВНОВЕСИЕ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ

«В результате применения «рейганомии» структурные диспропорции в мировой (совпадающей сегодня с Американской технологической зоной) экономике и непосредственно в США выросли до колоссальных размеров, в первую очередь речь идет о несоответствии реально располагаемых доходов домохозяйств их расходам (т. е. уровню жизни), последние много выше. До тех пор, пока доходы и расходы не придут в состояние относительного равновесия, кризис будет продолжаться, и падение расходов при этом должно составить примерно 30-35% для мировой экономики, около 50% для Евросоюза и порядка 55-60% для США». [стр. 410]

TO GET OUT OF THE CRISIS, WE NEED TO BALANCE INCOME AND EXPENSES

"Reaganomics resulted in structural disparities in the global economy (as of today, its entirety lies within with the American technology area) and in the United States growing to colossal proportions, most notably the divergence between the real disposable household income and expenditures (i.e. the standard of living), the latter being much higher. The crisis will continue until revenues and expenses are returned to a relative equilibrium, and the fall in expenses is expected to be about 30-35% for the global economy, about 50% for the European Union, and about 55-60% for the United States." [p. 410]

УРОВЕНЬ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА ДОЛЖЕН УМЕНЬШИТЬСЯ

«Сокращение доходов с точки зрения разделения труда соответствует сокращению количества потребителей, а значит, уровень разделения труда должен уменьшиться. В США сегодня реальные доходы домохозяйств соответствуют уровню конца 50-х годов, по мере развития кризиса они еще более сократятся. Фактически это означает, что оптимальный уровень технологической зоны вернется на уровень 300-500 млн. человек или даже меньше (с учетом цифровизации управления экономикой)». [стр. 411]

В БУДУЩЕМ МИР РАСПАДЕТСЯ НА НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗОНЫ

«Поскольку нынешняя инфраструктура системы разделения труда (в первую очередь финансовая) выстроена под глобальные рынки, по мере падения спроса она станет убыточной (фактически это уже произошло — большая часть международных финансовых институтов и государств живут только за счет эмиссионной поддержки). Это значит, что экономически выгоден будет распад мира на несколько новых технологических зон, которые, скорее всего, будут создаваться за счет ресурса эмиссии новых региональных валют, в связи с чем я их называю валютными зонами. Теоретически, в процессе кризиса и посткризисного восстановления не все потенциальные валютные зоны смогут окончательно сформировать полноценные технологические зоны в новой, посткризисной редакции». [стр. 410]

Автор возвращается к вытекающей из сложившихся предпосылок идее разделения мира на отдельные зоны. Несмотря на общемировую стагнацию, по его мнению, каждая отдельная зона сможет перенаправить свой ресурс на внутреннее развитие.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗОНЫ ВСТУПАТ В БОРЬБУ ЗА РЫНКИ СБЫТА

«Если новой модели экономического развития, альтернативной НТП, придумано не будет, то нас ждет повторение истории XX в., т. е. конкурентная борьба новых технологических зон друг с другом за рынки сбыта, т. е. за возможность дальнейшего развития. Однако этот процесс начнется только после того, как более или менее самостоятельные зоны будут сформированы, т. е. через 20-30 лет после окончания острой стадии кризиса и достижения минимальных значений совокупного спроса». [стр. 411]

THE EXTENT OF DIVISION OF LABOR SHOULD DECREASE

“The reduction of income in terms of the division of labor corresponds to a reduction in the number of consumers, which means that the extent of division of labor must decrease. In today's United States, real household income is at the level of the late 1950s, and it will decline even further as the crisis progresses. In fact, this means that the optimal level of the technology area will return to the level of 300-500 million people or even less (taking into account the digitalization of economic management).” [p. 411]

IN THE FUTURE, THE WORLD WILL BREAK UP INTO NEW TECHNOLOGY AREAS

“Since the current infrastructure (primarily financial one) of the labor division system was built for global markets, it will become unprofitable as demand falls (in fact, this has already happened, most of the international financial institutions and states live on money printer's life support). This means that it will be economically profitable to break up the world into several new technology areas, which are likely to be created by issuing new regional currencies; I call them currency zones for this reason. Theoretically, in the process of crisis and post-crisis recovery, not all potential currency zones can finally emerge as full-fledged technology areas in the new, post-crisis environment.” [p. 410]

The author returns to the idea of dividing the world into separate areas, which follows from the established assumptions. Despite global stagnation, in his opinion, each individual area will be able to redirect its resources to internal development.

TECHNOLOGY AREAS WILL FIGHT FOR MARKETS

“Unless a new model of economic development, alternative to the STP, is invented, we are doomed to repeat the history of the twentieth century, i.e. the new technology areas competing for markets, that is, for the opportunity to develop further. However, this process will begin only after more or less independent areas are formed — in 20-30 years after the acute phase of the crisis ends and the minimal levels of aggregate demand are reached.” [p. 411]

НАКОПЛЕННЫЕ ЗНАНИЯ ЛЯГУТ В ОСНОВУ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

«Существенным отличием ситуации, сложившейся после кризиса, т. е. конкуренции (относительно) независимых валютных зон, от ситуации XIX–XX вв. является то, что уже существующая экономическая теория позволит зональным элитам активно искать новые парадигмы экономического развития. При этом, разумеется, нужно понимать, что если произойдет распад мира на валютные зоны, то, как минимум, несколько десятилетий капитализм еще будет активно функционировать». [стр. 411]

Прогноз распада глобальной экономики на валютные зоны был сделан Михаилом Хазиним еще в 2008 году, а сегодня мы наблюдаем, что он все больше воплощается в реальность. В связи с этим возникает закономерный и очень волнующий вопрос: что нас ожидает после конца капитализма?

НОВЫЙ МИР — НОВЫЕ ЦЕННОСТИ

Итак, по прогнозу Михаила Хазина, единая глобальная система разделения труда распадется на независимые валютные зоны. Это абсолютно точно вызовет и сокращение разделения труда, и упрощение технологий, и падение уровня жизни. Но это единственный вариант выхода из кризиса, поскольку никаких внешних ресурсов для поддержания старой системы нет.

Каждый регион будет выходить из кризиса самостоятельно, причем для восстановления экономики ему придется прекратить выкачивание ресурса в метрополию и установить товарно-валютные барьеры. Самый большой спад испытают регионы с избыточной инфраструктурой. Регионы с недостаточной инфраструктурой смогут ее создать за счет ограничения вывода ресурса за пределы региона.

При таком сценарии мы получим откат уровня мировой экономики до состояния начала XX века. Единственное, что внушает оптимизм в данной ситуации, — это развитие технологий последних лет. Но это не значит, что обычного человека в будущем не ждет ничего хорошего.

Безусловно, после разделения мира на отдельные валютные и технологические зоны уровень жизни вырастет не сразу. Но ведь человек не только экономический индивид. Вместе с обновлением экономики обновится и система ценностей: на смену идеалам потребления придет важность личностного и духовного развития. При правильной организации зональной экономики вопросы выживания будут закрыты, а чрезмерное потребление сменится рациональным подходом к использованию ресурсов. Человеку предстоит задуматься, зачем он пришел в этот мир, и остановить гонку материального накопительства.

В общем, новый мир, возможно, окажется не так уж и плох. В своей книге Михаил Хазин описывает конкретные штрихи посткризисной экономики.

THE ACCUMULATED KNOWLEDGE WILL FORM THE BASIS OF A NEW ECONOMIC PARADIGM

“The essential difference between the post-crisis situation, i.e. the competition of (relatively) independent currency zones, and the situation of the 19th and 20th centuries is that the existing economic theory will allow the zones’ elites to actively seek new paradigms of economic development. At the same time, of course, it must be understood that if the world were to break up into currency zones, capitalism would still be in place for at least a few decades.” [p. 411]

Mikhail Khazin predicted the disintegration of the global economy into currency zones back in 2008, and today we are seeing it becoming a reality increasingly fast. This raises a legitimate and very troubling question: what awaits us after the end of capitalism?

NEW WORLD, NEW VALUES

So, according to the prediction of Mikhail Khazin, the unified global system of division of labor will break up into independent currency zones. It will certainly cause a decrease in the division of labor, a simplification of technology, and a drop in living standards. But this is the only way out of the crisis, since there are no external resources left to maintain the old system.

Each region will recover from the crisis on its own, and to restore the economy it will have to stop siphoning off resources to its metropole and establish barriers to commodity and currency movement. Regions with excessive infrastructure will experience the greatest decline. Regions with insufficient infrastructure will be able to create it by limiting the withdrawal of the resources from the region.

In such a scenario, we can expect the global economy to roll back to the level of early 20th century. The only thing that inspires optimism in this situation is the development of technology in recent years. But all of the above does not mean that nothing good awaits the average people in the future.

Of course, once the world is divided into separate currency zones and technology areas, living standards will not rise immediately. But the humans are not about just economic activity. Along with the renewal of the economy, the system of values will also be renewed: the consumerist ideals will be replaced by the importance of personal and spiritual development. With a properly organized zonal economy, survival issues will be resolved, and excessive consumption will be replaced by a rational approach to the use of resources. The humans will have to think about why they came into this world, and stop the race of consumerism.

The new world might not turn out to be so bad, after all. In his book, Mikhail Khazin describes specific nuances of the post-crisis economy.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ — ЭТО НЕ СССР

Как только речь заходит об альтернативе капитализму, ассоциации с Советским Союзом неизбежны, ведь когда-то советское государство такой альтернативой и являлось. Однако Михаил Хазин указывает на несомненные минусы советского социализма.

«Можно ли придумать альтернативную конструкцию, которая сможет сопротивляться капиталистической модели и при этом не попадет в ловушку советской системы, которая оказалась слишком бюрократически неповоротливой, что и стало причиной ее гибели в 80-е годы прошлого века? <...> Если вспомнить базовые претензии, которые предъявлялись социализму и капитализму, то в наиболее простейшем варианте они выглядят так: если при капитализме есть серьезные проблемы с социальной справедливостью, то при социализме находится в сильном загоне личная активность граждан. Грубо говоря, не получается у наиболее активных эту свою активность проявлять. В бизнесе, в первую очередь. Понятно, что эти проблемы во многом связаны: именно опасения того, что яркий, пусть и талантливый, индивидуалист будет активно разрушать систему социальной стабильности, заставляя ли при социализме его ограничивать». [стр. 415-417]

СОЛИДАРНОЕ НАКОПЛЕНИЕ ВМЕСТО КРЕДИТНОГО МАХОВИКА

Анализируя сильные и слабые стороны построения альтернативной капитализму экономики в СССР, Михаил Хазин приходит к выводу, что успешными в новом мире могут стать экономические проекты, основанные на солидарном способе накопления как на источнике кредитования.

«А вот как конкретное государство, СССР, обеспечивало базовую идею Красного проекта, запрет на частное присвоение ссудного процента? А очень просто — оно этот доход забирало в пользу государства и потом правильным образом делило: что-то шло на поддержание развития существующих предприятий, что-то — на инвестиции в новые, что-то — на перспективные разработки. А стоимость кредита для всех во все времена оставалась постоянной, хотя для предприятий она и отличалась от граждан. А для того, чтобы нельзя было создать альтернативной системы и накопить избыток капитала, частная собственность была запрещена... Точнее, в малом и даже среднем бизнесе она существовала до середины 50-х годов (в форме артелей), частично могла существовать и до конца социализма в виде кооперативных структур, но особой роли после смерти Сталина она уже не играла. Так что социальная справедливость (относительная, разумеется) была, а вот проявить индивидуальную активность было сложно, неоткуда было взять ресурс. И вот здесь у меня возник вопрос, который касался как раз артелей. Откуда у них-то возникал ресурс? А

THE NEW ECONOMIC MODEL IS NOT THE USSR

As soon as we start talking alternatives to capitalism, associations with the Soviet Union are inevitable, since this state used to be such an alternative. However, Mikhail Khazin points out the disadvantages of Soviet socialism which are beyond any doubt.

“Is it possible to think of an alternative construct that can resist the capitalist model without falling into the trap of the Soviet system, which turned out to be too bureaucratized and rigid, ultimately causing its demise in the 1980s? <...> If we recall the basic points of criticism in relation to socialism and capitalism, they roughly look like this: capitalism has serious problems with social justice, while socialism, in turn, heavily restricts the personal activity of the people. Generally speaking, the most active people are not able to be active — first and foremost, in business. It is clear that these problems are largely related: it was the fear that a staunch, although talented, individualist would actively destroy the system of social stability that restricted him under socialism.” [pp. 415-417]

SOLIDARITY ACCUMULATION INSTEAD OF A CREDIT MERRY GO ROUND

Analyzing the strengths and weaknesses of building an economy alternative to capitalism in the USSR, Mikhail Khazin concludes that economic projects based on the solidarity accumulation as a source of lending can be successful in the new world.

“So, how did the particular state, the USSR, ensure the basic idea of the Red Project — the prohibition of private appropriation of the loan interest? Very simple: it took this income in favor of the state and then divided it the way it saw fit: partly to support the development of existing enterprises, partly to invest in new ones, partly for promising research. The cost of credit remained constant at all times, for everyone, the only difference being between the rates for businesses and individuals. And in order to prevent formation of an alternative system and accumulation of surplus capital, private ownership was prohibited... More precisely, it did exist in small and even medium-sized business sectors until the mid-50s (in the form of ‘artels’), and it partially could exist until the end of socialism in the form of cooperative entities, but it never played a major role since Stalin’s death. So there was social justice (relative, of course), but it was difficult to engage in any individual activity on own initiative, as there was no place to get resources from. This is when I started

оказывается, они могли брать кредиты в Госбанке! <...> фиксированная ставка процента и отсутствие частного капитала позволяли достаточно пропорционально (т. е. справедливо) брать часть богатства от всех и за счет этого строить экономику страны. Но не только СССР использует эту модель. Если говорить о современных государствах, то он часто используется консервативными государствами для финансирования важных проектов. Наиболее часто это делает Япония, что, собственно, и позволяет этой стране иметь чуть ли не самый большой по отношению к ВВП долг. Но есть и другие примеры, прежде всего те, которые можно назвать инклюзивными экономическими системами». [стр. 418]

ПРИОРИТЕТ ДОЛГОСРОЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ЭКОНОМИКИ

Михаил Хазин отмечает, что солидарный способ накопления проигрывает временному, и для этого есть объективные причины. Во-первых, он сложнее в использовании (оформление кредита всегда проще, чем коллективное вложение в реальный сектор). Во-вторых, технологии его оформления (сбор и гарантии для вкладчиков) отлажены не так хорошо, как у банковской системы. В-третьих, создание финансовых пирамид в рамках этого способа практически невозможно. С точки зрения экспансии солидарный способ накопления, возможно, плох, а вот с точки зрения долгосрочных интересов экономики, он является более эффективным.

«А может ли использующая чисто солидарную систему концентрации капитала экономика выиграть соревнование с экономикой капиталистической, заведомо более быстрой? Как показал пример СССР, да, вполне. Но только в сфере соревнования больших экономических систем, глобальных проектов. А вот на уровне домохозяйств и малых сообществ СССР составить конкуренцию Западу не сумел: уровень жизни в пике развития Советского Союза в начале 80-х годов прошлого века составлял всего 70% от уровня жизни в США (по паритету покупательной способности). При этом психологическое ощущение от отставания было еще сильнее, причем особенно сильным оно было как раз у тех людей, которые должны бы были стать лидерами инновационного процесса. Высокая степень бюрократизации жизни в СССР со второй половины 70-х годов не давала таким людям развернуться, более того, их аккуратно выводили из экономической жизни. А если еще вспомнить, что резкий рост уровня жизни советских людей с середины 70-х годов был связан с началом экспорта нефти, то картина становится совсем грустной. А почему СССР не поддерживал инклюзивную экономику, экономику малых сообществ? Тут можно предположить много вариантов, но главной причиной, по всей видимости, было то, что любая частная концентрация капитала на тот момент воспринималась как попытка подрыва пролетарского государства». [стр. 422]

pondering about artels in particular. Where were they getting their resources from? Turns out they could borrow from the State Bank! <...> The fixed interest rate and the absence of private capital allowed them to take a rather proportional (i.e., fair) share of the wealth from everyone and thus contribute to the country's economy. But this model is not specific for the USSR. If we talk about the present day, it is often used by conservative states to finance important projects. Japan does it most often, which, in fact, allows this country to have one of the largest debt-to-GDP ratios. But there are other examples, mainly those that can be called inclusive economic systems." [p. 418]

PRIORITIZING THE LONG-TERM INTERESTS OF THE ECONOMY

Mikhail Khazin notes that the solidarity-based method of accumulation loses to the time-based one, and there are objective reasons for this. First, it is more difficult to use (it is always easier to arrange a loan than a collective investment in the real sector). Second, its procedure (collection and guarantees for depositors) is not as well-tuned as the banking system. Thirdly, the creation of Ponzi schemes is virtually impossible within that kind of economy. The solidarity-based accumulation may be worse from the expansion perspective, but it is more efficient from the perspective of the long-term economic interests.

"Can an economy that uses a purely solidary system of capital concentration win the competition with a capitalist economy that is known to be faster? As the example of the USSR showed, yes, it can. But only in the competition of large economic systems and global projects. At the level of households and small communities, the USSR was unable to compete with the West: the standard of living at the Soviet Union's peak in the early 1980s was only 70 percent of that of the United States (in terms of purchasing power parity). At the same time, the psychological feeling of falling behind was even stronger, and it was especially strong for those people who should have been the leaders of the innovation process. The high extent of bureaucratization of life in the Soviet Union since the second half of the 1970s did not allow such people to reveal their potential: in fact, they were carefully locked out of the economic life. And if we recall that the sharp rise in living standards of the Soviet people that started in the mid-1970s was associated with the beginning of oil exports, the picture becomes especially sad. So why didn't the USSR support an inclusive economy, an economy of small communities? We can assume many reasons, but the main one seems to have been that any private concentration of capital at that time was perceived as an attempt to undermine the proletarian state." [p. 422]

ДОВЕРИЕ И КОНТРОЛЬ — КЛЮЧЕВЫЕ МОМЕНТЫ

У нескольких поколений советских людей есть крайне негативный опыт вложения капитала в какие-либо проекты: это и фальшивые финансовые пирамиды, и ваучеры предприятий, исчезнувших в дымке 90-х, и множество других известных случаев. Как с подобным отношением создавать солидарный капитал? Михаил Хазин считает, что проблему доверия способны решить современные технологии, которые позволят контролировать свои активы.

«Отметим, что в условиях капиталистической экономики, где человек человеку — волк (такая система отношений естественным образом вытекает из экономической модели капитализма), ключевой проблемой солидарной системы накопления капитала является доверие. Грубо говоря, где гарантия, что люди, которым ты доверишь свои деньги (или другие активы), не убегут с ними в Лондон? Собственно, и бегут. Именно по этой причине такой способ обычно применяют малые общины, которые явно выделяются из общей массы населения, причем это отличие достаточно болезненно. То есть солидарность в рамках этой малой системы имеет для каждого члена общины высокую ценность. Старообрядцы протестовали против государственной церкви, национальные общины защищают свою самобытность, у других групп есть и другие отличительные особенности. Как только опознавательный признак «свой — чужой» исчезает, практически все гарантии исчезают вместе с ним. Но современные технологии типа блокчейн позволяют решить эту проблему радикально, поскольку они дают возможность контролировать свои активы (и при договоренности — все остальные активы) в таком сообществе в режиме реального времени. Иными словами, возможно не просто привлечение денег под конкретный проект в стиле «краудфандинг» (по большому счету с полной потерей контроля), но куда более серьезное вовлечение в процесс развития нового проекта. Более того, если подобную модель начать применять в массовом порядке, то она начнет стимулировать новые социальные технологии. Задачей которых будет не просто собрать деньги под проект, а собрать в рамках некоторого сообщества людей, которые заинтересованы в этом проекте не только финансово, но и по другим причинам. Иными словами, ключевым элементом сбора ресурсов под новые проекты станет социальное конструирование, создание новых социальных групп и конструкторов. При этом эта система неминуемо должна сочетаться с кредитной (поскольку кредитование оборотных средств никто не отменял), но последняя может осуществляться по советской технологии, т. е. через государственный банк, который будет выдавать кредиты по фиксированной ставке и в рамках достаточно универсальной технологии». [стр. 424]

TRUST AND CONTROL ARE THE KEY POINTS

Several generations of Soviet people have extremely negative experiences of investing in any projects: these include fraudulent Ponzi schemes, vouchers for enterprises that disappeared in the haze of the 1990s, and many other well-known cases. How does one create solidarity capital with this kind of attitude? Mikhail Khazin believes that the problem of trust can be solved by modern technology, which will allow people to control their assets.

“It should be noted that in a capitalist economy, where ‘homo homini lupus est’ is the main principle (such a system of relations naturally follows from the economic model of capitalism), the key problem of the solidarity system of capital accumulation is trust. Roughly speaking, how can you guarantee that the people you trust with your money (or other assets) will not grab the cash and run away to London? As a matter of fact, they often do. For this exact reason, this method is most often used by small communities, which clearly stand out from the general population, and this difference is causing them quite a lot of problems. That is, solidarity within this small system is of greater value to each member of the community. The Old Believers protested against the state-controlled church, certain national communities defend their identity, and other groups have other distinctive characteristics. As soon as this “friend-foe” identification disappears, virtually all guarantees disappear along with it. However, modern technologies like blockchain solve this problem radically, because they allow you to control your assets (and all other assets, given proper consent) in such a community in real time. In other words, it is possible not just to raise money for a specific project through crowdfunding (by and large with a complete loss of control), but to be much more seriously involved in the development of a new project. Moreover, if such a model is applied on a mass scale, it will begin to stimulate new social technologies. These will be designed not just to raise money for a project, but to raise it within a certain community of people who are interested in this project, for financial and also other reasons. In other words, the key to raising resources for new projects will be social construction, the creation of new social groups and constructs. At the same time, this system must inevitably be combined with lending (since working capital lending hasn't gone anywhere), but the latter can follow the Soviet policy, i.e., being carried out through a state bank, which will issue loans at a fixed rate and under a fairly universal procedure.” [p. 424]

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ВМЕСТО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО

Наше мышление во многом сформировано капиталистическими идеями, и набор стереотипов мешает объективно смотреть на новый сценарий экономического развития. Но надо точно понимать, что время будет меняться и менять нас. На развитие сценария, обозначенного Михаилом Хазиним, уйдут годы, и движение к новой реальности будет очень поступательным. Итогом этого движения, возможно, станет создание новой системы общественных отношений.

«Отметим, что на первом этапе такие солидарные проекты будут довольно ограниченными, сконцентрировать большой объем капитала будет сложно. В том числе и потому, что юридические и технические процедуры контроля и защиты участников (уже не просто вкладчиков) требуют достаточно серьезной отработки, но по мере развития системы они могут стать достаточно серьезными. Собственно, банковская система и соответствующее законодательство тоже развивались достаточно долго, многие сотни лет. Так что солидарная система концентрации капитала должна пройти довольно большой и сложный путь. Отметим, что эта модель снимает проблему связи инноваций и стоимости: поскольку инвестиции в инновации в рамках такой системы бесплатные, они не увеличивают стоимость произведенной продукции. И в случае, если в какой-либо отрасли не получается собрать достаточный капитал, инновации в ней просто на какое-то время останавливаются. До тех пор, пока не будут придуманы соответствующие социальные технологии и проекты, которые позволят привлечь под них деньги. Солидарная концентрация капитала позволяет как конструировать новые социальные модели, так и практически любому человеку участвовать в самых разных интересных ему проектах и группах, создает совершенно новую реальность. То есть теоретически можно будет сказать о том, что общество, построенное на научно-техническом прогрессе, перейдет к обществу, построенному на социально-техническом прогрессе. И это может создать нового человека и новую систему общественных отношений даже быстрее, чем это попытался сделать СССР». [стр. 425]

ЭКОНОМИКА ЦЕННОСТЕЙ

По мнению Михаила Хазина, старая система будет сопротивляться, но не сможет выдержать конкуренцию с новой системой в силу того, что новая система обладает рядом преимуществ. Одно из ее несомненных достоинств — опора на общие ценности при реализации экономических проектов. Конечно, на пути формирования солидарного капитала будут еще встречаться мошенники. Но главную роль в регулировании вопроса новых ценностей должно взять на себя государство.

«В частности, придется очень тщательно и качественно описать систему отношений участников таких проектов и системы их управления (управляющих), а также возможности по выходу участников и получению прибыли. Но все равно самое главное свойство

SOCIO-TECHNICAL PROGRESS INSTEAD OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL PROGRESS

Our thinking is largely shaped by capitalist ideas, and a set of stereotypes prevents us from giving the new scenario of economic development an unbiased look. But we should definitely understand that time will change and we will change accordingly. The scenario outlined by Mikhail Khazin will take years to develop, and the movement toward the new reality will be very gradual. This movement will probably result in the creation of a new system of social relations.

“Note that such solidarity projects will be quite limited at the start, as it will be difficult to concentrate a large amount of capital. This is also due to the fact that the legal and technical procedures for monitoring and protection of the participants (they are now more than just depositors) require a fairly serious elaboration, but as the system develops, those can become quite serious. In fact, the banking system and the corresponding legislation have also been developing for quite a long time, many hundreds of years. So the solidarity system of capital concentration has a rather long and complicated way to go. We should also note that this model removes the problem of connecting innovation to value: since investment in innovation under this system is free of charge, it does not increase the cost of the finished products. And if an industry fails to raise sufficient capital, innovation in it simply stops for a while — until appropriate social technologies and projects can be invented to raise money for them. A solidarity-based concentration of capital allows both the new social models to be constructed, where virtually any individual can participate in a variety of projects and groups of interest, creating an entirely new reality. That is, theoretically, it will be possible to say that a society built on scientific and technological progress will shift to a society built on socio-technical progress. And it can create the new human and a new system of social relations even faster than the USSR tried to do.” [p. 425]

THE VALUES ECONOMY

According to Mikhail Khazin, the old system will resist, but will be unable to compete with the new system, which has numerous advantages. One of its undoubted merits is its reliance on shared values in economic projects. Of course, there will still be fraudsters on the way to forming solidarity capital. But it is the state that has to take the lead in regulating the matter of new values.

“In particular, we will have to be very careful and diligent in describing the relations between the participants of such projects and the system of their management (managers), as well as opportunities for the participants to withdraw and make a profit. But still, the most important feature of this system is that it is free from

этой системы — она свободна от проблем, связанных с временной концентрацией капитала (кредитом). Во-первых, потому, что она не залезает в будущее, а потому не завязана жестко на темпах роста. Если сбережения недостаточны, темпы начала новых проектов будут замедляться, если возникнет их избыток — ускоряться. Менеджеры не обязаны будут в обязательном порядке к фиксированному сроку получить прибыль и обеспечить капитализацию. А критически важные отрасли будут формировать государство, как это происходит с оборонной промышленностью в СССР/России. Во-вторых, поскольку она включает в себя не только экономическую, но и социальную составляющую, она будет самоструктурировать общество, причем в сторону наиболее конструктивных ценностных систем. Грубо говоря, наиболее ответственные и честные люди будут преуспевать, а жулики и мошенники столкнутся с серьезными проблемами. Прежде всего, потому, что первый вопрос, который будут задавать человеку, который собирает под свой проект 10 млн, будет состоять в том, чтобы он предъявил свои предыдущие проекты на 1 млн. И если он не сможет дать ответ или ответ этот будет не удовлетворителен... <...> В-третьих, поскольку стоимость инвестиций в ней нулевая, они фактически, как и при феодализме, концентрируются за счет сбережений. И как следствие, она не залезает в будущее, в ней не может возникнуть ситуация, при которой объем инвестиций в производственный сектор станет настолько велик, что их будущий возврат приводит к кризису. К слову, кредитную накачку частного спроса она вообще не запрещает, этот инструмент теоретически может быть использован. А вот инвестиционные фонды и банки, которые делают вложения в основные средства предприятий из денег, обремененных практически обязательной доходностью, должны быть запрещены. Как должны быть запрещены и кредиты, обеспеченные участием в солидарных проектах. То есть фактически эта модель свободна от тех проблем, которые неминуемо ограничивают срок существования классического капитализма». [стр. 427-428]

Таким образом, научно-технический прогресс и капиталистическая модель экономики должны уйти в историю. Нас ждет следующий этап развития экономики, который Михаил Хазин называет социально-техническим прогрессом.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

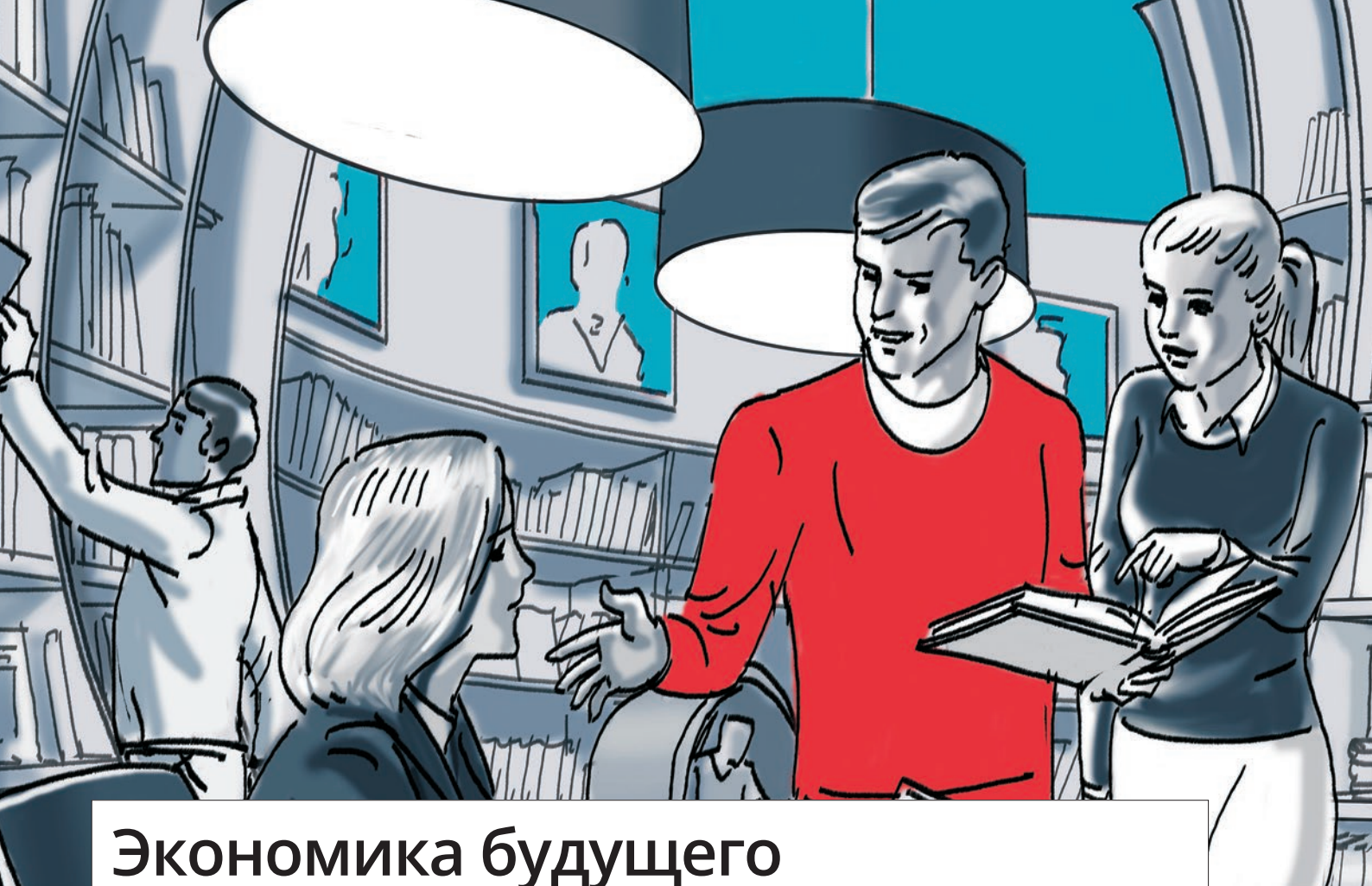
Как бы ни было сложно жить в эпоху перемен, мы должны иметь стойкое намерение найти в сложившихся обстоятельствах новые модели, которые способны привести нас к успеху. Модель, предложенная Михаилом Хазиним в его книге и рассмотренная нами в этой статье, может стать одной из таких подсказок. А уж выбор, меняться вместе с миром и менять этот мир к лучшему или плыть по течению и грустить о прошлом, зависит только от нас самих. И пусть мы пока не свободны от общемирового развития политических событий, внутри себя мы уже можем начать переоценку ценностей, позволяющих жить счастливой жизнью вне общества потребления, которому приходит конец.

the problems associated with the time-based concentration of capital (lending). First, because it does not project itself into the future, and therefore is not strictly pegged to the growth rate. The new projects will slow down when savings are in short supply, and speed up as they are in the surplus. Managers will not be required to make a profit and provide capitalization until a fixed deadline. And critical industries will be shaped by the state, much like the military industrial complex in the USSR/Russia. Second, since it includes not only the economic but also the social component, it will force the society to structure itself in a way that brings it closer to the most constructive value-based systems. Roughly speaking, the most responsible and honest people will prosper, while fraudsters and swindlers will face serious problems. First of all, the reason is that the first thing a person trying to raise 10 million for its project will be asked is to present previous 1-million projects. And if they cannot answer, or the answer is not satisfactory... <...> Third, since the cost of investment in such system is zero, the borrowings are actually concentrated from savings, as under feudalism. As a consequence, it does not project itself into the future, it cannot have a situation in which the volume of investment in the production sector becomes so large that repaying it results in a future crisis. By the way, it does not prohibit the lending-based acceleration of private demand at all, this tool can theoretically be used too. But investment funds and banks, which invest in the fixed assets of enterprises out of money encumbered with almost mandatory returns, should be banned. At the same time, loans secured by participation in solidarity projects should also be prohibited. In fact, this model is free from the problems that inevitably limit the lifespan of 'classical' capitalism." [pp. 427-428]

Thus, scientific and technological progress and the capitalist economy must become a thing of the past. We are facing the next stage of economic development, which Mikhail Khazin calls the socio-technical progress.

TO BE CONTINUED...

No matter how hard it is to live in interesting times, we must have the steadfast intention to find new models that can lead us to success given the circumstances. One of those models is proposed by Mikhail Khazin in his book and discussed by us in this article. Do we want to change along with the world and change the world for the better, or do we go with the flow and grieve about the past? The choice is up to us. Even if we are not yet free from the global political developments, we can already begin to redefine our internal values, so we can live happily outside the consumerist society that is coming to an end.

Экономика будущего как объект исследования.

10 популярных книг последних лет

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-S1-90-96

The Economy of the Future as an Object of Research.

10 Popular Books from Recent Years

Искусственный интеллект, автоматизация и интернет вещей, глобальные демографические изменения, эволюция социальных ценностей — ожидается, что экономика будущего будет определяться технологическими достижениями и процессами значимых общественных изменений. Это может привести к большим переменам в нашей жизни: как мы работаем, живем и потребляем товары и услуги. Зачатки того, что произойдет, мы наблюдаем уже сегодня. Тем более интересно зафиксировать этот взгляд — сделать снимок того, что сейчас пишут эксперты о будущем в своих книгах.

Artificial intelligence, automation and the Internet of Things, global demographic changes, the evolution of social values — the economy of the future is expected to be shaped by technological advances and processes of significant social change. This can lead to big changes in the ways we work, live and consume goods and services. Today, we are starting to see the beginnings of what will happen. It is all the more interesting to capture this view — to take a snapshot of how experts are currently describing the future in their books.

Елизавета Захарова
Аспирант факультета
социальных наук НИУ
ВШЭ

Elizaveta Zakharova
PhD student, Department
of Social Sciences, National
Research University Higher
School of Economics

Выдающиеся экономисты, финансисты и управленцы анализируют текущие глобальные процессы и формируют свои прогнозы относительно будущего экономики. Все это находит отражение в ряде книг, получивших известность во всем мире. В этих работах сочетаются личный опыт авторов и глубокий анализ ситуации, что делает каждую из книг уникальной. Можно выделить несколько ключевых моментов, которые сегодня обсуждаются в теме экономики будущего:

1. Автоматизация и искусственный интеллект. Поскольку технологии продолжают развиваться, растет озабоченность по поводу их влияния на рынок труда. Многие эксперты считают, что автоматизация и искусственный интеллект приведут к значительному сокращению рабочих мест, особенно в низкоквалифицированных отраслях.
2. Устойчивое развитие и воздействие на окружающую среду. С ростом осведомленности об изменении климата и воздействии деятельности человека на окружающую среду все большее внимание уделяется построению устойчивой экономики. Она включает в себя инвестиции в возобновляемые источники энергии, сокращение выбросов углерода и продвижение моделей экономики замкнутого цикла.
3. Цифровизация. Цифровая экономика быстро расширяется, и все больше и больше компаний переходят в онлайн и используют цифровые инструменты для связи с клиентами и оптимизации их операций. Это приводит к появлению новых бизнес-моделей и потребности в цифровых навыках сотрудников.
4. Глобализация и торговля. Экономика стран становится все более взаимозависимой, а предприятия и потребители во всем мире более связаны, чем когда-либо прежде. Это приводит к росту международной торговли и инвестиций, а также к обеспокоенности по поводу влияния глобализации на рабочие места и неравенство.

Prominent economists, financiers and managers analyze current global trends to build their predictions about the future of the economy. All of this is reflected in a number of books that have received worldwide acclaim. These works combine the authors' personal experiences with an in-depth analysis of the situation, making each book unique. Nevertheless, it is possible to highlight a few key points that are being discussed today within the domain of the economy of the future:

1. Automation and Artificial Intelligence. As technology continues to evolve, there is growing concern about its impact on the labor market. Many experts believe that automation and artificial intelligence will cause significant job cuts, especially in low-skilled industries.
2. Sustainability and Environmental Impact. With the growing awareness of climate change and the impact of human activities on the environment, more and more attention is being paid to building a sustainable economy. This includes investing in renewable energy, reducing carbon emissions, and promoting circular economy models.
3. Digitalization. The digital economy is expanding rapidly, with more and more companies going online and using digital tools to connect with customers and streamline their operations. This creates new business models and requires the employees to learn new digital skills.
4. Globalization and Trade. Economies are becoming increasingly interdependent, and businesses and consumers around the world are more connected than ever before. This leads to an increase in international trade and investment, while also raising concerns about the impact of globalization on jobs and inequality.

-
5. Изменение демографии. По мере старения населения и продолжающейся урбанизации меняются потребление и спрос на товары и услуги. Это открывает новые возможности в таких секторах, как здравоохранение и уход за пожилыми людьми, но также создает проблемы для систем и инфраструктуры социального обеспечения.
 6. Социальная ответственность. Потребители будут требовать, чтобы компании брали на себя дополнительные обязательства перед обществом, вели бизнес этично. То есть занимались такими вопросами, как разнообразие и инклюзивность в кадровой политике, справедливая оплата труда и ответственное использование данных.

В предлагаемом дайджесте мы выбрали наиболее интересные, на наш взгляд, книги, вышедшие за последние пять лет, которые рассматривают различные аспекты экономики будущего.

1. СИГНАЛЫ: 27 ТЕНДЕНЦИЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ БУДУЩЕЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Книга, 2021 г., Wiley

Джефф Дежарден

В книге «Сигналы» основатель и главный редактор сайта Visual Capitalist Джефф Дежарден и его команда исследуют 27 наиболее важных тенденций, определяющих будущее нашей глобальной экономики. Эта поразительная книга опирается на океаны данных, окружающие нас, чтобы получить представление о том, где мы находимся и куда движемся — от общества и демографии до окружающей среды, цифровых технологий, рынков и многого другого. «Сигналы» обязательны к прочтению для предпринимателей, руководителей, политиков и регуляторов — да и просто для всех, кто стремится ориентироваться в сложном мире.

2. ЧЕЛОВЕК/МАШИНА: БУДУЩЕЕ НАШЕГО ПАРТНЕРСТВА С МАШИНАМИ

Книга, 2019 г., Kogan Page

Дэниел Ньюман, Оливье Бланшар

Авторы «Человека/машины» изучают, как мы будем работать в симбиозе с машинами, подробно описывая пути развития институтов, компаний, частных лиц и образовательных учреждений для беспрепятственной интеграции с новыми технологиями. Эта книга, содержащая эксклюзивные примеры из практики, предлагает заглянуть в будущее и подробно рассказывает о том, как ведущие компании процветают уже сегодня благодаря этим особым отношениям. От геймификации в профессиональном обучении до интегрированных команд управления проектами, включающих ботов и предиктивные технологии, которые устраняют

-
5. Changing Demographics. As populations age and continue to urbanize, consumption and demand for goods and services change. This opens up new opportunities in sectors such as health care and elder care, but it also poses challenges for social welfare systems and infrastructure.
 6. Social Responsibility. Consumers are increasingly demanding that companies make extra commitments to the society and conduct business ethically. That is, that they start facing such issues as diversity and inclusion in their human resources policies, fair pay, and responsible use of data.

In this digest we have selected what we consider to be the most interesting books published in the last five years that address various aspects of the economy of the future.

1. SIGNALS: THE 27 TRENDS DEFINING THE FUTURE OF THE GLOBAL ECONOMY

Book, 2021, Wiley

Jeff Desjardins

In Signals, Visual Capitalist founder and editor-in-chief Jeff Desjardins and his team explore the 27 most important trends shaping the future of our global economy. This striking book draws on the oceans of data we're all surrounded by to extract insights about where we are and where we are headed — from society and demographics to the environment, digital tech, the markets, and more. Signals is a must-read for entrepreneurs, executives, policymakers, and regulators — or simply, anyone seeking to navigate a complex world.

2. HUMAN/MACHINE: THE FUTURE OF OUR PARTNERSHIP WITH MACHINES

Book, 2019, Kogan Page

Daniel Newman, Olivier Blanchard

Human/Machine explores how we will work symbiotically with machines, detailing how institutions, companies, individuals and education providers will evolve to integrate seamlessly with new technologies. With exclusive case studies, this book offers a glimpse into the future and details how top companies are already thriving on this very special relationship. From gamification in job training to project management teams integrated with bots and predictive technologies that fix problems in the supply chain before they happen, the authors deliver a powerful manifesto

проблемы в цепочке поставок до того, как те возникнут — авторы представляют мощный манифест в пользу принятия и использования автоматизации и ИИ. В условиях более изменчивой экономики, основанной на профессиональных навыках, нам всем придется доказывать свою состоятельность и постоянно обновлять свои знания и умения. Эта книга предлагает план действий, который поможет избежать отставания и открыть возможности, уникальные для экосистем, характеризующихся партнерством человека и машины.

3. БУДУЩЕЕ КАПИТАЛИЗМА: ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЫХ ТРЕВОГ

Книга, 2018 г., Harper

Пол Коллиер

Новые глубокие расколы разрывают общество Соединенных Штатов и других западных стран: процветающие города против сельских округов, высококвалифицированная элита против менее образованных, богатые страны против развивающихся. В своей страстной и полемичной книге знаменитый экономист Пол Коллиер излагает блестяще оригинальные и этичные способы преодоления этих разрывов — экономических, социальных и культурных — с холодной головой прагматика, а не с пылом сторонника возрождения какой-либо идеологии. Он рассказывает о том, как он лично преодолевал эти три разрыва, переезжая из рабочего Шеффилда в сверхконкурентный Оксфорд, работая между Великобританией и Африкой, и признает некоторые недостатки своей профессии. Опираясь на свои собственные решения, а также на идеи самых выдающихся социологов мира, он показывает, как можно спасти капитализм от самого себя и освободиться от интеллектуального багажа двадцатого века.

for the adoption and celebration of automation and AI. In a much more fluid, skills-based economy, we will all need to prove our worth and future-proof our skills base. This book offers a blueprint to avoid being left behind and unearth the opportunities unique to human-machine partnership ecosystems.

3. THE FUTURE OF CAPITALISM: FACING THE NEW ANXIETIES

Book, 2018, Harper

Paul Collier

Deep new rifts are tearing apart the fabric of the United States and other Western societies: thriving cities versus rural counties, the highly skilled elite versus the less educated, wealthy versus developing countries. In a passionate and polemical book, celebrated economist Paul Collier outlines brilliantly original and ethical ways of healing these rifts — economic, social and cultural — with the cool head of pragmatism, rather than the fervor of ideological revivalism. He reveals how he has personally lived across these three divides, moving from working-class Sheffield to hyper-competitive Oxford, and working between Britain and Africa, and acknowledges some of the failings of his profession. Drawing on his own solutions as well as ideas from some of the world's most distinguished social scientists, he shows us how to save capitalism from itself — and free ourselves from the intellectual baggage of the twentieth century.

4. БУДУЩЕЕ РАБОТЫ: РОБОТЫ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АВТОМАТИЗАЦИЯ

Книга, 2018 г., Brookings Institution Press

Даррелл М. Уэст

В этой книге представлен ряд предложений, которые помогут людям справиться с переходом от индустриальной экономики к цифровой. Нам следует расширить понятие занятости, включив в него волонтерство и воспитание детей, и уделять больше внимания вариантам проведения свободного времени. Новые формы идентичности станут возможны, когда «работа» перестанет стоять во главе чувства личной значимости, и люди смогут заняться более широким спектром деятельности. Работники будут

4. THE FUTURE OF WORK: ROBOTS, AI, AND AUTOMATION

Book, 2018, Brookings Institution Press

Darrell M. West

This book presents a number of proposals to help people deal with the transition from an industrial to a digital economy. We must broaden the concept of employment to include volunteering and parenting and pay greater attention to the opportunities for leisure time. New forms of identity will be possible when the “job” no longer defines people's sense of personal meaning, and they engage in a broader range of activities. Workers will need help throughout their lifetimes

нуждаться в помощи на протяжении всей своей жизни, чтобы приобрести новые навыки и развить новые профессиональные способности. Будут необходимы политические реформы для снижения поляризации и проведения цивилизованных, открытых и здоровых дебатов о том, кто несет ответственность за экономическое благополучие. Эта книга — важный вклад в дискуссию о завтрашнем дне, которая должна состояться сегодня.

5. ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Книга, 2017 г., Penguin Group

Кlaus Schwab

Повсеместные мобильные суперкомпьютеры. Интеллектуальные роботы. Беспилотные автомобили. Нейротехнологическое усовершенствование мозга. Редактирование генома. Кардинальные перемены окружают нас повсюду, и они развиваются экспоненциально. Профессор Клаус Шваб, основатель и исполнительный председатель Всемирного экономического форума, уже более четырех десятилетий находится в эпицентре глобальных событий. Он убежден, что мы стоим перед началом революции, которая коренным образом изменит образ нашей жизни, работы и общения друг с другом, о чем он повествует в своей книге «Четвертая промышленная революция».

6. ТРЕТЬЯ ВОЛНА: ВЗГЛЯД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ НА БУДУЩЕЕ

Книга, 2017 г., Simon & Schuster

Steve Case

Стив Кейс предсказывает, что мы находимся на заре очередной технологической революции, не похожей ни на одну из тех, что мы видели раньше — Третьей волны интернета, которая изменит экономику и наш образ жизни. «Третья волна» — это отчасти мемуары, отчасти манифест, а отчасти руководство к действию для будущего. Кейс объясняет, со всей страстью и ясностью, каким образом вновь возникающим технологическим компаниям (все большее число которых, как он утверждает, будет базироваться за пределами Кремниевой долины) придется пересмотреть свои отношения с клиентами, конкурентами и правительствами, и дает советы, как предпринимателям принимать выигрышные бизнес-решения и стратегии — и как всем нам разобраться в этой меняющейся цифровой эпохе.

to acquire new skills and develop new job capabilities. Political reforms will be necessary to reduce polarization and restore civility so there can be open and healthy debate about where responsibility lies for economic well-being. This book is an important contribution to a discussion about tomorrow — one that needs to take place today.

5. FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Book, 2017, Penguin Group

Klaus Schwab

Ubiquitous, mobile supercomputing. Intelligent robots. Self-driving cars. Neuro-technological brain enhancements. Genetic editing. The evidence of dramatic change is all around us and it's happening at exponential speed. Professor Klaus Schwab, Founder and Executive Chairman of the World Economic Forum, has been at the centre of global affairs for over four decades. He is convinced that we are at the beginning of a revolution that is fundamentally changing the way we live, work and relate to one another, which he explores in his book, *The Fourth Industrial Revolution*.

6. THE THIRD WAVE: AN ENTREPRENEUR'S VISION OF THE FUTURE

Book, 2017, Simon & Schuster

Steve Case

In *The Third Wave*, Steve Case predicts that we're at the dawn of the next technological revolution unlike anything we've seen before — the Third Wave of the internet — that will transform the economy and the way we live our lives. *The Third Wave* is part memoir, part manifesto, and part playbook for the future. With passion and clarity, Case explains the ways in which newly emerging technology companies (a growing number of which, he argues, will not be based in Silicon Valley) will have to rethink their relationships with customers, with competitors, and with governments; and offers advice for how entrepreneurs can make winning business decisions and strategies — and how all of us can make sense of this changing digital age.

7. КОНЕЦ АЛХИМИИ: ДЕНЬГИ, БАНКОВСКОЕ ДЕЛО И БУДУЩЕЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Книга, 2017 г., W. W. Norton & Company

Мервин Кинг

Промышленная революция заложила фундамент нашей современной капиталистической эпохи. Однако расцвет технологических инноваций в тот период опирался на широкое распространение двух гораздо более старых идей: создание бумажных денег и изобретение банков, выдававших кредиты. Сегодня мы воспринимаем эти системы как нечто само собой разумеющееся, однако в своей основе обе идеи были революционными и почти магическими. Обычная бумага стала такой же ценной, как золото, а рискованные долгосрочные кредиты превратились в безопасные краткосрочные банковские вклады. Кинг называет этот процесс финансовой алхимией — созданием необыкновенных финансовых возможностей, бросающих вызов реальности и здравому смыслу. Вера в эти силы привела к огромным выгодам; создаваемая ими ликвидность подпитывает экономический рост вот уже два столетия. Однако они также породили бесконечную череду экономических катастроф — от гиперинфляции и финансовых кризисов до недавней глобальной рецессии и нынешней стагнации. Как примирить сильные стороны этих идей с присущими им слабостями? Опираясь на свой уникальный опыт, Кинг дает свежее толкование этих экономических сил и указывает дальнейший путь развития мировой экономики. Его смелые решения пробиваются сквозь нынешнее перегруженное и необоснованно сложное законодательство, обеспечивая четкий путь к уверенному процветанию и прекращению чрезмерной зависимости от финансовой алхимии наших предков.

8. ПОСТКАПИТАЛИЗМ: ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НАШЕМУ БУДУЩЕМУ

Книга, 2017 г., Farrar, Straus and Giroux

Пол Мейсон

«Посткапитализм» Пола Мейсона утверждает, что мы стоим на пороге настолько больших и глубоких перемен, что на этот раз сам капитализм — чрезвычайно сложная система, в рамках которой функционируют целые общества — превратится в нечто совершенно новое. В основе этих изменений лежат информационные технологии — революция, движущей силой которой является капитализм, но которая, благодаря способности сводить к нулю стоимость большей части того, что мы производим, способна разрушить экономику, основанную на рынках, заработной плате и частной собственности. В этой смелой и пророческой книге Мейсон показывает, как из пепла кризиса у нас есть шанс создать более социально справедливую и устойчивую экономику. Несмотря на

7. THE END OF ALCHEMY: MONEY, BANKING, AND THE FUTURE OF THE GLOBAL ECONOMY

Book, 2017, W. W. Norton & Company

Mervyn King

The Industrial Revolution built the foundation of our modern capitalist age. Yet the flowering of technological innovations during that dynamic period relied on the widespread adoption of two much older ideas: the creation of paper money and the invention of banks that issued credit. We take these systems for granted today, yet at their core both ideas were revolutionary and almost magical. Common paper became as precious as gold, and risky long-term loans were transformed into safe short-term bank deposits. As King argues, this is financial alchemy — the creation of extraordinary financial powers that defy reality and common sense. Faith in these powers has led to huge benefits; the liquidity they create has fueled economic growth for two centuries now. However, they have also produced an unending string of economic disasters, from hyperinflations to banking collapses to the recent global recession and current stagnation. How do we reconcile the potent strengths of these ideas with their inherent weaknesses? King draws on his unique experience to present fresh interpretations of these economic forces and to point the way forward for the global economy. His bold solutions cut through current overstuffed and needlessly complex legislation to provide a clear path to durable prosperity and the end of overreliance on the alchemy of our financial ancestors.

8. POSTCAPITALISM: A GUIDE TO OUR FUTURE

Book, 2017, Farrar, Straus and Giroux

Paul Mason

Paul Mason's Postcapitalism argues that we are on the brink of a change so big and so profound that this time capitalism itself, the immensely complex system within which entire societies function, will mutate into something wholly new. At the heart of this change is information technology, a revolution that is driven by capitalism but, with its tendency to push the value of much of what we make toward zero, has the potential to destroy an economy based on markets, wages, and private ownership. In this bold and prophetic book, Mason shows how, from the ashes of the crisis, we have the chance to create a more socially just and sustainable economy. Although the dangers ahead are

серьезные грядущие опасности, он уверен, что есть основания испытывать надежду. Это первый случай в истории человечества, когда, обладая пониманием того, что происходит вокруг нас, мы можем предсказывать и формировать будущее.

9. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БУДУЩЕГО

Книга, 2017 г., Simon & Schuster

Алек Росс

Алек Росс представляет «ясный и информированный путеводитель» (согласно оценке Financial Times) по изменениям, которые произойдут в ближайшие десять лет. Он рассматривает области, которые в наибольшей степени определяют наше экономическое будущее, включая робототехнику и искусственный интеллект, киберпреступность и кибербезопасность, коммерциализацию геномики, следующую ступень развития больших данных, а также влияние цифровых технологий на деньги и рынки. В каждой из этих сфер Росс затрагивает самые сложные вопросы: как нам предстоит адаптироваться к меняющемуся характеру работы? Может ли перспектива кибервойны вызвать следующий виток гонки вооружений? Как растущие страны мира могут построить свои собственные инновационные центры, сравнимые с Кремниевой долиной? И что могут сделать сегодняшние родители, чтобы подготовить своих детей к завтрашнему дню?

10. ДОЛГОСРОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА: КАК ИЗМЕНИТСЯ ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК К 2050 ГОДУ?

Отчет, 2017 г., PwC

Джон Хоксворт, Ханна Аудино, Роб Клэрри

В этом отчете мы представляем наши последние прогнозы долгосрочного экономического роста, обновляя данные, представленные в отчете за 2015 год. Мы даем прогнозы роста ВВП до 2050 года для 32 крупнейших экономик мира, на долю которых в настоящее время приходится около 85% мирового производства. Надеемся, что этот анализ будет интересен политикам по всему миру, предприятиям, осуществляющим долгосрочные инвестиции, ученым, студентам и экономическим обозревателям. Эти долгосрочные прогнозы роста также будут использованы в других проектах и отчетах PwC.

profound, he argues that there is cause for hope. This is the first time in human history in which, equipped with an understanding of what is happening around us, we can predict and shape the future.

9. THE INDUSTRIES OF THE FUTURE

Book, 2017, Simon & Schuster

Alec Ross

In *The Industries of the Future*, Ross provides a “lucid and informed guide” (Financial Times) to the changes coming in the next ten years. He examines the fields that will most shape our economic future, including robotics and artificial intelligence, cybercrime and cybersecurity, the commercialization of genomics, the next step for big data, and the impact of digital technology on money and markets. In each of these realms, Ross addresses the toughest questions: How will we have to adapt to the changing nature of work? Is the prospect of cyberwar sparking the next arms race? How can the world’s rising nations hope to match Silicon Valley with their own innovation hotspots? And what can today’s parents do to prepare their children for tomorrow?

10. THE LONG VIEW: HOW WILL THE GLOBAL ECONOMIC ORDER CHANGE BY 2050?

Report, 2017, PwC

John Hawksorth, Hannah Audino, Rob Clarry

In this report, we present our latest long-term economic growth projections, providing an update to our 2015 results. We project GDP to 2050 for 32 of the largest economies in the world, which together currently account for around 85% of global GDP. We hope this analysis will be of interest to policymakers around the world, businesses making long-term investments, academics, students and economic commentators. These long-term growth projections will also feed into other PwC projects and reports.

«Не работаем, но занимаемся ремеслом».

Будущее постиндустриальной экономики

DOI 10.55140/2782-5817-2023-3-S1-97-103

“Make Crafts, Not Business.”

The Future of the Post-Industrial Economy

В рубрике «Простыми словами» мы публикуем материалы, которые, как и заявлено в названии, — написаны просто, без претензии на «научность». Такие статьи по своему жанру близки к эссе и представляют собой авторский взгляд, размышление на социально значимую тему. «Ручной труд, пережив тяжелейший период застоя во время индустриальной эпохи, возвращается к нам в новом обличье», — уверена социальный предприниматель Екатерина Затуливетер. Грань между покупателями и производителями размывается. Появляется новая модель потребления — просьюмеризм. Почему ремесленный труд нужно взять из прошлого в будущее и как это поможет человечеству уйти от массового потребительства к обществу просьюмеризма — в ее авторской статье.

In this column, “In Simple Words,” we publish materials that, as the title states, are written in simple words, without trying to be “scientific.” These articles are more like essays, representing their authors’ views and reflecting socially significant topics. “Manual labor, having survived the hardest period of stagnation during the Industrial Age, is now returning under a new guise,” social entrepreneur Ekaterina Zatuliveter believes. The line between consumers and producers is fading. A new consumption model is emerging, called prosumerism. Why craft labor should be brought from the past into the future and how it will help humanity move away from mass consumerism to a society of prosumerism, are the topics of this original article.

Екатерина Затуливетер

Сооснователь Агентства по развитию малых территорий «ЦЕЛЬ11», идеолог проекта «Путь ремесленника», сооснователь Школы эволюционного лидерства

Ekaterina Zatuliveter

Co-founder of “GOAL 11” small territory development agency, ideologist of The Artisan’s Journey, co-founder of the School of Evolutionary Leadership

ИЗМЕНЧИВЫЙ МИР

Мир меняется. Одна эпоха приходит на смену другой. Каждый такой переход становится тяжелым испытанием для человечества. В нас зашит механизм сопротивления переменам, но именно изменения помогают выживать, адаптироваться и эволюционировать.

Индустриальная эпоха дала человечеству множество инноваций, вывела на новый невиданный уровень развития. Однако чуть не привела нашу цивилизацию на грань уничтожения.

Сейчас мы переживаем переход от индустриальной к постиндустриальной эпохе развития человечества. Это то, что Элвин Тоффлер называет «третьей волной»¹, а Альберт Венгер в своей книге «Мир после капитала»² — переходом к эпохе знаний. Полная смена уклада жизни означает: меняется то, как мы живем, чем мы занимаемся, как обеспечиваем себе пропитание, как выстраиваем взаимоотношения с другими людьми, как рождаем и воспитываем детей и т. п.

В каждую эпоху (а человечество за время своего существования пережило три³), есть свой дефицит, вокруг которого выстраивается жизнь всего общества. Переход от одного дефицита к другому обуславливается инновацией. В эпоху собирательства дефицитом была еда: забил мамонта — живешь какое-то время спокойно, не забил — умираешь с голода.

Аграрная эпоха вступает в свои права в момент изобретения сельского хозяйства. Еда перестает быть дефицитом, им становится земля, т. к. на ней можно выращивать еду впрок. Теперь, если у тебя есть земля, то жизнь твоя успешна, а если земли у тебя нет, то ты идешь в рабство к тому, у кого она есть. Выживать охотой и собирательством становится намного сложнее, чем раньше, т. к. земля теперь кому-то принадлежит.

С изобретением технологий дефицит перемещается от земли к капиталу. Теперь, если у тебя есть капитал, ты успешен, а земля больше ничего не значит, т. к. с помощью технологий ты можешь на маленьком участке земли вырастить в десятки раз больше, чем раньше. К примеру, сегодня, чтобы прокормить население планеты в 8 млн человек, требуется 20% от всей той земли, которую использовали в аграрную эпоху, чтобы прокормить 1 млн человек. Снова инновация становится толчком к переходу человечества на новую ступень (см. Таблица 1).

Уклад жизни людей выстраивается вокруг дефицита. В эпоху собирательства мы жили в пещерах, существовала полигамия, основными занятиями были охота и собирательство.

В аграрную эпоху с изобретением сельского хозяйства мы переезжаем в дома, устанавливается моногамия, рождаем много детей в каждой семье, живем большой семьей вместе, чтобы легче

A CHANGING WORLD

The world is changing. Eras come and go, replacing one another. Each transition becomes a severe test for the humankind. While the humans have a built-in mechanism to resist change, it is change that helps us survive, adapt and evolve.

The Industrial Age gave humankind many innovations, taking it to a new, unprecedented level of development. But it also nearly brought our civilization to the brink of destruction.

Right now we are transitioning from the Industrial to the Post-industrial Age of human development. This is what Alvin Toffler calls the “third wave”¹, and Albert Wenger in his book “The World After Capital”² calls it the transition to the age of knowledge.

A new era in the development of humankind means a complete change in the way we live our lives, what we do, how we provide for ourselves, how we relate to others, how we bear and raise children, etc.

Every era (of which the humankind has experienced three³ so far) is described through a scarcity around which the life of society as a whole was built. The transition from one scarcity to another happens as a result of innovation. In the Forager Age, food was in short supply; you kill a mammoth, and you can live happily for a while; you do not kill one — you starve to death.

The humankind entered the Agrarian Age the moment agriculture was invented. Food was no longer in scarcity, but land was, since this was the resource needed to grow food. This time, you could live a happy and successful life if you had land; if you didn't, you had to become a slave for someone who had it. It became much harder to survive by hunting and gathering, because all land was owned by someone.

With the advent of technology, scarcity shifted from land to capital. This time, you had to have capital to be successful. Land meant nothing anymore, because the technology enabled growing dozens of times more crops than before. For example, feeding a world population of 8 million people only took 20% of the land that was used in the Agrarian Age to feed 1 million people. Again, innovation becomes the impetus for humanity's transition to a new stage (see Table 1).

People's way of life is built around scarcity. In the Forager Age, we lived in caves, there was polygamy, and hunting and gathering were our main activities.

In the Agrarian Age, with the invention of agriculture, we moved into homes, monogamy was established, families had lots of children and lived happily together, to make it easier to work a

1 Toffler, A. (2022). *The third wave: The classic study of tomorrow*. Bantam.

2 Wenger, A. (2021). *The World After Capital*.

3 Имеется в виду эпоха собирательства, аграрная и индустриальная (прим. ред.).

1 Toffler, A. (2022). *The third wave: The classic study of tomorrow*. Bantam.

2 Wenger, A. (2021). *The World After Capital*.

3 *The Forager, Agrarian and Industrial Societies* (ed.).

Таблица 1. Дефициты и инновации трех эпох в развитии человечества (по А. Венгеру) Table 1. Scarcity and Innovations of the Three Eras in Human Development (by A. Wenger)			Таблица 2. Дефициты и инновации четырех эпох в развитии человечества (по А. Венгеру) Table 2. Scarcity and Innovations of the Four Eras in Human Development (by A. Wenger)		
Эпоха Era	Инновация Innovation	Дефицит Scarcity	Эпоха Era	Инновация Innovation	Дефицит Scarcity
Собирательства Forager Age		Еда Food	Собирательства Forager Age		Еда Food
Аграрная Agrarian	Сельское хозяйство Agriculture	Земля Land	Аграрная Agrarian	Сельское хозяйство Agriculture	Земля Land
Индустриальная Industrial	Технологии Technologies	Капитал Capital	Индустриальная Industrial	Технологии Technologies	Капитал Capital
			Знаний Knowledge	Цифровые технологии Digital Technology	Внимание Attention

было обработать большое количество земли. Вся жизнь течет в соответствии с сезонами года.

В индустриальную эпоху происходит массовый переезд людей из деревень в города. Семьи из больших становятся маленькими. Теперь ребенок — это не дополнительная рабочая сила на земле, а человек, которому нужно дать образование и помочь устроиться в жизни. Работа впервые приобретает то значение, что имеет сейчас: конкретные рабочие часы с утра до вечера на заводе или в офисе за оплату труда в конце месяца (или другого временного промежутка). Владельцы капитала диктуют условия, остальные тратят жизнь на то, чтобы завладеть хоть какой-то частичкой капитала. Ручной труд теряет свою ценность, массовое производство приходит ему на смену.

ЭКОНОМИКА ВНИМАНИЯ

Сегодня мы находимся на пороге новой эпохи, а значит и нового уклада жизни. Что мы уже знаем? Инновация, которая стала толчком к переходу — это цифровые технологии. А капитал, как когда-то еда и земля, перестает быть дефицитом. В новой экономике дефицитом становится внимание (см. Таблица 2).

Наш уклад жизни в этих новых условиях тоже меняется. Цифровые технологии дают возможность людям жить там, где им нравится, без привязки к физическому месту добычи ресурса. При этом в новую эпоху не произойдет такого массового скопления людей в одном типе мест (как в городах в индустриальную эпоху или в деревнях в аграрную). Люди будут распределяться по разным территориям: одни переезжают в деревни, другие остаются в городах, кто-то едет к морю, а кто-то в горы. Важным становится найти свое место, понять, что тебе нравится и чего хочется.

large amount of land. Our entire life followed the seasons of the year.

The Industrial Age is marked with a large-scale movement of people from the countryside to the cities. Families got smaller. A child was no longer an extra pair of hands to work the land, but a person who needed education and help in settling in life. This was the first time that work had acquired its modern form: fixed working hours from morning to evening at a factory or in an office, with monthly, or other regular payments. Capital owners dictated the terms, while the rest spent their lives trying to take possession of even a tiny fraction of the capital. Manual labor is losing its value, being replaced by mass production.

THE ATTENTION ECONOMY

Today we are standing on the threshold of a new era, which means a new way of living. What do we know about it today? The innovation that spurred the transition was digital technology. Capital has ceased to be in short supply, as food and land did previously. In the new economy, the scarcity is attention (see Table 2).

This new environment means our way of life has to change accordingly. Digital technology enables the people to live where they like, without being tied to the physical location where a certain resource is produced. In this new era, people will no longer be accumulated around a certain place (such as the cities in the Industrial Age or the villages in the Agrarian Age). People will spread more or less evenly over different territories: some move to villages, others stay in the cities, some go to the sea, and some go to the mountains.

Характеристикой семей тоже станет разнообразие, отсутствие одного признака (как большие семьи в аграрную эпоху или малые в индустриальную). В постиндустриальной эпохе будут и большие семьи, и малые, и семьи из одного человека, и возможно целые поселения-семьи.

Подвергнутся серьезным изменениям все «фабрики»: детские сады, школы, больницы, дома для престарелых и т. д. Все они были созданы для того, чтобы работающее население с утра до вечера могло проводить время, зарабатывая на жизнь на заводах и в офисах, не отвлекаясь на заботу о детях, больных и пожилых. В новую эру люди намного больше времени будут проводить с семьей. Альфа-версию такой жизни мы попробовали во время локдауна в 2020 году.

РАБОТА VS. САМОРАЗВИТИЕ И РЕШЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЗАДАЧ

Работа перестанет быть местом, куда нужно приходить по будням и получать зарплату в конце месяца. Уже сейчас идут дебаты о том, что люди тратят огромное количество времени на ненужную и/или вредную работу. В то же время не решаются глобальные вызовы человечества, от которых зависит выживание нашей цивилизации. Один из таких сценариев красочно описан в фильме «Не смотрите вверх».

Вся концепция «работы» подвергается переосмыслению. Одним из предположений рассматривается введение безусловного базового дохода (ББД). Гипотеза ББД в том, что человек, получая базовый доход на все свои нужды, не будет тратить время на бесполезную работу ради зарплаты, и тогда освободившееся время разделится на две части: внимание на себя и внимание на решение глобальных задач.

Внимание на себя включает саморазвитие, понимание смысла жизни, своего предназначения (т. е. те вопросы, над которыми нет времени задуматься в индустриальном мире), а также внимание на близких — детей, семью, друзей (тех, кому зачастую не удается уделить качественное время в гонке индустриального мира).

Внимание на решение глобальных задач будет больше похоже на ту «работу», которую сейчас выполняют некоторые благотворительные организации, исследовательские центры и фонды. Если мы, как цивилизация, хотим выжить, всему человечеству необходимо сделать акцент на глобальных вызовах, которые могут привести к нашему исчезновению. Альберт Венгер называет постиндустриальную эпоху эпохой знаний именно потому, что человечеству необходимо сгенерировать огромное количество знаний, чтобы выжить.

Конечно, не вся работа в ее индустриальном понимании исчезнет, как никуда не делось сельское хозяйство. Предположу, что по аналогии с землей, от всей «работы», которая существует сейчас, останется 20% профессий — например, пожарные.

It becomes important to find your place, to understand what you like and what you want.

Families, too, will become more diverse, lacking a single common attribute (which was peculiar of large families in the Agrarian Age or small ones in the Industrial Age). In the Post-industrial Age, there will be large families, small families, one-person families, and perhaps entire family settlements.

All “factories” will undergo serious changes: nurseries, schools, hospitals, elderly houses, etc. All of them were created so that the working people could spend their days making a living in factories and offices, without being distracted by caring after the children, the sick, and the elderly. In the new era, people will spend much more time with their families. We trialed an “alpha” version of such life during the lockdown in 2020.

JOB VS. SELF-DEVELOPMENT AND GLOBAL PROBLEM SOLVING

Job will cease to be a place where you have to come in on weekdays and get paid at the end of the month. There is already a debate going on about people wasting an enormous amount of time doing unnecessary and/or harmful work. At the same time, the global challenges faced by the humankind, on which the survival of our civilization depends, are left unaddressed. One such scenario is vividly presented in the 2021 motion picture “Don't Look Up.”

The whole concept of “job” is being redefined. One of the assumptions considered is the introduction of universal basic income (UBI). The hypothesis behind UBI is that a person receiving basic income enough to cover all their needs, will not waste time on useless work just to make a living, and will instead use their free time to turn attention to themselves and to address global problems.

Turning attention to oneself includes self-development, understanding the meaning of life, one's purpose (all the issues we have no time to reflect on in the industrial world), as well as attention to loved ones — children, family, friends (those who often cannot be given quality time in the haste of the industrial world).

The focus on global challenges will be more like the “work” currently being done by some charities, research centers, and foundations. If we are to survive as a civilization, all of the humankind needs to focus on the global challenges that could lead to our extinction. Albert Wenger calls the Post-industrial Age The Knowledge Age precisely because the humankind needs to generate enormous amounts of knowledge in order to survive.

Of course, not all jobs in its industrial sense will disappear, just as agriculture hasn't vanished. I would assume that by drawing parallels with the land, of all the “job” that exists now, 20% of the professions would remain — for example, firefighters.

80% безработицы на планете — это немало, но важно понимать, что привычная нам концепция «работы» появилась не так давно и только по причине смены эпох. Именно труд на заводах и в офисах больше всего подходит для борьбы за дефицит индустриальной эпохи — капитал. Со сменой дефицита меняется и жизненный уклад. Не нужно расценивать этот процент с точки зрения капиталистического рынка. В новой эпохе другие критерии. И, конечно, этот процесс будет происходить постепенно, а не одновременно. К тому же помним, что «работа» пришла на смену рабству и крепостничеству и с этой точки зрения была большим прогрессом развития человечества.

Это не означает, что процесс потери работы большинством населения планеты будет простым. Как и в переход от аграрной эпохи к индустриальной, будут те, кто поймет, какие значительные изменения грядут, и вовремя сменит свой жизненный уклад, и будут те, кто до последнего будет цепляться за уходящее.

Еще одна важная черта наступающей эпохи, которая значительно влияет на возникновение новой экономической системы, — это переход от желаний к потребностям. Индустриальная эпоха учила нас создавать желания в наших головах. Например, у человека есть потребность в пище, а устрицы с белым вином — это желание, но не потребность. И одно дело, когда человек по-настоящему хочет устриц с белым вином, а другое — когда это навязано рынком. Чем больше люди будут задумываться, чего же они на самом деле хотят, что для них по-настоящему важно, тем сложнее будет системе с массовым потреблением манипулировать желаниями людей, и это приведет к ее упадку. Это не очередной экономический кризис, это переход к новой эпохе с совсем другими правилами.

РУЧНОЙ ТРУД КАК СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В НОВОЙ ЭПОХЕ

Ручной труд, ремесленничество, не имевшее шансов к процветанию в индустриальную эпоху, в эпоху знаний становится спасением. Умение работать руками решает сразу множество запросов человека:

- Внимательное и медленное создание материальных предметов своими руками возвращает людей из ума в тело.
- Качественная долговечная продукция вместо массовой, низкокачественной и часто заменяемой.
- Позитивное влияние творчества, работы руками на психологическое состояние человека.

В моем проекте «Путь ремесленника» мы помогаем той небольшой касте мастеров по всей стране понять свое предназначение, уметь проявлять его в своих изделиях и вместе со знаниями традиций нести ремесло в массы, не только создавая востребованные изделия, но и обучая этому окружающих. Спрос на ручной труд уже виден в рыночном предложении: возникает множество мастерских (столярных, гончарных, ювелирных и пр.), куда может

80% unemployment on the global scale is no small number, but it is important to understand that the concept of the “job” we are used to has emerged not so long ago and only because of the change of eras. Most people work at the factories and offices to acquire the capital that is the scarcity of the Industrial Age. As scarcity change, so does the way of life. This percentage should not be viewed from the perspective of the capitalist market. The new era has different criteria. And, of course, this process will happen gradually, not all at once. Besides, let us remember that “job” replaced slavery and serfdom, so it represented a great advance in human development from this perspective.

This does not mean that most of the world’s population losing their jobs will be a minor process. As in the transition from the agricultural society to the industrial era, there will be those who realize the significance of the change and adapt their way of life promptly, and there will be those who will cling to the end of what is passing.

Another important feature of the coming era that significantly influences the emergence of the new economic system is the shift from desires to needs. The Industrial Age taught us to create desires in our heads. For example, a person has a need for food, but oysters and white wine are a desire, not a need. It’s one thing when a person really wants oysters and white wine, and another thing when these desires are imposed by the market. The more people think about what they really want, what really matters to them, the harder it will be for a system based on mass consumption to manipulate people’s desires, and this will lead to its demise. This is not another economic crisis, but a transition to a new era with very different rules.

MANUAL LABOR AS THE SALVATION OF HUMANKIND IN THE NEW ERA

Manual labor, craftsmanship, which had no chance to flourish in the industrial age, becomes the salvation in the The Knowledge Age. The ability to work with one’s hands solves many human needs:

- Careful and slow creation of material objects with one’s own hands brings people back from the mind to the body.
- High-quality, long-lasting products instead of mass-produced, low-quality and frequently replaced ones.
- Creativity and manual work will have a positive effect on a person’s psychological state.

In my project The Artisan’s Journey, we help a small cohort of artisans across the country understand their purpose, be able to manifest it in their products and, together with knowledge of tradition, bring craft to the masses, not only creating in-demand products, but also teaching others to do so. The demand for craft labor can already be seen in the market supply chain: there are many workshops (carpentry, pottery, jewelry, etc.), where

прийти любой, и самостоятельно, либо обучаясь у мастера, создать для себя необходимые вещи.

Свободное время в таких мастерских, где ты можешь долго делать какой-то предмет (например, стол для своего дома), дает человеку долгосрочное состояние счастья, в отличие от покупки того же стола, где порция дофамина нам обеспечена ненадолго и только при условии, что купленный стол превысил наши ожидания.

Как только человек получает этот опыт, то на смену выходным в торговом центре приходят выходные за гончарным кругом. Так происходит переход от массового потребления к просьюмеризму⁴.

Может показаться, что просьюмеризм — это возвращение в аграрную эпоху: производство необходимого для себя. Однако

anyone can come and create the things they need on their own or by learning from a master.

Free time in such workshops, where you can spend a lot of time making an item you need (for example, a table for your home), gives a person a long-term state of happiness, unlike buying the same table, where the dopamine burst is short-lived and occurs only if the purchase exceeds our expectations.

Once one gets that experience, then weekends at the mall will be replaced by weekends at the potter's wheel. This is the transition from mass consumption to prosumerism⁴.

It might seem that prosumerism is a return to the Agrarian Age, where everyone had to produce their own necessities. However, unlike prosumerism of the past, the prosumerism of

Сегодня мы находимся на пороге новой эпохи, а значит и нового уклада жизни. В новой экономике дефицитом становится внимание.

Today we are standing on the threshold of a new era, which means a new way of living. In the new economy, the scarcity is attention.

просьюмеризм прошлого отличается от просьюмеризма будущего тем, что у него появляются новые характеристики: экологичность, уникальность и поддержка психологического здоровья. Также в ремесленничестве возникает и активно развивается направление технокraftа. Примером является ремесленный фен, т. е. созданный таким образом, чтобы при поломке владелец фена мог его самостоятельно починить. Также новый просьюмеризм уже активно работает в цифровом пространстве: люди сами генерируют контент. Одни обошли по охватам федеральные или международные СМИ, а другие создают уникальный, востребованный контент для своих малых сообществ.

Многие из этих принципов экономики будущего были описаны еще в начале 1970-х британским экономистом Эрнстом Шумахером в книге «Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение»⁵.

the future has new properties: environmental focus, uniqueness and support for psychological health. Also, a new direction will emerge and actively develop within craftsmanship — that of technocraft. An example is a handcrafted hair dryer, designed so that the owner of the hair dryer can fix it easily if it breaks. The new prosumerism is already active in the digital space: people are generating content themselves. Some have greater reach than federal or international mainstream media, while others create unique, in-demand content for their small communities.

Many of these principles of the economy of the future were described back in the early 1970s by the British economist Ernst Schumacher in his book *Small Is Beautiful: A Study of Economics as if People Mattered*⁵.

4 *Просьюмер* (англ. *prosumer*, от *professional* либо *producer* + *consumer* — «профессиональный потребитель» либо «производитель-потребитель») — человек, который принимает активное участие в процессе производства товаров и услуг, потребляемых им самим. Термин предложен в 1980 году американским футурологом Элвином Тоффлером в книге «Третья волна». В обществе просьюмеров размываются границы между обладателями средств производства и конечными покупателями, между рабочим местом и жильем. Термин «просьюмер» иногда переводят как «производитель для себя». Источник: Википедия.

5 Шумахер, Э. Ф. (2012). *Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

4 *A prosumer* (professional or producer + consumer — “professional consumer” or “producer-consumer”) is a person who takes an active part in the process of making goods and services consumed by himself or herself. The term was proposed in 1980 by the American futurologist Alvin Toffler in his book “The Third Wave.” The prosumer society blurs the lines between the owners of the means of production and the final purchasers, between the workplace and home. The term “prosumer” is sometimes translated as “one’s own producer”. Source: Wikipedia.

5 Schumacher, E. F. (2012). *Small is Beautiful: A Study of Economics as if People Mattered*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.

ШАГИ В НОВУЮ ЭПОХУ

Переход к новой экономической модели не будет простым. Уже сделано немало, чтобы подготовить почву для этого перехода, но большие усилия еще требуются. Каждый из нас стоит перед выбором: пойти в новое, неизвестное или держаться за старое, понятное. В мире всегда есть сопротивление переменам, а это создает напряжение. Однако, чем больше будет поддержки старого уклада жизни, тем дольше и сложнее будет переход.

Вот что можно делать человеку, который хочет уже сегодня шагнуть в неизвестную новую эпоху и тем самым обеспечить наиболее бережный переход от одного уклада жизни к другому:

Больше не надо никуда бежать. Гонка сменяется созерцанием. Наступает время познания себя и окружающего мира.

- Беречь свое психологическое здоровье — нам предстоит еще немало сложных лет и важно пройти их, сохранив себя в здравом уме.
- Понять, что для нас по-настоящему важно, и целенаправленно уделять этому свое время. Возможно, это переезд туда, где хочется жить или дело, которым всегда хотелось заняться.
- Уделять время близким, бережно относиться к окружающим.
- Обеспечить себе подобие безусловного базового дохода: создать продукт/услугу, нуждающуюся в вашем времени только в момент его создания.
- Учиться отличать желания от потребностей.
- Учиться ручному труду и самообеспечению.

Время подмены средств достижения целей на источники целей прошло. Уже бессмысленно ставить целью владение красивой машиной или яхтой. Капитала для всех достаточно. Индустриальная эпоха сгенерировала необходимое количество капитала для всего человечества. Больше не надо никуда бежать. Гонка сменяется созерцанием. Наступает время познания себя и окружающего мира.

STEPS INTO THE NEW ERA

The transition to a new economic model will not be easy. Much has already been done to set the groundwork for this transition, but much effort is still required. Each of us faces a choice between venturing into the unknown, or holding on to the old familiar ways. There is always resistance to change in the world, and that creates tension. However, the more support there is for the old way of life, the longer and harder the transition will be.

Here is what a person can do if they want to venture into the unknown new era today, thereby ensuring the smoothest transition from one way of life to another:

You don't have to run anymore. The race is replaced by contemplation. There comes a time of learning about yourself and the world around you.

- Take care of your psychological health — we have a lot of difficult years ahead of us, and it is important to stay sane while going through them.
- Understand what is truly important, and purposefully spend more time on this. Maybe it's about moving to a place you want to live in, or starting a business you've always wanted to do.
- Take time for your loved ones, treat those around you with care.
- Provide yourself with a semblance of unconditional basic income: create a product/service that needs your time only at the moment of its creation.
- Learn to distinguish between needs and desires.
- Learn to do manual labor and be self-sufficient.

The time for substituting means of reaching ends with sources of ends is over. It no longer makes sense to strive to own a nice car or yacht. There is enough capital for everyone. The Industrial Age has generated the necessary amount of capital for all humankind. You don't have to run anymore. The race is replaced by contemplation. There comes a time of learning about yourself and the world around you.

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
относится к категории информационной продукции
для детей, достигших возраста 12 лет.

Тематический выпуск научно-популярного журнала «Позитивные изменения» посвящен экономике будущего. Аналитики, исследователи, футурологи и практики представили свое видение, как может и должна развиваться система социально-экономических отношений в обществе, а также пути, который нужно пройти, чтобы позитивные изменения в этой сфере наступили как можно скорее. В выпуске поднимаются вопросы будущего экономического образования, возможностей перехода от линейной к циклической экономике, судьбы гражданских финансов, будущего инвестиций и многие другие.

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Главный редактор: **Гладких Наталья Юрьевна**, к.психол.н., директор Института передовых исследований человека и общества, ведущий эксперт Института социально-экономического проектирования НИУ ВШЭ
Ведущий редактор: **Вайнер Владимир Леонидович**, директор «Фабрики позитивных изменений», заведующий центром инновационных экосистем в социальной сфере Института социально-экономического проектирования НИУ ВШЭ

Веб-сайт «Фабрики позитивных изменений»:
<https://positive-changes.ru/>

Веб-сайт журнала «Позитивные изменения»:
<http://impactjournal.ru/>

По вопросам подписки, распространения журнала
и сотрудничества:
editor@impactjournal.ru

Дизайн, производство: WOWHOUSE.ru

Иллюстрации: Кирилл Панченко

Редакторы: Юлия Вяткина, Татьяна Борисова

Юрист: Ирина Майсурадзе

Корректура и перевод: ООО «Бюро переводов «Лондон-Москва»,
Елена Ким

Издатель:

ООО «Фабрика позитивных изменений»

Отпечатано в России

Тираж: 999 экз.

**фабрика
позитивных
изменений**

This special issue of the Positive Changes popular science journal is dedicated to the Economy of the Future. Analysts, researchers, visionaries and practitioners share their vision how the social and economic relationships in the society can and should evolve and the path it must take to make positive changes happen as soon as possible. This issue raises questions about the future of economic education, the possibility of moving from a linear to a circular economy, the evolution of civil finance, the future of investing, and much more.

EDITORIAL COMMITTEE

Editor-in-Chief: **Natalia Yurievna Gladkikh**, PhD in Psychology, Director of the Institute for Advanced Study of Human and Society, Leading Expert at the HSE Institute for Social and Economic Design
Senior Editor: **Vladimir Leonidovich Vainer**, Director of Positive Changes Factory, Head of the Centre for Social Innovation Ecosystems at the HSE Institute for Social and Economic Design

Web-site Positive Changes Factory LLC:
<https://positive-changes.ru/>
Web-site Positive Changes Journal:
<http://impactjournal.ru/>

For subscription, journal distribution
and cooperation:
editor@impactjournal.ru

Design: WOWHOUSE.ru

Illustrations: Kirill Panchenko

Editors: Yulia Vyatkina, Tatiana Borisova

Lawyer: Irina Maysuradze

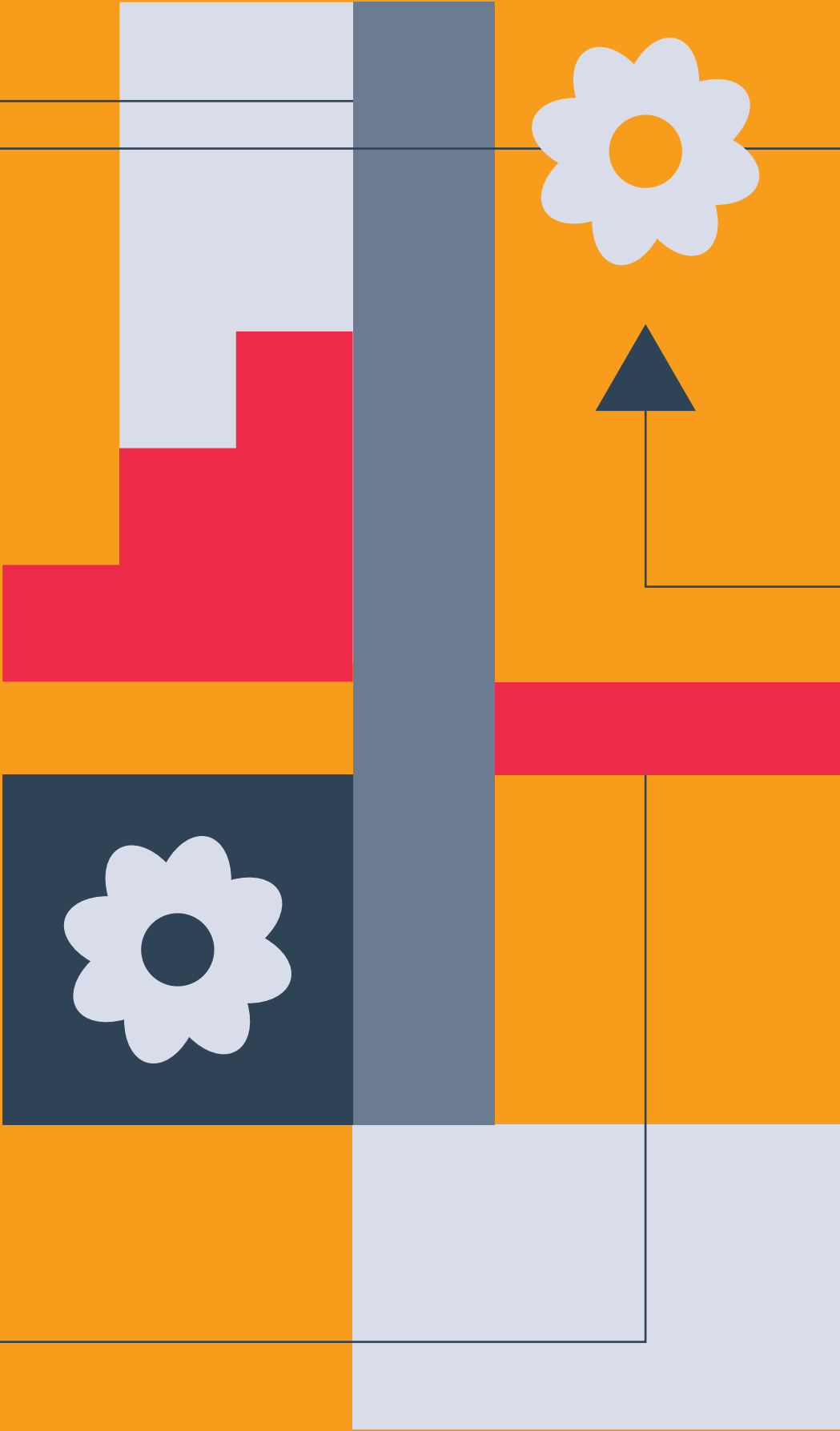
Translated and proofread by
London-Moscow Translations Ltd., Elena Kim

Publisher:

Positive Changes Factory LLC

Printed in Russia

Circulation: 999

ПОЗИТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ positive changes

Тематический выпуск научно-популярного журнала «Позитивные изменения» посвящен экономике будущего. Аналитики, исследователи, футурологи и практики представили свое видение, как может и должна развиваться система социально-экономических отношений в обществе, а также пути, который нужно пройти, чтобы позитивные изменения в этой сфере наступили как можно скорее.

В выпуске поднимаются вопросы будущего экономического образования, возможностей перехода от линейной к циклической экономике, судьбы гражданских финансов, будущего инвестиций и многие другие.

This special issue of the Positive Changes popular science journal is dedicated to the Economy of the Future. Analysts, researchers, visionaries and practitioners share their vision how the social and economic relationships in the society can and should evolve and the path it must take to make positive changes happen as soon as possible.

This issue raises questions about the future of economic education, the possibility of moving from a linear to a circular economy, the evolution of civil finance, the future of investing, and much more.

Издатель:
ООО «Фабрика позитивных изменений»